

ISSN (ONLINE): 2312-2757

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Язык

и Текст

**Language
and Text**

INTERNATIONAL
ELECTRONIC JOURNAL

№4 (10) 2023

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

Международный научный журнал
«Язык и текст»

Редакционная коллегия

Дергачева И.В. (Россия) – главный редактор
Махмудова С.М. (Россия) – заместитель главного редактора

Ахмедов Г.И. (Германия), Бугаева И.В. (Россия), Бурнакова К.Н. (Россия), Воропаев В.А. (Россия), Ковпак Н.А. (Россия), Конявская Е.Л. (Россия), Крутова М.С. (Россия), Леденева В.В. (Россия), Мазанаев Ш.А. (Россия), Сафронова Е.Ю. (Россия), Селендили Л.С. (Россия), Сейранян М.Ю. (Россия), Соболева Л.С. (Россия), Фрейдина Е.Л. (Россия), Герреро-Вильялба Х.А. (Испания), Шилихина К.М. (Россия), Шмелева А.В. (Россия), Щербак М.И. (Россия), Эрменехильдо Л.Г. (Испания), Капилупи С.М. (Россия), Понтон Д.М. (Италия), Ван Сяоян (Китай), Абакумова О.В. (Россия), Аннушкин В.И. (Россия), Бовшик А.С. (Россия), Величкова Л.В., Гребенюк В.П. (Россия), Есаулов И.А. (Россия), Исхакова З.З. (Россия), Конурбаев М.Э. (Россия), Корнев В.А. (Россия), Махмудова С.М. (Россия), Мурадян А.А. (Россия), Мурашкина О.В. (Россия), Ужанков А.Н. (Россия), Кавача А. (Италия), Астутто Д. (Италия), Фарачи Е.Г. (Италия), Маццоне С. (Италия), Герреро-Вильялба Х.А. (Испания).

Секретарь

Канель И.В.

Редактор и корректор

Канель И.В.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

Адрес редакции

123290, г. Москва, Шелепихинская набережная, 2А, стр. 2
Телефон: 8 (499) 256-87-50

E-mail: landlit@mail.ru

Сайт: <https://psyjournals.ru/en/langpsy>

Индексируется:

ВАК Минобрнауки России, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Directory of Open Access Journals (DOAJ), EBSCO, Google Scholar, Index Copernicus

Издается с 2014 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-67008 от 30 августа 2016 г.

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2023

International Scientific Journal
“Language and Text”

Editorial board

Dergacheva I.V. (Russia) – editor-in-chief
Makhmudova S.M. (Russia) – deputy editor-in-chief

Akhmedov G.I. (Germany), Bugaeva I.V. (Russia), Burnakova K.N. (Russia), Freydina E.L. (Russia), Kovpak N.A. (Russia), Konyavskaya E. L. (Russia), Krutova M.S. (Russia) Ledeneva, V. V. (Russia), Mazanaev S.A. (Russia), Murashkina O.V. (Russia), Voropaev V.A. (Russia), Selendili L.S. (Russia), Seiranyan M.Y. (Russia), Safronova E.Y. (Russia), Soboleva L.S. (Russia), Shcherbakova M.I. (Russia), Shilikhina K.M. (Russia), Shmeleva A.V. (Russia), Capilupi S.M. (Russia), Ponton D.M. (Italy), Wang X. (China), Hermenegildo L.G. (Spain), Abakumova O.V. (Russia), Annushkin V.I. (Russia), Bovshik A.S. (Russia), Velichkova L.V. (Russia) Grebenyuk V.P. (Russia), Esaulov I.A. (Russia), Iskhakova Z.Z. (Russia), Konurbaev M.E. (Russia), Kornev V.A. (Russia), Makhmudova S.M. (Russia), Muradyan A.A. (Russia), Murashkina O.V. (Russia), Uzhankov A.N. (Russia), Astuto G. (Italy), Cavazza A. (Italy), Faraci E.G. (Italy), Mazzone S. (Italy), Guerrero-Villalba, Jose Antonio (Spain).

Secretary

Kanel I.V.

Editor and proofreader

Kanel I.V.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Editorial office address

Shelepikhinskaya Embankment, 2A, 2, Moscow, Russia, 123290
Phone: 8 (499) 256-87-50

E-mail: landlit@mail.ru

Web: <https://psyjournals.ru/en/langpsy>

Indexed in:

Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian Science Citation Index (RSCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), EBSCO, Google Scholar, Index Copernicus

Published quarterly since 2014

The mass medium registration certificate:

El FS77-67008 number. Registration date 30.08.2016.

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text and images are the property of MSUPE and copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the polisher.

© MSUPE, 2023

Содержание

2023. Том 10. № 4

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Глагол как средство персонификации в тексте романа А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»	
<i>Ананьев Д.Н.</i>	7-14
Лингвокультурная специфика категоризации и стереотипизации цвета в разноструктурных языках	
<i>Маремукова Э.В.</i>	12-25
Особенности выражения категории фокуса в расщепленном предложении английского языка	
<i>Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Круковская О.А.</i>	30-39
Роль категории глагольного вида в выражении взглядов Л. Толстого на исторический процесс (на материале романа «Война и мир»)	
<i>Морозов В.Э.</i>	40-60

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

Воин победы — Дмитрий Боброк. К интерпретации исторического образа	
<i>Бруз В.В., Вититнев С.Ф., Шмелева А.В.</i>	61-67
Генезис образов посева и жатвы в батальном тексте рубежа XVIII-XIX века	
<i>Поташова К.А.</i>	68-80
Духовное просвещение и благочестие в проповеди конца XVII века	
<i>Соболева Л.С., Калинина А.Д.</i>	81-98
Князь перед кончиной: «Даю ряд сыном своим и своей княгини...»	
<i>Конявская Е.Л.</i>	99-106
Краткая редакция «Чтения о Борисе и Глебе» Нестора и 6-я Распространенная редакция Обычного жития Владимира в Торжественнике XV в.	
<i>Милютенко Н.И.</i>	107-117

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Рекомендации для русскоязычных учащихся по совершенствованию английского произношения	
<i>Бовшик А.С.</i>	118-126

Contents

2023. Vol. 10. No. 4

GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

The Verb as a Means of Personification in the Text of A.I. Solzhenitsyn's Novel «The GULAG Archipelago»	
<i>Anan'ev D.N.</i>	7-14
Linguocultural Specificity of Categorization and Stereotyping of Color in Languages with Different Structures	
<i>Maremukova E.V.</i>	15-29
The Features of the Expression of the Category of Focus in the Cleft Sentence of the English Language	
<i>Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A.</i>	30-39
The Role of the Verbal Aspects Category in Expressing L. Tolstoy's Views on the Historical Process (Based on the Material of the Novel «War and Peace»)	
<i>Morozov V.E.</i>	40-60

WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

The Warrior of Victory — Dmitry Bobrok. To the Interpretation of the Historical Image	
<i>Bruz V.V., Vititnev S.F., Shmeleva A.V.</i>	61-67
The Genesis of Images of Sowing and Reaping in the Battle Text of the Turn of the 18th-19th Century	
<i>Potashova K.A.</i>	68-80
Spiritual Enlightenment and Piety in Late 17th Century Preaching	
<i>Soboleva L.S., Kalinina A.D.</i>	81-98
Prince Ante Mortem: «I Give a Last Will to My Sons and My Princess»	
<i>Konyavskaya E.L.</i>	99-106
Abridged Version of the «Narration of Boris and Gleb» by Nestor and the 6th Version of St. Vladimir's Ordinary Vita in the Panegyrikon of the 15th Century	
<i>Milutenko N.I.</i>	107-117

LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES

Mastering English Pronunciation: Insights for Russian-Speaking Learners	
<i>Bovshik A.S.</i>	118-126

Предисловие

*А.Н. Ужанков, приглашенный редактор журнала «Язык и текст»,
доктор филологических наук, кандидат культурологии, профессор*

*Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачева*

Научный журнал «Язык и текст» традиционно делится на две секции: лингвистика и литературоведение. Работы по литературоведению в данном номере посвящены памятникам средневековой письменности и их рецепции в мировой литературе. Метод христианского реализма, лежащий в основе творчества древнерусских авторов, раскрывает для современного читателя основные идеи древнерусской словесности, обеспечивает

проникновение в смысл текста, написанного сакральным церковнославянским языком Божественной литургии, предоставляет возможность взглянуть на древнерусские духовные творения и мирскую словесность глазами их создателей, понять их предназначение в ближайшем культурном окружении эпохи, в которую они были созданы.

Так, в статье *Е.Л. Конявской* на примере исследования важных древнерусских документов — духовных грамот и завещаний князей описывается, как решались внутрисемейные проблемы при разделе имущества и вотчин. *«Завещатель старался не только обеспечить своих потомков и будущую вдову материально, но и считал своим долгом предусмотреть соблюдение в своей семье определенного порядка, предотвратить распри и вражду»*, — пишет автор.

В статье *Л.С. Соболевой и А.Д. Калининой* «Духовное просвещение и благочестие в проповеди конца XVII века» показано развитие одного из самых популярных жанров древнерусской литературы — проповеди. Помимо описания стилистических и риторических особенностей проповедей XVII века авторы публикуют два рукописных Слова из собрания Российской государственной библиотеки. В 70 Слове доказывается важность труда священника в составлении проповеди, необходимость в издании и чтении книг; 71 Слово заключает в себе мысль о противоестественности пьянства.

В статье *Н.И. Милютенко* «Краткая редакция «Чтения о Борисе и Глебе» Нестора и 6-я Распространенная редакция Обычного жития Владимира в Торжественнике XV в.» представлены тексты, посвященные первым русским святым князьям-мученикам Борису и Глебу и их отцу Владимиру Крестителю.

Широкий круг проблем ставится в работах, посвященных различным вопросам лингвистики: *Д.Н. Ананьев* в работе «Глагол как средство персонификации в тексте романа А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»» описывает и дает полиаспектную оценку с лингвистических позиций одному из основных способов создания образа ГУЛАГа в романе А.И. Солженицына — глагольной персонификации.

Е.А. Балыгина, Т.В. Ермолова и О.А. Круковская в статье «Особенности выражения категории фокуса в расщепленном предложении английского языка» изучают проблему

взаимодействия категории фокуса с семантическим и синтаксическим аспектами расщепленного предложения английского языка.

Статья *А.С. Бовшика* посвящена методике преподавания иностранных языков: в ней содержатся практические рекомендации как для преподавателей, так и для студентов, направленные на эффективное развитие произносительных навыков русскоязычных учащихся.

Теме патриотизма в русской литературе посвящены несколько работ: *В.В. Бруз*, *С.Ф. Вититнев* и *А.В. Шмелева* напоминают читателям об исторических заслугах Дмитрия Боброка в Куликовской битве.

К.А. Поташова посвящает работу выявлению литературного генезиса, смысловой составляющей и художественного потенциала образов жатвы и оратая в батальном тексте рубежа XVIII-XIX века, уточнению особенностей художественного мышления русских поэтов, ставших очевидцами и участниками Отечественной войны 1812 года.

Работа *Э.В. Маремуковой* направлена на раскрытие этнокультурных особенностей лингвистической экспликации цвета в неродственных кабардино-черкесском, русском и английском языках. Автор выявляет ключевые этностереотипные и категориальные характеристики цветоименований в разноструктурных языках.

Статья *В.Э. Морозова* «Роль категории глагольного вида в выражении взглядов Л. Толстого на исторический процесс (на материале романа «Война и мир»)» является вкладом в теорию аспектуальности, в ней автор выдвигает **теорию аспектуальных фреймов**, что представит интерес для развития не только теории вида и аспекта, но и лингвокультурологии.

Представленный сборник научных работ представляет большой интерес для лингвистов и литературоведов.

Глагол как средство персонификации в тексте романа А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»

Ананьев Д.Н.

Государственный университет просвещения; ГБОУ Школа «Марьино» имени маршала авиации А.Е. Голованова, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-2834-4187>, e-mail: daniil_ananев@bk.ru

Работа посвящена глагольной персонификации как средству предикатной оценки, востребованному при анализе концепта «ГУЛАГ» в романе А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Цель статьи — исследовать глагольную персонификацию и способы ее выражения, которые важны писателю для создания образа ГУЛАГа.

Объект исследования — текст романа А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», предмет — глагол как средство персонификации.

Описание процедуры и методов исследования. В тексте романа А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» исследована роль глагольной персонификации в создании образа сталинских лагерей и репрезентации концепта «ГУЛАГ». Применены методы наблюдения и сопоставления, элементы компонентного анализа, контекстуальный, лексикографический анализ.

Результаты исследования: выделен и получил полиаспектную оценку с лингвистических позиций один из основных способов создания образа ГУЛАГа в романе А.И. Солженицына — глагольная персонификация. Доказано, что персонификаторы становятся средством создания образа сталинских лагерей и его обитателей (заключенных), что является частью объема концепта и образа «ГУЛАГ» и представляет интерес для лингвистического исследования.

Практическая/теоретическая значимость исследования. Результаты исследования вносят вклад в изучение языка произведений А.И. Солженицына, расширяют представления о концептосфере писателя и средствах образности его текстов; они могут быть применены при освоении дисциплин «Язык художественной литературы», «Стилистика», «Лингвистический анализ текста», «Лингвистический анализ художественного текста» в вузе.

Ключевые слова: глагол, глагольная персонификация, концепт, предикат, концепт «ГУЛАГ», А.И. Солженицын, роман «Архипелаг ГУЛАГ».

Для цитаты: *Ананьев Д.Н.* Глагол как средство персонификации в тексте романа А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 4. С. 7–14. DOI:10.17759/langt.2023100401

The Verb as a Means of Personification in the Text of A.I. Solzhenitsyn's Novel «The GULAG Archipelago»

Daniil N. Anan'ev

State University of Enlightenment; GBOU School «Marino» named after Air Marshal
A.E. Golovanov, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-2834-4187>, e-mail: daniil_anan'ev@bk.ru

The work is devoted to verbal personification as a means of predicate evaluation, which is in demand when analyzing the concept of «GULAG» in A.I. Solzhenitsyn's novel «The GULAG Archipelago». The purpose of the article is to explore verbal personification and ways of expressing it, which are important for the writer to create an image of the GULAG.

The object of the study is the text of A.I. Solzhenitsyn's novel «The GULAG Archipelago», the subject is the verb as a means of personification.

Description of the procedure and research methods. The text of A.I. Solzhenitsyn's novel «The GULAG Archipelago» examines the role of verbal personification in creating the image of Stalin's camps and the representation of the concept of «GULAG». Methods of observation and comparison, elements of component analysis, contextual, lexicographic analysis are applied.

The results of the study: one of the main ways to create an image of the GULAG in the novel by A.I. Solzhenitsyn — verbal personification — was identified and received a multidimensional assessment from a linguistic point of view. It is proved that personifiers become a means of creating an image of the Stalinist camps and its inhabitants (prisoners), which is part of the scope of the concept and image of the «GULAG» and is of interest for linguistic research.

Practical/theoretical significance of the study. The results of the research contribute to the study of the language of A.I. Solzhenitsyn's works, expand the understanding of the writer's conceptual sphere and the means of imagery of his texts; they can be applied in the development of the disciplines «Language of fiction», «Stylistics», «Linguistic analysis of text», «Linguistic analysis of literary text» at the university.

Keywords: verb, verbal personification, concept, predicate, concept «GULAG», A.I. Solzhenitsyn, novel «The GULAG Archipelago».

For citation: Anan'ev D.N. The Verb as a Means of Personification in the Text of A.I. Solzhenitsyn's Novel «The GULAG Archipelago». *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 4, pp. 7–14. DOI:10.17759/langt.2023100401 (In Russ.).

Введение

В отечественной лингвистике в последние годы активно исследуется персонификация, благодаря которой может отражаться важная сторона национальной языковой картины мира; ученые обращаются к языковому материалу, характеризующему персонификацию в различных языках и конкретных идиолектах [7; 3; 16; 1; 6]. Активно этот вопрос

рассматривается также в отношении языка рекламы [16; 14; 5]. В нашем исследовании персонификация будет анализироваться на материале текста романа «Архипелаг ГУЛАГ» одного из самых известных отечественных прозаиков и публицистов XX века А.И. Солженицына.

Значение термина «персонификация» мы определяем по С.П. Белокуровой: *«Персонификация — это полное уподобление неодушевленного предмета человеку, при котором предмет наделяется не частными признаками человека, а приобретает все человеческие черты, часто человеческий облик»* [11]. Возникает вопрос, чем же она отличается от олицетворения? Ответ опирается на различие средств создания олицетворения и персонификации. При олицетворении, как метафоре, используются субъектные глаголы, которые *«своим прямым номинативным значением выражают действие, обозначая состояние, движение, процессы и события, охватывающие субъект»* [15]. По итогам анализа дефиниций можем с уверенностью сказать, что если номинация неодушевленного предмета или явления используется в сочетании с глаголами или глагольными формами, обозначающими психическое состояние или физическое действие, которое характеризует человека, то возникает олицетворение. Однако если такое уподобление становится системным, то есть служит текстообразующим средством, если предмет или явление *«приобретает все человеческие черты»* [11], то можно с уверенностью говорить о персонификации.

Подтверждая теоретические положения С.П. Белокуровой и А.А. Уфимцевой, Е.И. Свиридова отмечает, что глаголы — это *«ядерное средство обозначения бытийности»* [9]. Следовательно, они относятся к наиболее продуктивным ресурсам языка, используемым для выражения персонификации в тексте. Это мнение подтверждается исследованиями отечественных лингвистов. В.В. Виноградов писал: *«Глагол является наиболее сложной грамматически организованной, отвлеченной, но в то же время и наиболее насыщенной, то есть непосредственно отражающей действительность, категорией современного русского языка»* [2]. У глагола важнейшая роль в предложении: он является связующим звеном между волей и представлением, которое, по мнению А.М. Пешковского, *«рождает мысль»* [12].

Стоит отметить, что глагольная персонификация, чтобы стать текстообразующим средством, должна обозначать деятельность, относящуюся только к человеку. Такие глаголы становятся *«косвенными выразителями антропонимичности, что обусловлено их лексическим значением»* [4].

Для нашего исследования персонификация интересна тем, что благодаря этому приему уподобления создается образ и концепт «ГУЛАГ» в тексте романа А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Считаем это положение рабочей гипотезой. Анализ персонификации даст возможность оценить объем концепта, рассмотреть, какие оценки выражает его аксиологический пласт, осмыслить авторское отношение к изображаемому в романе как к сложному художественному образу.

Глагольная персонификация как инструмент предикатной оценки в тексте романа А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»

При анализе языкового материала мы установили, что глагольная персонификация является одним из основных инструментов для создания образа «ГУЛАГа», Рассмотрев ее использование в тексте, можем с уверенностью сказать, что глаголы-персонификаторы

выступают в четырех основных значениях: 1) «действия»; 2) «душевного состояния»; 3) «модальные» глаголы; 4) «мысли». Проанализируем глагольную персонификацию с учетом семантики слов, реализуемых в качестве контекстуальных партнеров в синтагмах при экспликации значимых содержательных компонентов в процессе концептуализации названия лагерной системы в романе А.И. Солженицына — ГУЛАГ, опираясь на выявленные семантические группы использованных писателем глаголов — средства предикации.

При описании административного устройства ГУЛАГа автор использует глагольную персонификацию: *«Больше того, идея Френкеля оплодотворяет и само развитие ГУЛАГа: признается необходимым и ГУЛАГ построить по отраслевым управлениям. Подобно тому, как Совнарком состоит из наркоматов, ГУЛАГ для своей империи создает свои министерства: ГлавЛеслаг, ГлавПромстрой, ГУЛГМП (Главное Управление Лагерьей Горно-Металлургической Промышленности)»* [8]. Предикат конкретного действия *создает* употреблен в значении «основать, организовать» [10]. Видим, что образ ГУЛАГа ассоциируется с масштабными, но ужасными событиями XX века. В контексте звучит трагедийная нота: сеть лагерей захватит всю страну.

В военные годы управлением системы ГУЛАГов занимались эвакуированные министерства карательных органов СССР. А.И. Солженицын использует глагол с семантикой разрушительного процесса *распадаться*: *«Связь между провинциальными городами уже не так надежна, как радиальная из Москвы, и на всю первую половину войны ГУЛАГ как бы распадается: он уже не управляет всем Архипелагом, а каждая окружная территория Архипелага достается в подчинение тому Управлению, которое сюда эвакуировано»* [8]. Значения персонификаторов *распадаться* («утратить целостность, разделиться на отдельные части» [10]) и *управлять* («регулировать действия, контролировать» [10]) с отрицательной частицей *не* показывают, что ГУЛАГ был не всегда целостной структурой и системой управления.

Использование глагольной персонификации как главного средства создания образа ГУЛАГа не ограничивается анализом литературной лексики. Одним из важнейших языковых средств выступает просторечная лексика, которая создает истинный образ простого народа.

При характеристике питания заключенных автор возмущенно описывает отношение арестанта П. Якубовича к гречневой каше, которую было очень сложно получить в лагерях. Это репрезентируется предикатом с отрицательно частицей — *не видать*: *«В рабочий день — три фунта хлеба и 48 золотников (200 граммов) мяса — да не выше ли нашего фронтового армейского пайка? У них баланду и кашу целыми ушатами арестанты относили надзирательским свиньям, размазю же из гречневой (! — ГУЛАГ никогда не видал ее) каши П. Якубович нашел «невыразимо отвратительной на вкус»* [8]. Персонификатор в значении «прост. с оттенком удивления, возмущения, негодования» [10], а стилистическая помета указывает на специфику языка заключенных.

При анализе средств предикации замечаем, что последовательный выбор А.И. Солженицыным глаголов в качестве синтагматических партнеров номинанты ГУЛАГ продолжает содействовать персонификации этой ключевой единицы текста романа: *«Осиротел при таких посадках и ГУЛАГ»* [8]. Писатель отмечает, что в места заключения стало меньше попадать людей. При помощи констатирующего ситуацию предиката *осиротеть* (несов. перен. «пустеть, оставаться без кого-либо» [10]) создается метафора, в центре которой остается идея ‘человека’.

А.И. Солженицын также использует предикат-персонификатор *изнемогать* при описании бытовых условий в лагерях: «Я не вижу здесь невозможного: это была логичная инструкция, потому что не хватало ни жилья, ни одежды, ни еды. **ГУЛАГ изнемогал**» [8]. Персонификатор в значении «потерять силы, ослабевать» [10] добавляет черту образу ГУЛАГа — ‘потребителя’, у которого не остается необходимого для существования: еды, одежды и жилья.

ГУЛАГ способен создавать что-то новое, точнее — слово: «... и сам **ГУЛАГ родил** звонкое нахальное слово: *малолетка!*» [8]. При помощи предиката *родить*, переносное значение которого «дать начало чему-то новому» [10], автор создал имплицитное указание на то, что обитателями *ГУЛАГа* были понимающие суть вещей, отнюдь не примитивные, прямые в оценках личности.

В тексте романа «Архипелаг ГУЛАГ» автор активно использовал модальные глаголы для создания персонификации: «*Молодые пополнения послевоенных лет тоже не сразу стали такими, как **хотел ГУЛАГ***» [8]. Говоря о «новом» поколении осужденных, Солженицын использует персонификатор *хотеть* в значении «испытывать желание, охоту, ощущать потребность, необходимость в чем-л.» [10]. Семантика предиката доносит мысль о том, что молодые люди, которые оказались в ГУЛАГе, все равно станут такими, какими лагерная система хочет и должна их сделать, ведь им придется подчиниться правилам пребывания в «исправительном» учреждении.

Обратимся к другому языковому примеру: «*Но угрызений совести не знает Архипелаг **ГУЛАГ!***» [8]. Предикат с отрицательной частицей *не знать (угрызений совести)* употреблен в значении «понимать, осознавать, давать отчет в чем-либо» [10]. Персонификатор в рамках контекстуального окружения показывает, что в ГУЛАГе нет никаких морально-нравственных норм, ведь он не обладает самым главным качеством человеческой души — совестью, которая может «испытывать угрызения», т.е. страдать и стремиться к правде. Значение фразеологической единицы *угрызения совести* («терзания себя вследствие своего неправильного поступка, чувство стыда или раскаяния» [10]) доказывает эту мысль. Смыслы, создающие представление о ГУЛАГе и оформляющие детали его образа, обнажают главную проблему системы лагерей — отсутствие всего человеческого по отношению к невинным людям.

Глагольная персонификация — это текстообразующее средство, которое позволяет А.И. Солженицыну дать оценочное отражение обобщенного образа тюремной системы СССР в XX веке. Благодаря анализу предикатной оценки образа ГУЛАГа средствами персонификации, понимаем, какими качествами обладает этот объект, и, соответственно, наделяет людей. Это такие качества, как жестокость, обреченность, смирение, моральная деградация и изворотливость.

Заключение

Глагол как средство персонификации в тексте романа А.И. Солженицына выступает инструментом предикатной оценки формируемого в тексте романа образа ГУЛАГа. Персонификаторы обрисовывают сталинские лагеря и его обитателей (заклученных): в тексте возникает метафорический образ, получающий концептуализацию. Глагольная персонификация, позволяет донести идею автора до читателей: ГУЛАГ — это мощная действующая сила, которая делает из людей рабов без собственного мнения и лица, создает и

поддерживает те законы и традиции, из-за которых человек никогда не будет прежним, свободомыслящим, высоким духовно, если не сможет пройти тяжкий путь заключенного, не лишившись своих положительных морально-этических качеств. Глагольные предикаты помогают автору показать быт, нравы и ужас системы лагерей, куда часто попадали невинные люди. Эта система лагерей СССР «обесчеловечивала» каждого, кто туда попал, однако А.И. Солженицын проявил сочувствие к «сынам ГУЛАГа» и выразил надежду, что они «останутся людьми» вопреки угнетающему воздействию бесчеловечного ГУЛАГа.

Литература

1. *Агапкина Т.А.* Карпатоукраинская скуса — от слова к персонажу [Электронный ресурс] // Славянский альманах. 2022. № 3-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/karpatoukrainskaya-skusa-ot-slova-k-personazhu> (дата обращения: 22.10.2023).
2. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. 2001. М.: Рус. яз. 720 с.
3. *Карпенко Е.И., Тактаева О.А.* Приемы персонификации в ландшафтных описаниях на немецком языке [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 3 (845). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priemy-personifikatsii-v-landshaftnyh-opisaniyah-na-nemetskom-yazyuke> (дата обращения: 22.10.2023).
4. *Серебрякова Е.В.* Глагольная персонификация и способы ее реализации в художественном тексте // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2010. № 6. С. 67-72.
5. *Самусевич О.М.* Персонификация в журналистском тексте [Электронный ресурс] // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2008. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/personifikatsiya-v-zhurnalistском-tekste> (дата обращения: 22.10.2023).
6. *Сефербеков Р.И.* О персонификации ветра у народов Дагестана [Электронный ресурс] // ИАЭК. 2005. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-personifikatsii-vetra-u-narodov-dagestana> (дата обращения: 22.10.2023).
7. *Соловьева Е.А.* Персонификация в социально-психологической прозе М.Ю. Лермонтова [Электронный ресурс] // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/personifikatsiya-v-sotsialno-psihologicheskoy-proze-m-yu-lermontova> (дата обращения: 22.10.2023).
8. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956: опыт художественного исследования. Ч. I-VII / под ред. Н.Д. Солженицыной. 2022. СПб.: Азбука-Аттикс. 1921 с.
9. *Свиридова Е.И.* Бытийная лексика в художественном тексте // Функциональная семантика слова. 1992. Свердловск. С. 53-59.
10. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. 1999. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы.
11. Словарь литературоведческих терминов / автор-сост. С.П. Белокурова. 2005.
12. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. 1956. М.: ГУПИ. 500 с.
13. *Ли Янь.* Метафора персонификации как способ концептуализации действительности в кинотексте (на примере фильмов Э. Рязанова) [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8-2 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-personifikatsii-kak-sposob-kontseptualizatsii-deystvitelnosti-v-kinotekste-na-primere-filmov-e-ryazanova> (дата обращения: 22.10.2023).

14. Назарова Т.В. Персонификация новости в «Известиях» [Электронный ресурс] // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2008. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/personifikatsiya-novosti-v-izvestiyah> (дата обращения: 22.10.2023).
15. Уфимцева А.А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. 1980. М.: Наука. С. 5-80.
16. Фэн Юэ. Фикциональная персонификация в русских и китайских волшебных народных сказках [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 2 (844). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fiksionalnaya-personifikatsiya-v-russkih-i-kitayskih-narodnyh-volshebnyh-skazkah> (дата обращения: 22.10.2023).

References

1. Agapkina T.A. Karpatoukrainskaya skusa — ot slova k personazhu [Elektronnyi resurs] // Slavyanskii al'manakh. 2022. № 3-4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/karpatoukrainskaya-skusa-ot-slova-k-personazhu> (Accessed: 22.10.2023) (In Russ.).
2. Vinogradov V.V. Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) / pod red. G.A. Zolotovoi. 4-e izd. 2001. Moscow: Rus. yaz. 720 p. (In Russ.).
3. Karpenko E.I., Taktaeva O.A. Priemy personifikatsii v landshaftnykh opisaniyakh na nemetskom yazyke [Elektronnyi resurs] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2021. № 3 (845). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/priemy-personifikatsii-v-landshaftnykh-opisaniyah-na-nemetskom-yazyke> (Accessed: 22.10.2023) (In Russ.).
4. Serebryakova E.V. Glagol'naya personifikatsiya i sposoby ee realizatsii v khudozhestvennom tekste // Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika. 2010. № 6, pp. 67-72 (In Russ.).
5. Samusevich O.M. Personifikatsiya v zhurnalistskom tekste [Elektronnyi resurs] // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. 2008. № 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/personifikatsiya-v-zhurnalistskom-tekste> (Accessed: 22.10.2023) (In Russ.).
6. Seferbekov R.I. O personifikatsii vetra u narodov Dagestana [Elektronnyi resurs] // IAEK. 2005. № 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-personifikatsii-vetra-u-narodov-dagestana> (Accessed: 22.10.2023) (In Russ.).
7. Solov'eva E.A. Personifikatsiya v sotsial'no-psikhologicheskoi proze M.Yu. Lermontova [Elektronnyi resurs] // Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2022. № 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/personifikatsiya-v-sotsialno-psihologicheskoy-proze-m-yu-lermontova> (Accessed: 22.10.2023).
8. Solzhenitsyn A.I. Arkhipelag GULAG. 1918-1956: opyt khudozhestvennogo issledovaniya. Ch. I-VII / pod red. N.D. Solzhenitsynoi. 2022. Saint Petersburg: Azbuka-Attiks. 1921 p. (In Russ.).
9. Sviridova E.I. Bytiinaya leksika v khudozhestvennom tekste // Funktsional'naya semantika slova. 1992. Sverdlovsk, pp. 53-59 (In Russ.).
10. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / pod red. A.P. Evgen'evoi. 4-e izd., ster. 1999. Moscow: Rus. yaz.; Poligrafresursy (In Russ.).
11. Slovar' literaturovedcheskikh terminov / avtor-sost. S.P. Belokurova. 2005 (In Russ.).
12. Peshkovskii A.M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii. 1956. Moscow: GUPI. 500 p. (In

Russ.).

13. Li Yan'. Metafora personifikatsii kak sposob kontseptualizatsii deistvitel'nosti v kinotekste (na primere fil'mov E. Ryazanova) [Elektronnyi resurs] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018. № 8-2 (86). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-personifikatsii-kak-sposob-kontseptualizatsii-deystvitelnosti-v-kinotekste-na-primere-filmov-e-ryazanova> (Accessed: 22.10.2023) (In Russ.).

14. Nazarova T.V. Personifikatsiya novosti v «Izvestiyakh» [Elektronnyi resurs] // Vestnik VolGU. Seriya 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2008. № 7. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/personifikatsiya-novosti-v-izvestiyah> (Accessed: 22.10.2023) (In Russ.).

15. Ufimtseva A.A. Semantika slova // Aspekty semanticheskikh issledovaniy. 1980. Moscow: Nauka, pp. 5-80 (In Russ.).

16. Fen Yue. Fiktsional'naya personifikatsiya v russkikh i kitayskikh volshebnykh narodnykh skazkakh [Elektronnyi resurs] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2021. № 2 (844). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fiktsionalnaya-personifikatsiya-v-russkih-i-kitayskih-narodnyh-volshebnyh-skazkakh> (Accessed: 22.10.2023) (In Russ.).

Информация об авторах

Ананьев Даниил Николаевич, аспирант кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта, Государственный университет просвещения; учитель русского языка и литературы, ГБОУ Школа «Марьино» имени маршала авиации А.Е. Голованова, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-2834-4187>, e-mail: daniil_anan'ev@bk.ru

Information about the authors

Daniil N. Anan'ev, PhD student, Department of Modern Russian Language named after Prof. P.A. Lekant, State University of Enlightenment; Russian Language and Literature Teacher, GBOU School «Marino» named after Air Marshal A.E. Golovanov, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-2834-4187>, e-mail: daniil_anan'ev@bk.ru

Получена 01.12.2023

Принята в печать 15.12.2023

Received 01.12.2023

Accepted 15.12.2023

Лингвокультурная специфика категоризации и стереотипизации цвета в разноструктурных языках

Маремукова Э.В.

Министерство культуры Кабардино-Балкарской Республики, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова (ФГБОУ ВО КБГУ им. Х.М. Бербекова), г. Нальчик, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3567-9693>, e-mail: elleonora16@mail.ru

Работа направлена на раскрытие этнокультурных особенностей лингвистической экспликации цвета в неродственных кабардино-черкесском, русском и английском языках. Эмпирический материал разноструктурных языков проанализирован с применением комплекса общенаучных и лингвистических методов, в числе которых методы компаративного и концептуального анализа, выбор которых предопределен необходимостью изучения процесса объективации этноспецифичной информации в сравниваемых языках, а также определения роли языка в нем. Компаративно проанализирован материал языков с различной структурой (в том числе устная разговорная речь, идиоматические выражения, письменные источники и лексикографические издания). Полученные результаты подтвердили приоритет в различных лингвокультурах «видения» над «цветом», а также выявили ключевые этностереотипные и категориальные характеристики цветоименований в кабардино-черкесском, русском и английском языках. Выводы, сделанные в исследовании, а также полученные результаты окажут содействие в решении ряда узловых вопросов сферы лингвистики и межкультурной коммуникации, а также в учебной и исследовательской деятельности по направлениям «Лингвокультурология», «Лингвистика и межкультурная коммуникация», «Освоение второго языка», «Двуязычие».

Ключевые слова: язык, культура, лингвокультура, цветоименования, культурный код, этнокультурная информация, категоризация, стереотипизация.

Для цитаты: Маремукова Э.В. Лингвокультурная специфика категоризации и стереотипизации цвета в разноструктурных языках [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 4. С. 15–29. DOI:10.17759/langt.2023100402

Linguocultural Specificity of Categorization and Stereotyping of Color in Languages with Different Structures

Elleonora V. Maremukova

Ministry of Culture of the Kabardino-Balkarian Republic, Kabardino-Balkarian State University named after. H.M. Berbekov, Nalchik, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3567-9693>, e-mail: elleonora16@mail.ru

The work is aimed at revealing the ethnocultural features of the linguistic explication of color in the unrelated Kabardian-Circassian, Russian and English languages. The empirical material of languages with different structures was analyzed using a complex of general scientific and linguistic methods, including methods of comparative and conceptual analysis, the choice of which is predetermined by the need to study the process of objectification of ethnospecific information in the languages being compared, as well as determining the role of language in it. The material of languages with different structures (including oral colloquial speech, idiomatic expressions, written sources and lexicographic publications) was analyzed comparatively. The results obtained confirmed the priority of «vision» over «color» in various linguistic cultures, and revealed the key ethno-stereotypical and categorical characteristics of color names in the Kabardian-Circassian, Russian and English languages. The conclusions drawn in the study, as well as the results obtained, will assist in solving a number of key issues in the field of linguistics and intercultural communication, as well as in educational and research activities in the areas of «Linguoculturology», «Linguistics and intercultural communication», «Second language acquisition», «Bilingualism».

Keywords: culture, linguoculture, color names, cultural code, ethnocultural information, categorization, stereotyping.

For citation: Maremukova E.V. Linguocultural Specificity of Categorization and Stereotyping of Color in Languages with Different Structures. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 4, pp. 15–29. DOI:10.17759/langt.2023100402 (In Russ.).

Введение

В истории изучения терминов цвета выделяют три периода: *релятивистский*, *универсалистский* и *современный*. Первый соотносится с началом 1950-х гг., когда в соответствии с релятивистской теорией категоризация цвета считалась произвольной, а также обуславливающей восприятие. Второй период связан с работой Брента Берлина и Пола Кея 1969 г. [6], определившей восприятие цвета универсальным явлением. Третий период связан с критикой теории Берлина и Кея в 1990-е гг. и появлением исследований, посвященных вовлеченности языка в процесс восприятия и категоризации окружающей действительности.

Универсалисты считают, что почти каждый естественный язык содержит набор основных цветовых терминов, которые кодируют цветовую область. Это утверждение подкрепляется эмпирическими данными, которые собирались в течение длительного времени П. Кеем и его

коллегами. Релятивисты считают целесообразным создание новой методики, учитывающей весь спектр семантических и функциональных особенностей лексем цветового обозначения. Несмотря на теоретические противоречия, и универсалисты, и релятивисты сходятся во мнении, что язык формирует категориальное восприятие цвета, т.е. делает возможным более быстрое и четкое дифференцирование стимулов из разных цветовых категорий по сравнению со стимулами из одной категории [3].

Эксперименты с цветовыми категориями проводились для определения влияния языка на мышление. Область цвета может выступить самым ярким примером метафоры «язык — это линза, посредством которой человек воспринимает мир». Цвета находятся в сфере влияния восприятия, в связи с чем было бы закономерным утверждать, что понятия цвета являются прерогативами природы. Однако при этом природа пренебрегает процессом разделения цветового спектра различными народами. Цвета образуют континуум: зеленый цвет не становится синим в определенный момент, а постепенно переходит в синий через миллионы оттенков, включая бирюзовый и аквамариновый. Когда мы говорим о цветах, однако, мы даем им четкие границы: желтый, зеленый, синий и т.д. Ученые задаются вопросами о том, продиктовано ли это наше разделение цвета самой природой; являются ли концепты цвета универсальными константами человечества, предопределенными человеческим зрением или мозгом, или же представляют собой культурные условности; могли ли эти границы быть определены по-другому [9].

До конца 1960-х годов цвет считался лучшим, если не единственным, эмпирически обоснованным аргументом для обоснования теории лингвистического релятивизма. Считалось, что языки и культуры могут различаться по своей цветовой номенклатуре почти без ограничений и не может быть априорного способа узнать, как может выглядеть та или иная конкретная цветовая терминологическая система.

Влиятельный способ выражения «релятивистской» точки зрения был предложен Эдвардом Сепиром и его учеником Бенджамином Ли Уорфом. Их имена стали ассоциироваться с тем, что в настоящее время называется «гипотезой Сепира-Уорфа», согласно которой язык, на котором говорит человек, определяет его мысли и действия. Утверждалось, что цветовосприятие можно исследовать без некоторого культурного багажа, связанного с другими понятиями, а разнообразие цветовой номенклатуры использовалось для отрицания всякой предрасположенности как человеческого восприятия, так и физического мира детерминировать появление в языке терминов цвета.

Берлин и Кей утверждали существование в большинстве языков мира фиксированного количества терминов цвета (одиннадцать и меньше), а также межкультурно универсальную последовательность приобретения языком новых цветовых категорий, где «белый» и «черный» определяются в первую очередь, далее следует «красный», затем «желтый» или «синий», а «розовый» или «оранжевый» всегда добавляются последними. При этом было заявлено, что, несмотря на возможно сильное варьирование диапазонов этих терминов, некоторые цвета имеют универсальную психологическую значимость, даже если в рассматриваемом языке нет фактического термина для определенного цвета. Например, если в языке имеются только два «основных» цвета, то это белый и черный (белый или все светлые цвета и черный или все темные), три основных обозначения цвета — белый, черный и красный; четыре — белый, черный, красный и зеленый или желтый; пять — белый, черный, красный, зеленый и желтый; шесть — белый, черный, красный, зеленый, желтый и

синий; семь — белый, черный, красный, зеленый, желтый, синий и коричневый; восемь и более — белый, черный, красный, зеленый, желтый, синий, коричневый, а также фиолетовый, розовый или оранжевый в любом порядке (т.е. восьмой базовый цветовой термин языка может быть фиолетовым, розовым или оранжевым); девять — один из оставшихся двух, десять — любой оставшийся. Цветовой термин «серый», являясь подстановочным знаком, может появляться в любой позиции. Таким образом, была предложена идея о максимальном количестве основных цветовых терминов в количестве одиннадцати, а также о вхождении в данный универсальный набор названий цветов в языках с меньшим количеством основных цветовых терминов.

Таким образом, на основе изучения терминов цвета многочисленных языков была предложена идея значительно меньшего разнообразия цветовых терминов на разных языках, чем поддерживалось ранее. Несмотря на многочисленные исследования, демонстрирующие, что цветовой спектр был разделен по-разному, была представлена базовая модель универсальности с заявлением о меньших вариациях на фокусных точках, чем на границах цветов.

Согласно Берлину и Кею, если цветовой термин является основным, то он должен проявлять следующие характеристики: его значение не должно быть предсказуемо из значений его частей (этот критерий исключает такие цветовые термины, такие как «светло-голубой», «голубоватый» или «лимонный цвет»); его значение не включено в значение любого другого цветового термина (таким образом, исключаются такие цветовые термины, как «фиолетовый», который является разновидностью пурпурного, или «алый», похожий на «красный»); его применение не должно ограничиваться узким классом объектов (данный критерий исключает такие цветовые термины, как «блондин», который используется только для волос, бледный, применяемый для обозначения цвета лица); он должен быть психологически заметным (должен приходиться в голову легко, часто используемым).

Сторонники гипотезы Берлина и Кея отмечают, что данное направление было «революционным», продемонстрировавшим, что цветовая категоризация не произвольна, фокусы основных цветовых терминов одинаковы во всех языках, и порядок кодирования основных цветовых терминов в языке фиксирован [6, с. 10].

Гипотеза Берлина-Кея о том, что способ разграничения цветов во всех языках носит универсальный характер, исключает лингвистический релятивизм, предполагающий отсутствие ограничений для выделения и обозначения цветов.

Критика теории базовых цветообозначений

Исследователи, придерживающиеся альтернативной позиции и отвергающие гипотезу Берлина и Кея, утверждают, что проект обречен на ложные выводы, поскольку опирается на ошибочные предположения. По мнению ряда авторов, таких как Д. Люси [13], Д. ван Бракель [18], Б. Сондерс [16], Д. Льенс [14] и А. Вежбицкая [21; 22], модели универсальности, которые были обнаружены, на самом деле являются артефактами метода. Общее утверждение этих критиков состоит в том, что аксиоматические предположения, являющиеся частью исследования, предсказывают результаты. Проблема видится в том, что называется авторами семантикой, которая сводит проблему значения в акт наименования, отодвинув истинное этнографическое существование цветовых терминов и представлений и их действительное культурное значение на второстепенное место. В этой связи приводятся

прогнозы Соссюра, который отмечал, что, когда язык принимается исключительно как номенклатура, не дифференциальную систему значимых ценностей, познание при этом сводится к узнаванию, понятие к восприятию, знак к сигналу и, в конце концов, культура к природе.

По мнению указанных критиков, ограничивая изучение цветообозначений исключительно измерением оттенка, насыщенности, западная концепция цвета накладывает рестрикции на термины, которые могут иметь гораздо более широкое значение.

Модель Берлина и Кея предполагает, что все языки имеют некоторые «базовые термины цвета» и что эти термины, в принципе, могут быть сопоставлены с такими английскими словами, как «черный», «белый», «красный» и «желтый». Кроме того, предполагается, что «базовые цветовые термины» образуют импликационную (а также эволюционную) иерархию, которая применима ко всем языкам и может быть идентифицирована с точки зрения слов, обозначающих цвет в английском языке.

В отношении количества основных цветов (не более одиннадцати) во всех языках следует отметить контрпримеры, приводимые оппонентами данной теории — наличие более одиннадцати терминов цвета в некоторых языках, к примеру, в русском, венгерском и турецком, а также указанные в данном исследовании аргументы в отношении производности некоторых терминов, отнесенных Берлином и Кеем к базовым.

Исследователи отмечают вероятность того, что термины, обозначающие цвет, усваиваются их демонстративным обозначением: «Синий означает то, что люди называют синим» [22, с. 299].

Также утверждается, что использование английской терминологии в качестве метаязыка приводит к выводам и заставляет исследователей видеть закономерности там, где их нет.

Критика парадигмы Берлина и Кея касается в основном двух аспектов исследования: контекстно-свободное отображение на стандартизированных диаграммах и сведение смысла к фокусу.

Одним из основных критических заявлений в отношении гипотезы Берлина-Кея можно назвать то, что по мере развития культур дополнительные названия цветов приходят в систематический порядок. Релятивизм предполагает, что восприятие существующего во внешнем мире всегда является вопросом перспективы. Согласно релятивистам, термины цвета не всегда могут быть приведены во взаимно однозначное соответствие между языками. Они считают, что цветовые категории относительны и цветообозначения влияют на их восприятие.

Релятивисты чаще всего следуют гипотезе Сепира-Уорфа, которая предполагает, что каждый язык накладывает на калейдоскопический поток впечатлений человека свою собственную своеобразную семантическую структуру. Приводится множество культурных примеров явления такого типа. Например, в русском языке нет единого слова для «purple», как в английском, однако имеются два отдельных слова для «blue». «Голубой» для цвета, который англоговорящие определили бы как «blue», и «синий» для цвета, называемого в английском языке «dark-blue». Таким образом, гипотеза Сепира-Уорфа подчеркивает относительную семантическую структуру, минимизируя при этом роль лингвистических универсалий.

Универсализм, с другой стороны, относится к стабильным общим истинам — цветовые

категории имеют неотъемлемое и существенное качество, не зависящее от восприятия людей. Универсалисты утверждают, что все грамматические и лексические структуры языков изоморфны и взаимозаменяемы.

«Ошибочность» выводов Берлина и Кея видится критиками в неправильном понимании теории языковой относительности, «предвзятости» отбора, «противоречивых» и «неполных» эмпирических доказательствах.

В последующие годы Берлин и Кей вместе с коллегами пересмотрели свою теорию, чтобы адаптировать его к кросс-лингвистическим данным, которые не могут быть объяснены с помощью теории и обеспечивают более тесную связь с перцептивной физиологией. Например, они ослабили иерархию терминов основных цветов, чтобы приспособить раннее появление терминов, таких как «коричневый» и «серый», позволив этим терминам определяться в любом месте в порядке основных терминов цветообозначений. Теория Берлина и Кея дала старт появлению новых методов кросс-культурных исследований восприятия цвета.

Цветовые категории и роль языка в различении цветов привлекают внимание многих ученых и в последнее время. Исследования после 1969 г. можно разделить на две категории: принимающее общую основу теории Берлина и Кея, проверяя гипотезу на новом материале или применяя новые методы для подтверждения теории, и отвергающее всю предпосылку теории Берлина и Кея.

Как цвет концептуализируется посредством языка? Какие лингвистические механизмы используются языками для описания цвета? Как развиваются цветовая терминология? Как контекст влияет на восприятие цвета? Большое количество исследований, проведенных за несколько десятилетий, подтвердили некоторые формы гипотезы лингвистической относительности или предполагающей, что язык влияет на когнитивное представление о мире.

Этноспецифичность терминов цвета в разноструктурных языках

Проанализированный в данном исследовании материал разносистемных языков выявил, что в кабардино-черкесском языке эквивалентом термина «цвет» русского языка и «color» английского языка является «пльыфэ» (пльы + фэ). «Лъ» в данном случае имеет семантическую корреляцию с «видеть» (лъагъун – видеть, епльын — смотреть на), а также «лбы» (кровь): лъагъугъуафIэ (привлекательный/ая/ое (на кого/что легко смотреть (радует глаз), лъагъун (видеть), лъагъунугъэ (любовь, букв. видение (сэ уэ фIыуэ узольагъу («я тебя люблю» от «я хорошо тебя вижу» («я тебя выделяю из других объектов восприятия, придаю значение, ты для меня важен»), теплъэ (внешний вид), лъагъугъуафIэ (привлекательный/ая/ое (имеющий/ая/ее привлекательный вид, букв. на которого смотреть (видеть, любить) легко, лъагъунлъагъу (пойти в гости с целью проведать, увидеться (лъагъун — видеть), фэфI есплъащ – у меня сложилось хорошее мнение о нем (букв. фэ — кожа, вид: его вид мне показался хорошим), лыхъуэн (искать (то, что находится вне поля зрения) и «фэ» (кожа, оболочка, внешний вид); лбыфэ (цвета (вида) крови, кызыщIэпъащ (покраснел/а/о, разгорячился/ась/ось), пльыжь (красный), пльыжьыфэ (красноватый), пльыр-жьэр (горячка) (от «пльын» (нагреться) + жьэн (жарить(ся))).

Кабардино-черкесский язык подтверждает теорию А. Вежбицкой о приоритете «видения» над «цветом». К примеру, для обозначения термина цвет (colour) в кабардино-черкесском

языке используется слово «фэ», которое в русском языке имеет эквиваленты «внешняя оболочка», «кожа», «шкура», «кожура», «кора», «внешний вид», «наружность» (теплэ), «цвет» (плъыфэ), сытыфэ? (какого цвета? (букв. на что похож/а/е? (какой внешний вид имеет?), «И фэр сыт хуэдэ?» (Какого цвета? — букв. Какого вида? Внешним видом кого/чего обладает? Что напоминает?), «Сытыфэ кызыплъыну?» (Что он/она подумает обо мне? Как я ему/ей покажусь (в его/ее глазах)? Какой вид/репутацию/имидж это мне создаст?), «Губзыгъафэ зытригъауэрт» (Хотел/а показаться умным (Вел/а себя так, чтобы сформировать внешний вид (фэ) умного человека), «къамылыфэ» (смуглый, букв. цвета/вида камыша): къамыл (камыш) + фэ (внешний вид).

В русском языке, в отличие от других европейских языков, лексема «цвет» деривационно соотносится с «цветением», обретением лучшего, красивого вида, изменением под благотворным влиянием: «цветет и пахнет», «расцвет», «цвет общества». При этом употребляемые в английском языке слова «to paint», «to dye» в русском языке лингвокультурно сопряжены с красным цветом (красотой) — «красить», «краска», который, в свою очередь, имеет этностереотипную коннотацию с красотой и приятным для глаз внешним видом.

Внешнему виду в кабардино-черкесской культуре уделяется большое значение. Используемый в языке термин «шыфэллыфэ» на русский язык переводится как «характеристика», «внешний вид» (шы (конь) + ллы (мужчина) + фэ (вид) и имеет этнокультурную связь с нартским эпосом, приравнивающим коня к человеку и закрепившим описание воина-наездника наравне со своим скакуном: Апхуэдэ шыфэллыфэ зилэ адэр пасэу зэралэщлэам кыщынэмыщлауэ, Исхэкъ и сабиигъуэр зыхуыбыда лъэхъэнэр гъаблэ зэмант (Помимо того, что они потеряли отца с такими характеристиками (достоинствами), детство Исхака пришлось на трудное голодное время.) [1]; Адыгэ тхыдэми Луэрылуатэми Лушщлу къахошж зауэллымрэ шымрэ я зэхуштыкыгъэр. Псалгэм папщлэ, зауэллыр улэгъэ хъуарэ, и гуащлэр хэщламэ, шыр щлым тлысырт, ллыр и щлыбым иригъэгъуальхъэрти, унэм кышэжырт. Е, шур гъэр хъуамэ, шым унагъуэм кыгъэзэжырти, тесар кызырагъуэтыну лъагъуэм утришэрт. Адыгэбзэм хэтщ лъабжьэшхуэрэ мыхъэнэ инрэ зилэ псалгэ дахэ — «шы-фэ-ллы-фэ». Абы кылуатэ адыгэм и гъащлэм шым щуыбыду шыта мыхъэнэр зыхуэдизыр. (В истории и фольклоре адыгов четко прослеживается взаимоотношение воина и его коня. К примеру, если воин ранен и обессилен, его конь садился на землю, располагал на своей спине мужчину и нес его домой. Или при пленении всадника, конь возвращался домой и направлял (ищущих) на дорогу для нахождения (и вызволения) всадника. В адыгском языке имеется красивое слово с огромным смыслом (и этимологией): шы (лошадь, конь) — фэ (внешний вид, кожа) — ллы (мужчина) — фэ (внешний вид, кожа). Оно демонстрирует исторически великую роль коня в жизни адыгов.) [2].

На основе своей теории естественного семантического метаязыка А. Вежбицкая приводит аргументы в пользу универсальности термина «видеть» по сравнению с термином «цвет» в связи с тем, что, по ее утверждению, не все культуры выделяют цвета, а первоочередным опытом для каждого этнического сообщества является видение и описание предметов и явлений посредством языка на основе визуального восприятия [11; 10; 20].

Поиск во всех языках поля «цветовой семантики» приводит к навязыванию исследованию всех культур перспективу только одной из них (в первую очередь современной технологически высоко развитой западной культуры). Во всех культурах для людей важно

зрительное восприятие и описание того, что они видят, однако это не предполагает наличие специального термина «цвет» как отдельного обозначения одной из сторон зрительного опыта. При этом во всех отмечается слово для понятия «видеть» [20].

На первый взгляд, «цвет» не является универсальным понятием. Он может быть важным понятием в английском и, безусловно, во многих других языках, однако это не значит, что во всех. Утверждать, что носители языков «думают» терминами «цвета» (хотя они никогда не говорят о «цвете») — значит навязывать этим языкам чуждую им понятийную систему. Не может быть универсалий в том, как люди обычно думают и говорят о цвете, учитывая, что на многих языках люди не говорят о цвете вообще. Этот основной тезис часто отвергается на основании аксиомы о том, что отсутствие слова не доказывает отсутствия понятия. В первую очередь, имеет смысл рассмотреть, как люди в разных культурах говорят и думают о том, что они видят, а не то, как они говорят и думают о цвете в связи с тем, что «визуальная семантика» шире и фундаментальнее, чем «семантика цвета», а также плодотворно исследовать семантику цвета (по отношению к таким языкам, как английский) в контексте более фундаментального изучения семантики видения.

Исследователями отмечены универсальные черты и отличия цвета, затрагивающие глубинные слои сознания и отражающие национальные культурно обусловленные особенности, а также структурно-семантические различия наименований цвета, связанные с различиями в картинах мира представителей разных культур, со сложившимися историко-культурными, религиозными, климатическими и другими особенностями [5].

Некоторые ученые стремились продемонстрировать, что перцептивные и лингвистические репрезентации различны [8], другие подчеркивали связь между тем, что люди видят (восприятие) и на что люди обращают внимание.

Одними из главных характеристик индоевропейского мировидения рассматривают ориентацию на явственность и открытость. Пребывание на свете определяет существование всего сущего. Человек появляется на свет и жив, пока он на этом свете, видит (чувствует) свет.

Глаголы со значением «видеть» в различных языках имеют коннотацию «знать», «познавать», «рассматривать», «понимать», вызванную, в первую очередь, доминированием зрения в перцепции человека, однако требующую учета социокультурного контекста.

В русском языке «понятное» полагается явным, очевидным, лингвокультурную фиксацию значения зрительного восприятия получают ясность мышления, светлость ума, наглядность примера, прозрачность намека, осторожность соотносится с предусмотрительностью, дальновидностью, дальнзоркостью; проницательность — с прозорливостью, зоркостью; образованность — с просвещенностью, в то время как невежественность — с темнотой; посредственность — с серостью; непонятность — с мутностью, туманностью и т. д. [3, с. 674].

В отличие от английского языка, который уделяет внимание цвету, особое внимание народ может обращать на то, как объекты внешнего мира независимо от их цвета визуально заметны в определенном месте на определенном фоне, светятся где-либо на расстоянии, привлекают внимание, бросаются в глаза, выделяются, создавая визуальный контраст, кажутся похожими на знакомые и визуально заметные особенности окружающей среды (обычно встречающиеся местные минералы, свежая растительность после дождя, характерная местная почва, вечерний дым, костры и др.).

С индустриализацией и развитием технологий появляется больше искусственно созданных предметов и их визуальных характеристик, которые способствуют появлению новых терминов, принимаемых в большинстве языков за цветовые.

Абстрактные существительные, такие как «размер», «температура», «текстура», «форма» или «цвет», предполагают категоризацию знаний, встроенных в обыденный язык: спрашивать «какой это формы?» — искать знания одного вида; спрашивать «какого он цвета?» — значит искать информацию совершенно о другом. В русском языке имеется поговорка «Каков вопрос, таков и ответ», предполагающая, что ответная информация будет соответствовать поставленному вопросу, и решающее значение имеет постановка вопроса. Если кто-то спрашивает «на что это похоже?», он не отделяет форму от цвета как два разных вида вещей, которые можно было бы знать об объекте, однако, если спросить в частности, о форме или о цвете, мы действительно разделяем их. При этом вопрос «На что это похоже?» делает отличительные черты предмета или явления вторичными, уподобляя их существующей в сознании человека информацией о другом предмете или явлении, пренебрегая возможными новыми оригинальными свойствами. Концепция «цвета» предполагает выделение одного конкретного «вида вещей», которые люди могли бы знать о некоторых вещах. В отличие от «формы» или «размера», этот особый вид знания полностью зависит от того, что люди могут видеть. И человек объективирует это в языке связи с тем, что хочет, чтобы и другой человек об этом узнал, поэтому передает данную информацию.

В целом исследования последних лет не поддерживают гипотезу Берлина и Кея, однако отражают влияние культуры на номенклатуру цвета — что цвета, важные для жителей пустыни, закодированы первыми.

С древнейшей истории цивилизации цвет был и остается одним из самых продуктивных способов познания и понимания окружающей действительности, поскольку он представляет собой наиболее значимые и ценные явления для человека.

Ключевыми цветоименованиями, присутствующими в цветовой гамме языковой картины мира каждого народа, полагаются белый и черный.

За белым цветом закреплена символика жизни, света, мира, духовности, чистоты. Белый цвет также выступает маркером нейтральных признаков: бесцветности, прозрачности, пробела, интервала, чистого бланка и др. Черный цвет в основном характеризует отрицательные признаки предметов, явлений, человеческих качеств (мрачный, печальный, угрюмый, безрадостный, зловещий, коварный, дьявольский, незаконный, нелегальный и др.): в англ. яз. — «black ingratitude» (черная неблагодарность), «black hands» (грязные руки); в русск. яз. — черная мгла, черная неблагодарность; в каб.-черк. яз. — и гур флaмыщlым хуэдэу фlыцlэщ (у него/нее сердце черное, подобно каменному углю – отрицательная характеристика), и напэр фlыцlэщ /кьэнджал тебзащ (у него/нее лицо черное/жестяное).

Слова «темный» и «светлый» (как названия цвета) усваиваются наглядно (остенсивно) с указанием на предметы, которые могут служить эталоном «темного цвета» или «светлого цвета», а эталоны «темноты» или «светлости» следует искать в темноте ночи или в свете дня.

В анализируемых лингвокультурах «серой» называют скучную, бесцветную личность, неинтересного человека: серая личность, серая мышь (русск.). Кроме того, в русском языке серому приписывается значение «необразованный, малокультурный».

Красный цвет выступает сигналом многих жизненно важных явлений, особенно опасности (кровь). Специальному статусу красного способствуют и культурные предпосылки, и

необходимо учитывать, что люди находят имена вещам и явлениям, о которых у них есть необходимость говорить. Красные красители более популярны и легче производить, и существуют многие культуры, которые используют исключительно черный, белый и красный в качестве искусственных цветов. В целом, и природа и культура дают красному цвету преимущество среди цветов, и в этом исследователи видят причину получения красным цветом наименования первым из призматических цветов.

Во многих языках название красного цвета происходит от слова «кровь». И эта лингвистическая связь занимает умы поколений библейских толкователей в связи с корреляцией с именем Адама – как отца человечества. Согласно библейской этимологии, Адам обязан своим именем красной возделываемой почве «adamah», из которой он был создан. Само «adamah» происходит от семитского слова «adam» (красный), которое, в свою очередь, восходит к «dam» (кровь) [9: 92].

Термин «пльыж» в кабардино-черкесском языке имеет коннотацию «красный», однако в данном случае «ль» соотносится с лы (кровь), лыфэ (бордовый, букв. «вида крови» (лы — кровь + фэ (внешний вид), внешним видом нагреваемых предметов (пльын — нагреваться, гъэплъа — нагретый, пльыр-жьэр — горячка, мылэрысэ джабэплъ (спелое красное яблоко (т.е. с красным боком (джабэ – бок). «Теплъэ» (те — локальный преверб со значением «над» (т.е. снаружи) + «ль» (видеть)) — внешний вид. Для образования цветообозначений используется термин «фэ» (кожа, вид): пльыжьыфэ (красноватый), однако удзыфэ («удз» (травы) + фэ (вид) зеленый (букв. вида травы).

Красный цвет в русской лингвокультуре не только обозначает цвет, но и тесно связан с фольклором – такие фразы как «красная дева», «красное словцо», «красный молодец», «красное солнце», «красный день», «красное лето» часто встречаются в сказках, легендах и песнях.

Ассоциация красного цвета с огнем, светом и теплом характерна для различных культур, поэтому существует сравнение зари, солнца с красным цветом, так как они дают тепло и являются божественными олицетворениями всего положительного в окружающей действительности. Короли, императоры, цари и военачальники предпочитали красную одежду.

После красного следуют желтый и зеленый, и только затем — синий. Объяснение превосходства желтого и зеленого над синим следует искать в культурном значении этих двух цветов: желтый и зеленый — цвета вегетации, и разница между ними (к примеру, между спелым и неспелым фруктом) имеет практические последствия, о которых носители языка, возможно, хотят говорить, зафиксировав в своем языке их обозначения. В то же время культурное значение синего цвета лимитировано – синий весьма редко встречается в природе и его сложно искусственно производить. Несомненно, синий — цвет неба (а для некоторых, и моря), однако, как считают исследователи, отсутствие материалов с практической значимостью снимает необходимость давать этому цвету специальное наименование [9, с. 92].

Желтый цвет и в русской, и в английской культуре имеет негативную символику, связанную с предательством, разлукой, коррелируется с чувством тревоги, опасения, печальных предчувствий, развратом, недостоверностью (желтая пресса), болезнью (желтая лихорадка — болезнь, при которой лицо больного обретает желтоватый оттенок), увядание (увядание растительности в осенний период). В Европе желтый или желто-черный флаг

обозначал карантин, а желтый крест — чуму, в связи с тем, что его ставили на домах, где была чума.

Количество наименований цветов радуги в английском языке составляет шесть, в то время как в русском — семь в связи с тем, что в последнем разграничиваются синий и голубой цвета, а в английском языке представлены одним наименованием «blue», который может сопровождаться показателями оттенка – «light blue» («светло-голубой» в русском языке) и «dark blue» («темно-синий» в русском языке).

На лексическом уровне в русском языке для обозначения цветовых оттенков между зеленым и фиолетовым имеются отдельные слова «голубой», «синий» и «темно-синий», в то время как в английском языке этим цветам соответствуют номинации «темно-синий» (dark blue), «синий» (blue) и «светло-синий» (light blue). Используемое в английском языке идиоматическое выражение «out of the blue» имеет лингвокультурную коннотацию «из неоткуда, неожиданно, на ровном месте, прямо из воздуха» (букв. из голубого (воздуха), имеющее в русском языке коррелят «Как снег на голову» (неожиданно, как снег, которого не ждали в ясную погоду).

В кабардино-черкесском языке синий цвет обозначается словом «щЫху». Имеет место также диалектное употребление слова «щхъуэ» в значении «синий». Однако в литературном кабардино-черкесском языке «щхъуэ» имеет семантику «серый». В то же время голубой цвет номинируется лексемами «къащхъуэ» (уафэ къащхъуэ — голубое небо) и «щхъуантІэ», при этом последнее имя прилагательное может иметь коннотацию как зеленого (щЫльэ щхъуантІэ — зеленая земля — о растительности, ее покрывающей), так и голубого цветов. Отсутствие языкового знака для передачи какого-либо цвета способствует пониманию мировидения этноса, не различающего определенные цвета в силу того, что они не выполняют сигнификативной роли в жизни народа.

Несомненно, носители английского языка могут различать между голубым (navy blue) и синим (sky blue) цветами. Однако их культурные установки определяют их оттенками одного цвета (несмотря на то, что эти цвета различаются длиной световой волны точно так, как синий (sky blue) от зеленого (green). Однако с учетом того, носители русского языка различают эти два цвета как «голубой» и «синий», можно понять носителей тех языков, которые не различают «синий» и «голубой» — точно так же, как английский язык объединяет «голубой» и «синий» цвета в один термин «blue», другие языки расширяют этот термин на весь «сине-зеленый» диапазон.

В английской культуре синий цвет символизирует верность и преданность: национальная свадебная традиция предписывает невесте надеть «something old, something new, something borrowed, something blue» (что-нибудь старое, что-нибудь новое, что-нибудь взятое взаймы и что-нибудь синее). При этом в языке имеются фразеологизмы со значением грусти, плохого настроения и тоски, образованные с участием компонента «blue»: to feel blue — грустить, быть в плохом настроении, «get/have the blues» — хандрить, стать грустным, подавленным. Интерес представляет использование в русском языке выражения «до посинения», имеющего коннотацию «до полной потери сил, до изнеможения», заключающего в себе процесс чрезмерное упорного труда для достижения определенной цели. При этом слово «синяк» в английском языке имеет корреляцию «black eye», что соотносится исключительно к повреждению зоны глаз и обретению кожей вокруг глаз темного (черного в английском восприятии) оттенка, в то время как «синяк» (синий оттенок, вызванный кровоподтеком)

может иметь отношение к любой части человеческого тела. При этом кабардино-черкесский язык демонстрирует черты, близкие и русскому мировоззрению, и английскому, именуя кровоподтек черным цветом, однако не ограничивая возможность его появления территорией глаз: «уфЫщЫн» (почернеть, посинеть (от удара)). Сочетание слов «гур уфЫщЫн» имеет культурно специфическую коннотацию «измучиться» («си гур уфЫщЫщ» (я устал/а, измучился/лась, букв. мое сердце почернело).

«Every color has a purpose, although people may think they're chosen at random. White signifies purity and integrity. Black intimidates. Red shocks and paralyzes. Yellow attracts attention. Green calms everything down and gives things the go-ahead. Blue soothes. Orange confuses. Bouncers should wear black — so it was in the beginning and would be forever after» (У каждого цвета есть свое предназначение, хотя люди могут думать, что они выбраны случайно. Белый означает чистоту и целостность. Черный пугает. Красный шокирует и парализует. Желтый привлекает внимание. Зеленый все успокаивает и ободряет (на совершение действий). Синий утешает (успокаивает). Оранжевый приводит в замешательство. Вышибалы должны носить черное — так было и будет всегда) (перевод авторский) [7, с. 207].

Наименования цвета являются ярким примером культурного и языкового происхождения разных людей: спектр излучения и поглощения световых волн, естественно, везде одинаков, а физиологические способности представителей различных этнических групп в восприятии цвета не отличаются, однако известно, народы различают неодинаковое количество цветов.

Цветовая лексика с небольшим количеством терминов ассоциируется некоторыми исследователями с относительно простыми культурами, в то время как языки с большим количеством цветовых терминов связывают со сложными культурами и технологиями.

Заключение

Изучение цвета и цветовых обозначений тесно связано практически со всеми научными и человеческими областями знаний. Названия цветов отражают важную культурно-историческую особенность того или иного народа, указывают на соответствующее взаимодействие между обществом и личностью.

Универсалисты утверждают о наличии базовых тенденций восприятия и категоризации цветового континуума, в то время как релятивисты ориентированы на семантику естественного языка и языковую картину мира.

Восприятие цвета и его категоризация являются перспективными направлениями, вызывающими неослабевающий исследовательский интерес.

Лингвокультурная специфика кабардино-черкесского языка подтверждает утверждение А. Вежбицкой о том, что термин «цвет» не является универсальным для всех языков, а может быть предопределен культурными характеристиками носителей языка. В кабардино-черкесском языке закреплена культурно важная информация о визуальном способе восприятия предметов окружающей действительности.

Национальное, языковое мировоззрение считается неотъемлемой частью понимания культуры и традиций того или иного народа, определяющей его идентичность. Языковые мировоззрения разных народов имеют существенные отличия, однако можно найти сходные черты из-за общих основных человеческих понятий. Например, в большинстве культур отношение к цвету как важнейшей характеристике предметов окружающего мира

детерминировано физиологической способностью человека воспринимать цвета.

Не бывает хороших или плохих языков, а различия в языках неизбежны по многим факторам, в том числе этнокультурным. И данная работа направлена на раскрытие этих различий и их ценности как для самих носителей, так и для мира в целом и изучающих язык, которые обогащаются новыми идеями и другим взглядом на мир.

Проанализированный в данном исследовании материал разносистемных языков ставит под сомнение теорию Берлина и Кея в отношении производности таких цветов, как «brown» (коричневый, кхъуэщыныфэ) и «pink» (розовый, тхъэмбылыфэ), «orange» (оранжевый, къэбыфэ) в русском и кабардино-черкесском языках, которых исследователи отнесли к базовым и универсальным цветам, а также отмеченное и другими исследователями разделение термина «blue» в русском, хорватском и турецком языках на два самостоятельных цветовых термина (синий и голубой).

Развитие цветообозначений оказывается тесно связанным с самим восприятием окружающего мира. При этом восприятие или постижение цветового мира включает в себя важный культурный компонент, а проблема цвета напрямую связана с проблемами о взаимоотношениях языка и мышления, языка и культуры.

Экспликация отдельных цветообозначений в одном языке различными лексемами, а в другом — однокоренными словами свидетельствует об особенностях восприятия и категоризации цветового пространства носителями языка в зависимости от их культурных традиций, то есть от того, насколько значим тот или иной цвет в жизни этноса. Индикатором национального ментального устройства, безусловно, выступает язык.

Цветоминимация культурно специфична, а символика цвета в разносистемных языках отражает национально-культурные особенности, изучение которых способствует пониманию менталитета народа.

Литература

1. *Адыгэ литературэм и классик* [Электронный ресурс] // Электронная газета «Кабардино-Балкария». 24 мая 2022 г. URL: <https://elgkbr.ru/node/10971> (дата обращения: 26.10.2023).
2. *Адыгэшымы и дуней тельдыджэр* [Электронный ресурс] // Электронная газета «Кабардино-Балкария». 28 января 2023 г. URL: <https://elgkbr.ru/node/14300> (дата обращения: 26.10.2023).
3. *Бородай С.Ю.* Язык и познание: введение в пострелятивизм / С. Ю. Бородай; отв. ред. В.А. Лекторский, А.В. Смирнов. 2020. М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК. 800 с.
4. *Вежбицкая А.* Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. 1996. М. С. 231-291.
5. *Охрицкая Н.М.* Лингвокультурологический аспект многозначности цветоименований: дисс. ... канд. филол. наук. 2012. Челябинск.
6. *Berlin B., Kay P.* Basic Color Terms: Their Universality and Growth. 1969. Berkeley: University of California Press.
7. *Coelho P.* The Winner Stands Alone. 2010. Harper. 359 p.
8. *Dedrick D.* Naming the Rainbow. 1998. London: Kluwer Academic Publishers.
9. *Deutscher G.* Through the language glass: why the world looks different in other languages. 2010. New York: Henry Holt and Company. 320 p.
10. *Goddard C.* Semantic analysis: a practical introduction. 1998. Oxford: University Press.
11. *Goddard C., Wierzbicka A.* (eds.) Meaning and Universal Grammar: Theory and Empirical

- Findings. Vols. I, II. 2002. Amsterdam: John Benjamins.
12. Hardin C.L., Maffi L. (eds). *Color Categories in Thought and Language*. 1997. Cambridge: Cambridge University Press.
 13. Lucy J.A. *Language diversity and thought: A reformulation of the linguistic relativity hypothesis*. 1992. Cambridge: Cambridge University Press.
 14. Lyons J. *Color in language // Color: art & science*. 1995. Cambridge: Cambridge University, pp. 194-224.
 15. Regier T., Kay P. *Language, thought and color: Whorf was half right // Trends in Cognitive Sciences*. 2009.
 16. Saunders B. *Revisiting basic color terms // Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2000. No. 6, pp. 81-99.
 17. Stanlaw J. *Color and Color Nomenclature // The International Encyclopedia of Linguistic Anthropology*. 2020. DOI: 10.1002/9781118786093.iela0062
 18. Van Brakel J. *Meaning, Prototypes and the Future of Cognitive Science // Minds and Machines*. 1991. Vol. 1, no. 3, pp. 233-257.
 19. Whorf B.L. *Language, thought, and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf*. 1956. Technology Press of Massachusetts Institute of Technology. 278 p.
 20. Wierzbicka A. *Semantics: Primes and Universals*. 1996. New York: Oxford University Press.
 21. Wierzbicka A. *The meaning of colour terms: semantics, culture and cognition. Cognitive Linguistics*. 1990. Vol. 1, no. 1, pp. 99-150.
 22. Wierzbicka A. *There are no 'color universals' but there are universals of visual semantics // Anthropological Linguistics*, 2005. Vol. 47 (2), pp. 217-244.

References

1. *Adyge literaturem i klassik [Elektronnyi resurs] // Elektronnaya gazeta «Kabardino-Balkariya»*. 24 maya 2022 g. Available at: <https://elgkbr.ru/node/10971> (Accessed: 26.10.2023).
2. *Adygeshyim i dunei tel"ydzher [Elektronnyi resurs] // Elektronnaya gazeta «Kabardino-Balkariya»*. 28 yanvarya 2023 g. Available at: <https://elgkbr.ru/node/14300> (Accessed: 26.10.2023).
3. Borodai S.Yu. *Yazyk i poznanie: vvedenie v postrelyativizm / S. Yu. Borodai; otv. red. V.A. Lektorskii, A.V. Smirnov*. 2020. Moscow: OOO «Sadra»: Izdatel'skii Dom YaSK. 800 p.
4. Vezhbitskaya A. *Oboznacheniya tsveta i universalii zritel'nogo vospriyatiya // Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie*. 1996. Moscow, pp. 231-291.
5. Okhritskaya N.M. *Lingvokul'turologicheskii aspekt mnogoznachnosti tsvetonaimenovanii: diss. ... kand. filol. nauk*. 2012. Chelyabinsk.
6. Berlin B., Kay P. *Basic Color Terms: Their Universality and Growth*. 1969. Berkeley: University of California Press.
7. Coelho P. *The Winner Stands Alone*. 2010. Harper. 359 p.
8. Dedrick D. *Naming the Rainbow*. 1998. London: Kluwer Academic Publishers.
9. Deutscher G. *Through the language glass: why the world looks different in other languages*. 2010. New York: Henry Holt and Company. 320 p.
10. Goddard C. *Semantic analysis: a practical introduction*. 1998. Oxford: University Press.
11. Goddard C., Wierzbicka A. (eds.) *Meaning and Universal Grammar: Theory and Empirical Findings. Vols. I, II*. 2002. Amsterdam: John Benjamins.
12. Hardin C.L., Maffi L. (eds). *Color Categories in Thought and Language*. 1997. Cambridge:

Маремукова Э.В.
Лингвокультурная специфика категоризации и
стереотипизации цвета в разноструктурных языках
Язык и текст. 2023. Том 10. № 4. С. 15–29.

Maremkova E.V.
Linguocultural Specificity of Categorization and
Stereotyping of Color in Languages with Different
Structures
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 4, pp. 15–29.

Cambridge University Press.

13. Lucy J.A. Language diversity and thought: A reformulation of the linguistic relativity hypothesis. 1992. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Lyons J. Color in language // Color: art & science. 1995. Cambridge: Cambridge University, pp. 194-224.
15. Regier T., Kay P. Language, thought and color: Whorf was half right // Trends in Cognitive Sciences. 2009.
16. Saunders B. Revisiting basic color terms // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2000. No. 6, pp. 81-99.
17. Stanlaw J. Color and Color Nomenclature // The International Encyclopedia of Linguistic Anthropology. 2020. DOI: 10.1002/9781118786093.iela0062
18. Van Brakel J. Meaning, Prototypes and the Future of Cognitive Science // Minds and Machines. 1991. Vol. 1, no. 3, pp. 233-257.
19. Whorf B.L. Language, thought, and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. 1956. Technology Press of Massachusetts Institute of Technology. 278 p.
20. Wierzbicka A. Semantics: Primes and Universals. 1996. New York: Oxford University Press.
21. Wierzbicka A. The meaning of colour terms: semantics, culture and cognition. Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1, no. 1, pp. 99-150.
22. Wierzbicka A. There are no 'color universals' but there are universals of visual semantics // Anthropological Linguistics, 2005. Vol. 47 (2), pp. 217-244.

Информация об авторах

Маремукова Элеонора Владимировна, кандидат филологических наук, главный специалист-эксперт Министерства культуры Кабардино-Балкарской Республики, г. Нальчик, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3567-9693>, e-mail: elleonora16@mail.ru

Information about the authors

Elleonora V. Maremkova, PhD in Philology, Chief Specialist-Expert, Ministry of Culture of the Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3567-9693>, e-mail: elleonora16@mail.ru

Получена 01.12.2023

Принята в печать 15.12.2023

Received 01.12.2023

Accepted 15.12.2023

Особенности выражения категории фокуса в расщепленном предложении английского языка

Балыгина Е.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5558-1389>, e-mail: baliginaea@mgppu.ru

Ермолова Т.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4260-9087>, e-mail: ermolovatv@mgppu.ru

Круковская О.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3394-1144>, e-mail: krukovskayaoa@mgppu.ru

Работа посвящена изучению взаимодействия категории фокуса с семантическим и синтаксическим аспектами расщепленного предложения английского языка. Обсуждаются особенности фокуса в расщепленном предложении с учетом взаимосвязи информационной структуры и категории определенности-неопределенности. Представлен обзор исследований, в которых информационная структура *it*-клефта изучается с позиций генеративной грамматики. Выделяются две группы исследований: в одной группе фокус интегрируется в глубинную структуру *it*-клефта; в другой группе фокус относится к поверхностному уровню представления предложения. Делается вывод, что изучение роли фокуса в структуре предложения вне его связи с дискурсом приводит к трактовке категории фокуса исключительно в терминах семантических и структурных отношений. Вследствие этого трансформационные правила, сформулированные в рассмотренных работах, могут не носить универсального характера и по-разному описывать процесс перехода к поверхностной структуре расщепленного предложения в разных языках.

Ключевые слова: синтаксис, генеративная грамматика, информационная структура, расщепленное предложение, фокус, предложение тождества.

Для цитаты: Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Круковская О.А. Особенности выражения категории фокуса в расщепленном предложении английского языка [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 4. С. 30–39. DOI:10.17759/langt.2023100403

The Features of the Expression of the Category of Focus in the Cleft Sentence of the English Language

Elena A. Balygina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5558-1389>, e-mail: baliginaea@mgppu.ru

Tatiana V. Ermolova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4260-9087>, e-mail: ermolovatv@mgppu.ru

Oksana A. Krukovskaya

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3394-1144>, e-mail: krukovskayaoa@mgppu.ru

The paper addresses the interaction of the focus category and the semantic and syntactic aspects of the cleft sentence of the English language. The features of the focus in a cleft sentence are discussed, taking into account the relationship between the information structure and the category of definiteness-indefiniteness. The authors present a review of studies that investigate the information structure of it-clefts in terms of generative grammar. Two groups of studies are distinguished: the one of the groups integrates the focus into the deep structure of it-clefts; the other group of studies attributes the focus to the surface structure of it-clefts. It is concluded that the study of the role of the focus of clefts in isolation from the discourse leads to the interpretation of the focus exclusively in terms of semantic and structural relations. Consequently, the transformational rules formulated in the studies reviewed may not be universal and differently describe the process of transition to the surface structure of a cleft sentence in different languages.

Keywords: syntax, generative grammar, information structure, cleft sentence, focus, equation sentence.

For citation: Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A. The Features of the Expression of the Category of Focus in the Cleft Sentence of the English Language. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 4, pp. 30–39. DOI:10.17759/langt.2023100403 (In Russ.).

В работе рассматриваются способы выражения фокуса в расщепленном предложении современного английского языка. Несмотря на то, что особенности фокусирования в клефте неоднократно становились объектом лингвистического исследования, проблема взаимосвязи фокусирования и семантики на глубинном и поверхностном уровнях клефтовой конструкции остается недостаточно изученной. В настоящей работе представлен краткий обзор исследований, в которых информационная структура расщепленного предложения (it-клефта) изучается с позиций генеративной грамматики.

Конфигурационная модель информационной структуры, разработанная в рамках генеративной грамматики, рассматривает понятие фокуса как свойство логико-синтаксической структуры предложения [19; 14]. В этой системе взглядов предполагается,

что фокус не является категорией, заданной эксплицитно в самом представлении предложения, а принадлежит сфере интерпретации иерархических отношений (конфигураций), лежащих в основе его логико-синтаксической структуры. В частности, фокус может определяться как составляющая, получающая просодическое выделение [20]. Ограниченность этого подхода проявилась в том, что трансформационные правила, сформулированные без использования понятия фокуса, не носят универсального характера и по-разному описывают процесс перехода к поверхностной структуре предложений в разных языках. Например, правило выдвижения субъекта исходной структуры в интонационно выделенную позицию в конце предложения («рематизация» подлежащего) зависит от закрепленного в том или ином языке «немаркированного» порядка следования элементов, в то время как это правило могло быть сформулировано универсальным образом в случае включения понятия фокуса в представление предложения на глубинном уровне.

В более распространенной *признаковой модели* информационной структуры понятие фокуса выступает в роли организатора высказывания на всех уровнях представления предложения. Согласно этой модели, коммуникативные аспекты предложения непосредственно связаны с определенными функциональными проекциями, организующими во взаимодействии с семантическими категориями синтаксический уровень предложения. Сторонники этой точки зрения предпринимают попытки интегрировать категорию фокуса в процесс порождения поверхностной структуры предложения [15; 19; 9].

Дискуссия о необходимости включения коммуникативных категорий в исходный уровень представления предложения продолжается и в настоящее время. При этом изучение природы фокуса и критериев его вычленения остается одной из центральных проблем исследований в области синтаксиса.

Обычно понятие фокуса связывают с категориями новизны и контраста, рассматривая фокус как явление, отражающее точку зрения говорящего на описываемую ситуацию. Однако в рамках когнитивного подхода особое значение приобретают не только прагматические аспекты предложения, но и взаимосвязь фокусного выделения с семантикой предложения, в частности, с референциальными аспектами его значения [4; 2; 7].

Взаимодействия фокуса с одной из основных категорий семантики предложения — категорией определенности-неопределенности — находится в центре внимания не только когнитологов, но и исследователей, изучающих синтаксис в рамках теории непосредственных составляющих Н. Хомского. Это обуславливает актуальность данной статьи, посвященной обзору ряда исследований, в которых с позиций трансформационной грамматики обсуждаются, в частности, особенности взаимодействия фокуса и категории определенности-неопределенности (О/НЕО) в расщепленных предложениях английского языка.

Отметим, что в основе разделения определенности и неопределенности лежит принцип известности/неизвестности объекта коммуникантам. Функция этой категории — «актуализация и детерминизация имени, демонстрация его единственности в описываемой ситуации (определенность), либо выражение его отношения к классу подобных ему феноменов (неопределенность)» [5]. Иначе говоря, категория О/НЕО может быть описана как противопоставление единственности/неединственности. При этом следует учитывать, что определенное языковое выражение предназначено для референтного (индивидуализирующего) употребления, в то время как для неопределенного имени

характерно нереперентное употребление, предполагающее отсылку ко всему множеству его денотатов (к экстенционалу) [7; 6].

Несмотря на очевидную связь категории О/НЕО с коммуникативным аспектом значения предложения, было бы ошибочным трактовать эту категорию как противопоставление данного и нового, топика и фокуса. Одним из доказательств этого тезиса может служить то, что для расщепленных предложений английского языка (как и для других предложений, выражающих отношения тождества) характерно «необычное» взаимодействие категорий О/НЕО и фокуса: в качестве фокуса, который обычно связывают с представлением новой информации, выступает составляющая с определенной и единичной референцией [3].

В данном обзоре будут представлены различные подходы к объяснению особенностей фокусирования в расщепленном предложении. Работы в этом направлении можно разделить на две группы. К одной группе относятся исследования, в которых идентифицирующий фокус рассматривается как одно из понятий грамматической теории, эксплицитно входящее в представление предложения на глубинном уровне [9]. К другой группе относятся те, в которых фокус принадлежит поверхностной структуре и определяется в терминах более простых категорий — категории О/НЕО, а также ряда синтаксических и семантических понятий [10; 18].

К первой группе работ относится исследование Ё. Kiss «Идентификационный фокус против информационного фокуса», опубликованное в американском журнале *Language* в 1998 г. [9]. Автор этой работы исходит из предположения, что в предложениях тождества фокусирование носит принципиально иной характер, чем в канонических предложениях. В связи с этим постулируется необходимость выделения двух разных типов фокуса — информационного и идентифицирующего. Информационный фокус (ИнфФ) представляет новую информацию, в то время как идентифицирующий фокус (ИдФ) указывает на объект, известный из предшествующего дискурса или ситуации общения [9].

При этом выделение *идентифицирующего фокуса* в качестве независимой функциональной категории считается обоснованным только в том случае, если эта категория закреплена в языковой системе и соответствующая ей функциональная вершина участвует в порождении поверхностных синтаксических и семантических структур. По мнению Ё. Kiss, влиянием этой вершины объясняются особенности фокусирования в расщепленных предложениях английского языка [9].

Отметим, что в рамках теории глубинных структур Н. Хомского *функциональная вершина* определяется как врожденная когнитивная программа, «продукт биологической эволюции нашей когнитивной системы», определяемый особенностями структуры мозга человека [13]. Предполагается, что функциональные вершины носят универсальный характер, выступая в той же роли, что и вершины, выражаемые частями речи: кодируют синтаксические и семантические отношения, присоединяя к себе зависимые элементы.

Ё. Kiss представляет структуру английского клефта следующим образом: глагол *to be*, выступая в роли вершины фокусной проекции, присоединяет дополнение, выраженное клефт-кlausой. Глагол-связка рассматривается как лексикализация функциональной вершины F (focus), провоцирующей выдвигание клефт-элемента в начало предложения с результирующим повышением ранга [9].

В результате этого выдвигания клефт-элемент занимает позицию определителя фокусной проекции, включающей глагол *to be* и клефт-кlausу. Именно перемещением клефт-элемента

обусловлено возникновение отношений тождества между переменной в открытой пропозиции клефт-клаузы и клефт-элементом. При этом глагол *to be* и клефт-местоимение *it* рассматриваются как эксплетивы, не участвующие в формировании семантического уровня предложения [9].

В рамках подобного подхода синтаксическая структура клефта *It was Sam that Mary met* может быть представлена следующим образом:

[_{IP} *It* [_I [_F *was*]_i I] [_{FP} *Sam* _{ti} [_{CP} *that Mary met*]]].

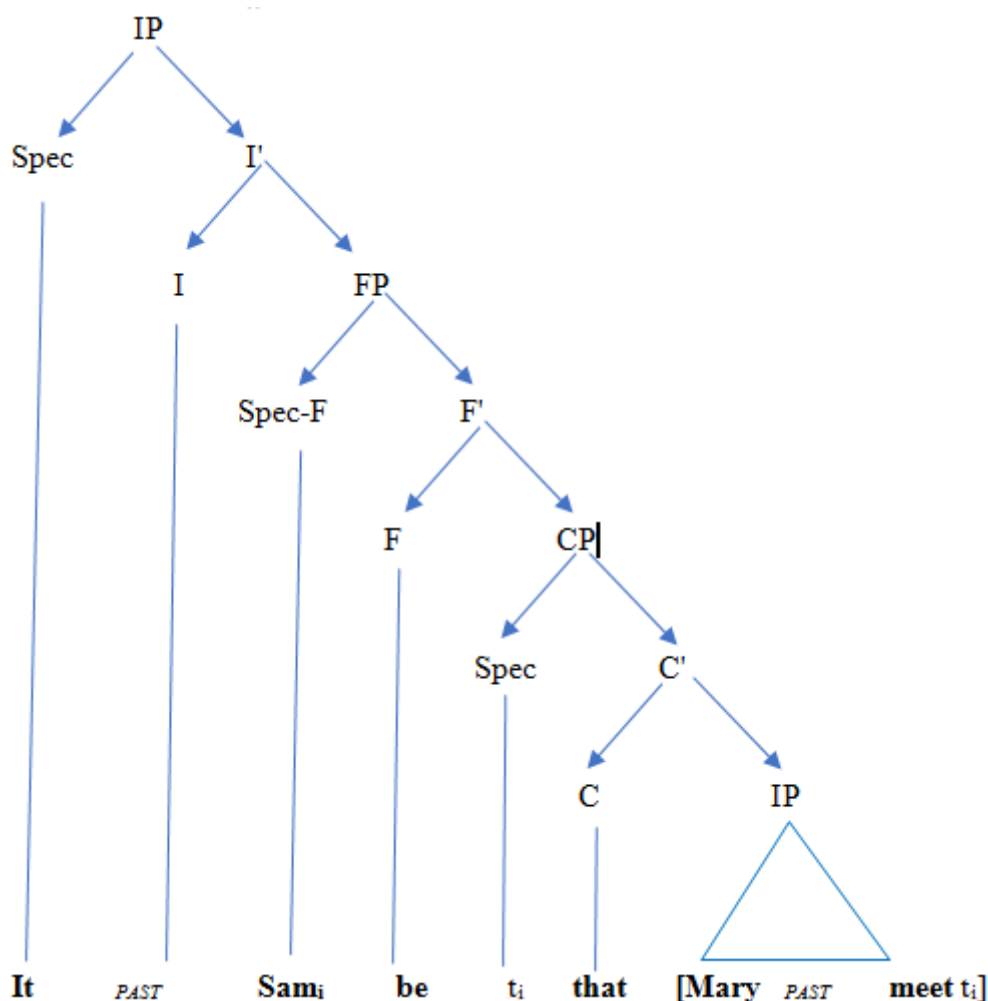

Рис. 1. Структура предложения *It was Sam that Mary met* в виде иерархии непосредственных составляющих

С семантической точки зрения ИдФ *Sam* выражает значение переменной открытой пропозиции, причем на структурном уровне фокусный элемент «вычленяется» из соответствующей этой пропозиции части предложения (клефт-клаузы) и занимает позицию на более высоком уровне синтаксической иерархии [9].

Между фокусом *Sam* и остальной частью предложения устанавливаются отношения, схожие с отношениями определителя и именной группы: фокусный элемент в этой позиции указывает на возможность и необходимость идентификации объекта, свойства которого

описываются открытой пропозицией *Mary meet Y*. Это означает, что фокус *Sam* служит показателем определенной и конкретной референции этого объекта [9].

Изменение характера референции клефт-элемента и клефт-клаузы и их статуса в системе иерархических отношений приводит к преобразованию логико-синтаксической структуры этого предложения: вместо отношений логической предикации, связывающих подлежащее и предикат в каноническом предложении *Mary met Sam*, в расщепленном предложении устанавливаются отношения тождества между дополнением *Sam* и остальной частью предложения. В этом предложении утверждается, что встречавшийся с Мэри идентичен Сэму, это не кто иной, как Сэм. Такое предложение будет уместно в ситуации, когда реципиенту известно, что Мэри кого-то встретила, и ему необходимо установить тождество этого человека и одного из известных ему людей: *Кого встретила Мэри? — Сэма* [9; 2].

Интерпретируя структуру клефт-предложения подобным образом (в рамках *the focus projection analyses*), Ё. Kiss приходит к выводу, что клефты следует рассматривать как структурное средство кодирования идентифицирующего фокуса в английском языке. При этом идентифицирующий фокус выделяется на основе сочетания семантического признака (наличие пресуппозиции существования) и структурного (выдвижение в начало предложения объекта исходной структуры) [9].

Однако среди исследователей существует и альтернативная точка зрения на структурные свойства конструкций с фокусом, выделяющим референтное имя. Согласно сторонникам этой точки зрения, наличие у фокуса таких конструкций пресуппозиции существования и единственности, отличающих их от информационного фокуса, можно объяснить, не вводя в рассмотрение отдельную функциональную категорию. Эта группа исследований, в свою очередь, представлена двумя подгруппами:

- а) работы, где отношения в расщепленном предложении определяются преимущественно в терминах синтаксических категорий (например, [12; 8; 21; 16]);
- б) работы, где эти отношения определяются преимущественно на основе семантических критериев [10; 18].

В работах первой подгруппы предполагается, что «клефт-местоимение и клефт-клауза формируют единую семантическую составляющую, в которой местоимение *it* играет роль определенного артикля, а *that*-клауза — дескриптивного компонента» [12]. Составляющая, объединяющая местоимение *it* и клефт-клаузу, функционирует как *определенная дескрипция*, в значение которой также входят пресуппозиции существования и единственности обозначаемого референта (например, *the one who danced with Mary*). Эта составляющая является одним из аргументов предиката, а глагол-связка в расщепленном предложении не является семантически пустым и выражает значение тождества [11; 3].

Таким образом, предполагается, что особенности фокусирования в расщепленном предложении связаны (1) с семантикой глагола-связки, способного выражать отношения тождества, и (2) с функцией клефт-местоимения *it*, указывающего на определенную и конкретную референцию аргумента предиката клефт-клаузы.

В работах второй подгруппы (например, в исследовании Мэтью Рива (Matthew Reeve)) отрицается существование в исходной структуре непрерывной составляющей, образованной местоимением *it* и клефт-клаузой, и обосновывается функционирование местоимения *it* в роли определителя клефт-клаузы [18]. В структурном и семантическом плане отношения

между местоимением *it* и клефт-кlausой схожи с отношениями, которые связывают ограничительные определительные предложения и существительные, которые они определяют. Сходство заключается в том, что объект, выделенный с помощью клефт-кlausы из контекста, может быть однозначно идентифицирован реципиентом только после соотнесения с определителем, выраженным в расщепленном предложении местоимением *it* [18].

В роли определителя местоимение *it* создает пресуппозицию существования и единственности объекта, удовлетворяющего описанию клефт-кlausы, затем клефт-кlausа соотносится с клефт-элементом, референт которого также воспринимается как определенный и конкретный. Определенность этих объектов — *the one who danced with Mary* и *the boy* — создает условия для возникновения отношений тождества в клефт-предложении *It was the boy that Mary danced with* [18].

М. Рив (M. Reeve) в одной из глав монографии «The Syntax of Topic, Focus, and Contrast: An Interface-based Approach», опубликованной в 2013 г., выделяет в расщепленном предложении две klausы: глагол-связка принимает фокус как дополнение, образуя первую klausу, к глагольной проекции которой присоединяется составляющая справа — клефт-кlausа [18]. Структура клефтов описывается следующим образом:

[_{IP} *it* [_{VP} [_{VP} *V*_{cop} focus] background]].

При этом, по мнению М. Рива, за возникновение отношений тождества в расщепленном предложении отвечают не только пресуппозиции существования и единственности, входящие в значение клефт-элемента и клефт-кlausы, но и функциональная вершина Eq (Equation), которая лексикализована с помощью глагола-связки [18].

Поводя итоги, отметим, что в рамках подхода, представленного во второй группе исследований, понятие идентифицирующего фокуса является избыточным, поскольку особенности фокусирования в расщепленном предложении связываются преимущественно со структурными и семантическими признаками. Исследования первой группы, включающие в исходную структуру категорию идентифицирующего фокуса, также оставляют, по сути, понятие фокуса неопределяемым, понимая под ним объект предметной ситуации, выражающий такие признаки, как наличие пресуппозиции существования и выдвижение в начало предложения.

По сути, в исследованиях обеих групп не выявлены критерии разграничения логического субъекта, реализующего категорию определенности, и фокуса, что, безусловно, может затруднить нахождение фокуса в расщепленных предложениях других языков. Тем не менее, рассмотренные в обзоре работы, эксплицитным и формализованным образом описывающие структуру предложения, представляют, по нашему мнению, определенный интерес для исследователей, изучающих коммуникативные категории и, в частности, особенности их реализации в расщепленном предложении английского языка.

Литература

1. Абакумова О.В., Величкова Л.В. Вопросительные высказывания в русской и испанской звучащей речи (на материале телеинтервью) [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 2. С. 4-11. DOI: 10.17759/langt.2020070201
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. 1976. М.: Наука. 383 с.

3. Балыгина Е.А. Топик и фокус расщепленного предложения в англоязычном дискурсе: дисс. ... канд. филол. наук. 2009. М. 207 с.
4. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. 2014. М.: Языки славянской культуры. 320 с.
5. Николаева Т.М. Определенности/неопределенности категория // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. 1990. М.: Советская энциклопедия. С. 376.
6. Сулейманова Д.Н. Семантика и функционирование неопределенных местоимений с компонентами *some, any*, *no* в английском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 2014. Уфа. 24 с.
7. Шмелев А.Д. Референциальная интерпретация сочетания вида «местоимение + имя собственное» // Русские местоимения: семантика и грамматика. 1989. Владимир: Издательство Владимирского пед. института. С. 93-101.
8. Aktajian A. On deriving cleft sentences from pseudo-cleft sentences // *Linguistic Inquiry*. 1970. Vol. 1, pp. 146-168.
9. É Kiss, K. Identificational focus versus information focus // *Language*. 1998. Vol. 74, pp. 245-273.
10. Gundel J. Where do cleft sentences come from? // *Language*. 1977. Vol. 53, pp. 543-559.
11. Halliday M.A.K. *A Course in Spoken English: Intonation*. 1970. Oxford: Oxford University Press, p. 212.
12. Hedberg N.A. *The Discourse Function of Cleft Sentences in English*: PhD dissertation. 1990. University of Minnesota.
13. Holmberg A. Universal grammar // *The Cambridge handbook of historical syntax* / Ledgeway A., Roberts I.G. (eds.). 2017. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 275-300.
14. Neeleman A., Reinhart T. Scrambling and the PF interface // *The projection of arguments: lexical and compositional factors* / Ed. by Butt M., Geuder W. 1998. Stanford, CA: CSLI Publications, pp. 309-353.
15. Rizzi L. The fine structure of the left periphery // *Elements of grammar: handbook in generative syntax* / Ed. by Haegeman L. 1997. Dordrecht: Kluwer, pp. 281-337.
16. Percus O. Prying open the cleft // *Proceedings of the North East Linguistic Society 27* / Ed. by Kiyomi Kusumoto. 1997. Amherst, MA: University of Massachusetts, Graduate Linguistics Student Association, pp. 337-351.
17. Primus B., Kretschmar F.H., von Heusinger K.H., Nikolaus P. Relating agent prominence to discourse prominence: DO-clefts in German // *Linguistics*. 2022. Vol. 60, no. 6, pp. 1811-1853. DOI: 10.1515/ling-2020-0276
18. Reeve M. Chapter 5. Against FP Analyses of Clefts // *The Syntax of Topic, Focus, and Contrast: An Interface-based Approach* / A. Neeleman & R. Vermeulen (Ed.). 2013. Berlin, Boston: De Gruyter, pp. 157-188. DOI: 10.1515/9781614511458.157
19. Reinhart T. *Interface strategies: optimal and costly computations*. 2006. Cambridge, MA: MIT Press, p. 340.
20. Slioussar N. *Grammar and Information Structure. A study with reference to Russian*. 2007. Utrecht: LOT Publications, p. 255.
21. Wirth J. The derivation of cleft sentences in English // *Glossa*. 1978. Vol. 12, pp. 58-81.

References

1. Abakumova O.V., Velichkova L.V. Interrogative Statements in Russian and Spanish Sounding Speech (Based on TV Interview Material). *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 2, pp. 4-11. DOI: 10.17759/langt.2020070201 (In Russ.).
2. Arutyunova N.D. Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problemy. 1976. Moscow: Nauka. 383 p. (In Russ.).
3. Balygina E.A. Topik i fokus rasshcheplennogo predlozheniya v angloyazychnom diskurse: diss. ... kand. filol. nauk. 2009. Moscow. 207 p. (In Russ.).
4. Iriskhanova O.K. Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya. 2014. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. 320 p. (In Russ.).
5. Nikolaeva T.M. Opredelennosti/neopredelennosti kategoriya // *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' / pod red. V.N. Yartsevoi*. 1990. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, p. 376 (In Russ.).
6. Suleimanova D.N. Semantika i funktsionirovanie neopredelennykh mestoimenii s komponentami some, any, no v angliiskom yazyke: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. 2014. Ufa. 24 p. (In Russ.).
7. Shmelev A.D. Referentsial'naya interpretatsiya sochetaniya vida «mestoimenie + imya sobstvennoe» // *Russkie mestoimeniya: semantika i grammatika*. 1989. Vladimir: Publ. Vladimirskego ped. instituta, pp. 93-101 (In Russ.).
8. Akmajian A. On deriving cleft sentences from pseudo-cleft sentences // *Linguistic Inquiry*. 1970. Vol. 1, pp. 146-168.
9. É Kiss, K. Identificational focus versus information focus // *Language*. 1998. Vol. 74, pp. 245-273.
10. Gundel J. Where do cleft sentences come from? // *Language*. 1977. Vol. 53, pp. 543-559.
11. Halliday M.A.K. *A Course in Spoken English: Intonation*. 1970. Oxford: Oxford University Press, p. 212.
12. Hedberg N.A. *The Discourse Function of Cleft Sentences in English: PhD dissertation*. 1990. University of Minnesota.
13. Holmberg A. Universal grammar // *The Cambridge handbook of historical syntax / Ledgeway A., Roberts I.G. (eds.)*. 2017. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 275-300.
14. Neeleman A., Reinhart T. Scrambling and the PF interface // *The projection of arguments: lexical and compositional factors / Ed. by Butt M., Geuder W*. 1998. Stanford, CA: CSLI Publications, pp. 309-353.
15. Rizzi L. The fine structure of the left periphery // *Elements of grammar: handbook in generative syntax / Ed. by Haegeman L*. 1997. Dordrecht: Kluwer, pp. 281-337.
16. Percus O. Prying open the cleft // *Proceedings of the North East Linguistic Society 27 / Ed. by Kiyomi Kusumoto*. 1997. Amherst, MA: University of Massachusetts, Graduate Linguistics Student Association, pp. 337-351.
17. Primus B., Kretzschmar F.H., von Heusinger K.H., Nikolaus P. Relating agent prominence to discourse prominence: DO-clefts in German // *Linguistics*. 2022. Vol. 60, no. 6, pp. 1811-1853. DOI: 10.1515/ling-2020-0276
18. Reeve M. Chapter 5. Against FP Analyses of Clefts // *The Syntax of Topic, Focus, and Contrast: An Interface-based Approach / A. Neeleman & R. Vermeulen (Ed.)*. 2013. Berlin, Boston: De Gruyter, pp. 157-188. DOI: 10.1515/9781614511458.157
19. Reinhart T. Interface strategies: optimal and costly computations. 2006. Cambridge, MA: MIT Press, p. 340.

Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Круковская О.А.
Особенности выражения категории фокуса в
расщепленном предложении английского языка
Язык и текст. 2023. Том 10. № 4. С. 30–39.

Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A.
The Features of the Expression of the Category of Focus
in the Cleft Sentence of the English Language
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 4, pp. 30–39.

20. Slioussar N. Grammar and Information Structure. A study with reference to Russian. 2007. Utrecht: LOT Publications, p. 255.

21. Wirth J. The derivation of cleft sentences in English // Glossa. 1978. Vol. 12, pp. 58-81.

Информация об авторах

Балыгина Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной и русской филологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5558-1389>, e-mail: baliginaea@mgppu.ru

Ермолова Татьяна Викторовна, кандидат психологических наук, заведующая кафедрой зарубежной и русской филологии, профессор кафедры зарубежной и русской филологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4260-9087>, e-mail: ermolovatv@mgppu.ru

Круковская Оксана Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры зарубежной и русской филологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3394-1144>, e-mail: krukovskayaoa@mgppu.ru

Information about the authors

Elena A. Balygina, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign and Russian Philology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5558-1389>, e-mail: baliginaea@mgppu.ru

Tatiana V. Ermolova, PhD in Psychology, Head of the Department of Foreign and Russian Philology, Professor of the Department of Foreign and Russian Philology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4260-9087>, e-mail: ermolovatv@mgppu.ru

Oksana A. Krukovskaya, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Department of Foreign and Russian Philology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3394-1144>, e-mail: krukovskayaoa@mgppu.ru

Получена 01.12.2023

Принята в печать 15.12.2023

Received 01.12.2023

Accepted 15.12.2023

Роль категории глагольного вида в выражении взглядов Л. Толстого на исторический процесс (на материале романа «Война и мир»)

Морозов В.Э.

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) (ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4148-5919>, e-mail: cooper-morozov@yandex.ru

В статье применяется антропоцентрический подход к описанию грамматической категории глагольных видов, для того чтобы рассмотреть, как их использование способствует созданию образа мира в соответствии с творческим замыслом автора художественного произведения. Основным предметом исследования является роман Л.Н. Толстого «Война и мир». Применяя понятие фрейма ситуации, исследователь анализирует, как писатель преодолевает фрагментарность изображения событий, свойственную человеческому мышлению, и создает глобальное представление о ходе истории как о переплетении многочисленных поступков персонажей на фоне панорамного изображения исторических событий. В статье показаны особенности выбора в романе глаголов совершенного и несовершенного видов, способствующие созданию такого образа исторического процесса.

Ключевые слова: антропоцентрическая лингвистика, категория глагольного вида, совершенный вид, несовершенный вид, аспектуальный фрейм, фрейм ситуации, Л.Н. Толстой, «Война и мир», виды глагола в художественном тексте.

Для цитаты: Морозов В.Э. Роль категории глагольного вида в выражении взглядов Л. Толстого на исторический процесс (на материале романа «Война и мир») [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 4. С. 40–60. DOI:10.17759/langt.2023100404

The Role of the Verbal Aspects Category in Expressing L. Tolstoy's Views on the Historical Process (Based on the Material of the Novel «War and Peace»)

Valery E. Morozov

A.N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4148-5919>, e-mail: cooper-morozov@yandex.ru

The article uses the anthropocentric approach to the description of the grammatical

category of the verbs aspects in order to consider how its use contributes to the creation of an image of the world in accordance with the creative intent of the author of the literary text. The main subject of the study is L.N. Tolstoy's novel «War and Peace». Applying the concept situation frame, the researcher analyzes how the writer overcomes the fragmentary image of events inherent in human thinking and creates a global view of the course of history as a linking of numerous actions of characters acts the background of a historical panorama. The article shows the specific choice of perfect and imperfect verbs in the novel, contributing to the creation of such an image of the historical process.

Keywords: anthropocentric linguistics, category of verb aspects, perfect verb aspect, imperfect verb aspect, aspectual frame, frame of situation, L.N. Tolstoy, «War and Peace», types of verb in a literary text.

For citation: Morozov V.E. The Role of the Verbal Aspects Category in Expressing L. Tolstoy's Views on the Historical Process (Based on the Material of the Novel «War and Peace»). *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 4, pp. 40–60. DOI:10.17759/langt.2023100404 (In Russ.).

Пожалуй, не найдется в русском языке ничего, вызывающего столь значительные расхождения во мнениях лингвистов, чем виды глагола. О них написано множество научных трудов. Тем не менее, некоторые вопросы, связанные с их употреблением в тексте, до сих пор не только не решены, но даже не поставлены. Одним из них является проблема того, какую роль виды глагола играют в создании образа так называемого возможного мира в художественном произведении. Данный вопрос частично был рассмотрен автором настоящей статьи в докторской диссертации двадцать лет назад¹, но до сих пор эта часть исследования оставалась неопубликованной в научной печати.

В наших изысканиях применяется антропоцентрический подход, который «*зигждится на понимании языка как принадлежности ментально-лингвального комплекса человека*» [7, с. 42]. Мы исходим из того, что вид русского глагола — это грамматическая категория, общим назначением которой является выражение распределения внимания между фактом осуществления действия, с одной стороны, и факторами, сопутствующими действию, с другой стороны. В широком смысле под действием понимаются любые подвижные признаки предмета речи, как то: физические действия (в узком смысле слова, напр.: *трогать*), мыслительные действия (*решать*), речемыслительные действия (*говорить*), поступки (*уступить*), состояния (*болеть*), в том числе эмоциональные (*стремиться*), претерпевание воздействия (*читаться*), процессные (*стареть*) и прочие изменения (*начинать(ся)*, *прекращать(ся)*).

Заметим, что один и тот же признак может быть приписан разным предметам речи, ср.: *Только открытие кампании задержало Ростова / Ростов задержался только из-за открытия кампании; Потом пришел приказ отступить к Свенцянам / Потом получили приказ отступить к Свенцянам / Потом приказали отступить к Свенцянам*. Так что в

¹ Взгляды автора статьи на вид русского глагола и анализ различных точек зрения на эту грамматическую категорию подробно изложены в работах [8; 9].

конечном счете признак присущ совокупности неких взаимосвязанных явлений, выделенную автором или созданную его воображением в пространственно-временном континууме существования бытия, духа и всего того, о чем он сообщает.

Наличие признака по меньшей мере предполагает его возникновение, существование, также возможны исчезновение и текущие изменения, за исключением случаев, вроде: *Ибо Я — Господь, я не изменяюсь* (Малахия, 3:6), *Движение есть способ существования материи, следовательно, нечто большее, чем просто ее свойство. Не существует и никогда не могло существовать материи без движения* [18, с. 516]. Обычно наличие таких, вечных, признаков выражается в высказываниях так называемым «настоящим вневременным» временем: *есть, не изменяюсь, не существует.*

Последовательность метаморфоз подвижного признака можно назвать протеканием действия во времени, вплоть до прекращения. Общим представлениям о том, как может разворачиваться то или иное обозначаемое глаголом действие, соответствуют ментальные структуры, называемые интерпретационными фреймами, в терминологии Ч. Филлмора [16, с. 54]. В русском языке, в отличие от большинства других языков, фрейм осуществления действия предполагает выбор глаголов одного из двух видов в зависимости от того, чему автор речи уделяет больше внимания: наличию подвижного признака или же его изменению (подвижности). В первом случае выбираются глаголы *несовершенного вида* (далее — **НВ**), во втором – глаголы **совершенного вида** (далее — **СВ**).

С изменением признака связано понимание того, что в мире нечто совершилось. Например, если кто-то нечто **написал**, то совершиться может создание любого письменного продукта: от одной буквы до четырехтомного и более произведения. Важно отметить, что само действие *писал* совсем не обязательно завершается созданием этого продукта. Его создание может оказаться началом самого действия, которое будет продолжаться еще долго, возможно, с перерывами, и завершится созданием более объемного творения.

Кроме того, далеко не всякое действие приводит к созданию чего-либо, например, если кто-нибудь спит. Тем не менее, и в таких случаях русский язык позволяет выделить уже совершившуюся часть действия при помощи выбора соответствующего глагола, например: *Он уже два часа проспал, и, кажется, еще не скоро проснется.* И в данном примере совершенное не равно окончанию действия. В этом состоит различие между представлением о завершенности, законченности и представлением о совершенности, осуществленности. Из того, что при протекании действия нечто совершено, далеко не всегда следует, что само действие, обозначаемое глаголом СВ, этим завершено.

В то время как глаголы СВ подчеркивают внимание к тому, что в ходе действия было нечто совершено, при выборе НВ внимание сосредоточивается на самом действии. Сказанное не означает, что при употреблении глагола НВ не подразумеваются возможные изменения признака. Напротив, они предполагаются столь же, сколь при использовании СВ предполагается осуществление действия, так как фрейм действия един. Например, если скажем, что Л.Н. Толстой *писал* не только художественные произведения, но и философские научные и публицистические труды, то имеется в виду, что каждый или большинство из этих трудов были завершены, **написаны**, в противном случае следовало бы особо отметить те, которые остались незавершенными.

В силу закона экономии речевых усилий (продуктивных своих и рецептивных адресата),

те сведения, которые адресат способен достаточно точно вывести сам из услышанного или прочитанного, остаются в подтексте речи. Поэтому если следует сосредоточиться именно на том, что было совершено, необходимо использовать глаголы СВ. С этой точки зрения, ответ мальчика, который в известном анекдоте на вопрос учителя: *Читал ли ты роман «Война и мир»?* ответил, что *читал*, хотя *прочитал* только одну страницу, был истинным, но не искренним, так как в нем не указано, что именно было совершено при осуществлении произведенного действия.

При внимании к совершенности действия подвижный признак видится менее устойчивым, т.к. внимание переносится с факта совершения действия на то, что именно было совершено, т.е. как изменился предмет речи в силу совершения действия. При сосредоточении внимания на самом действии оно видится как более устойчивый признак предмета речи, хотя и подвижный, ср.: — *Я проработал здесь десять лет. — И что? / — Я работал здесь десять лет. — Понятно.*

Фрейм действия передает очень общее представление о том, почему, где, когда, как и какой предмет речи может проявлять данный подвижный признак. При отражении автором речи наблюдаемого или воображаемого фрагмента мира создается более узкое и точное представление. Разделение мира, существующего в пространстве и времени непрерывно, на фрагменты, является следствием ограниченности человеческого восприятия и осуществляется на субъективных основаниях. В.И. Ленин правильно заметил: *«Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого»* [5, с. 233]. Для такого разделения человек, как известно, использует предшествующий опыт, зафиксированный в его памяти в виде общих структур ситуаций определенного типа, т.е. в виде фреймов ситуаций, являющихся моделями определенного рода фрагментов мира [1, с. 14; 2, с. 20; 6, с. 289].

Фреймы интерпретации и фреймы ситуации это не «разные вещи», а явления одного порядка: и те, и другие есть системы признаков, которые частотно повторяются во фрагментах мира того или иного рода. Различие состоит в широте и соответственно в точности представления. Напомним, что английское слово *frame* значит «рамка». По справедливому замечанию редактора русского перевода статьи Ч. Филмора «Дело о падеже» М.А. Обориной, употребление этого английского слова без перевода ничем не оправдано, поэтому в вышеназванной статье использовано именно существительное «рамка»² [15, с. 409]. И интерпретационные, и ситуационные фреймы суть системы признаков, но рамки первых несравнимо шире, чем вторых, ср.: битва / битва времен Отечественной войны, битва времен Великой Отечественной Войны и т.д. Ситуационные фреймы исключают из интерпретационных фреймов большое число признаков, меняющихся от случая к случаю, в силу чего представление о предмете речи становится более определенным.

Поскольку речь идет не о научном, а о художественном отражении мира, речи, постольку существительное «ситуация» используется не как термин, в качестве общелитературного слова. С.И. Ожегов [10, с. 640] истолковал его как «совокупность обстоятельств». Именно так оно понимается в настоящей статье. Обстоятельства, по которым определяется сущность

² С учетом того, что термин «фрейм» закрепился в науке за тем понятием, которые мы рассматриваем, он используется в настоящей статье.

ситуации и производится ее отнесение к типу подобных ситуаций, а также отличающие ее от прочих ситуаций, называются координатами ситуации. Как правило, таковыми становятся место, и время существования ситуации, ее основные участники, в том числе неодушевленные, производящие или претерпевающие различные действия, и характерные действия.

При формировании образа одной из ситуаций того или иного типа позиции (слоты) фрейма заполняются более конкретными признаками, некоторые из них получают в речи вербальное выражение. Определенные слоты заполняются представлениями о действиях, выражаемых глаголами. В речи эти глаголы вступают в смысловое взаимодействие между собой. В зависимости от частных особенностей представления о фрагменте мира одни его подвижные признаки могут видаться более устойчивыми. Они связаны с координатами предмета речи, по которым определяются его время существования, место, роль в мире и основные составляющие, в том числе и люди. Такие признаки можно назвать обстоятельствами ситуации. Другие подвижные признаки будут представлены как менее устойчивые, внимание к ним ограничивается тем, что было совершено в ходе развития данного фрагмента. Эти признаки можно считать изменениями в ситуации и/или всей ситуации. Суть отношений между признаками первого и второго родов заключается в том, что при таких-то обстоятельствах в мире произошли, либо произойдут определенные изменения.

Такие отношения между подвижными признаками ситуации мы называем аспектуальными фреймами. Это не разновидности фреймов, а речевые фигуры, отражающие соотношение действий в модели ситуации. *Аспектуальные фреймы* — это способы представления действий как совокупности некоторых обстоятельств ситуации и определенной последовательности ее изменений. В русском языке аспектуальные различия действий выражаются посредством значений морфологической категории глагольного вида. Глаголы несовершенного вида представляют действие как обстоятельство освещаемой автором ситуации, а глаголы совершенного вида изображают то же самое действие как изменение в ситуации или всей ситуации, например:

*Получив, пробужденный от сна, холодную и повелительную записку от Кутузова, Растропчин почувствовал себя тем более раздраженным, чем более он чувствовал себя виновным (с. 355)*³.

В основе изображения выделенного А.Н. Толстым фрагмента создаваемого им «возможного мира» лежит фрейм эмоциональной реакции на полученное сообщение. Этот фрейм включает: пространственно-временную рамку, выделяющую ту часть непрерывно изменяющегося мира, в которой осуществилась реакция, причины ее возникновения, самое ее осуществление и этапы протекания (усиление, ослабление и т.п.), разрешение, последствие. Аспектуальный фрейм описанной А.Н. Толстым ситуации складывается таким образом: обстоятельством стало наиболее важное действие, выраженное глаголом НВ *чувствовал (виновным)*: именно оно определяет суть выделенной ситуации. Начало передано причастием СВ *пробужденный*, изменение, а именно причины возникновения обстоятельства, деепричастием СВ *получив* и глаголом СВ *почувствовал*. Разрешение этой реакции показано в более подробных сообщениях об обстоятельствах и изменениях этой ситуации, когда писатель показывает, что именно думал и делал граф. а также впечатление, произведенное им на подчиненных.

³ Источником всех примеров, приводимых из романа Л.Н. Толстого, является издание [13].

Действие, понятое как обстоятельство ситуации, само может стать становится одной из ее координат, позволяя идентифицировать ситуацию, т.е. отождествить саму с собой. Таковым может стать: а) наиболее длительное действие, например: *В это утро Петя **д о л г о одевался, причесывался и устраивал** воротнички так, как у больших* (с. 93-94); б) повторяющееся действие (см., второй глагол в нижеследующей фразе): *Все, что он видел в этот день, все значительные, строгие выражения лиц, которые он мельком **видел, осветились для него новым светом*** (с. 219); в) характеристики, общие для всех описываемых действий (см. первый глагол в последнем примере); г) наиболее яркое или важное действие (см. глагол ***чувствовал*** в приведенном выше примере со с. 355). Кроме того, действие, не становясь координатой само по себе, может быть обозначено глаголом НВ, если оно подчеркивает какую-либо другую координату, как правило: д) место действия, е) время действия, ж) производителей действия, в том числе действующих лица, например:

*Они **сидели** в гостиной у окна (место). **Были** сумерки (время). Из окна **пахло** цветами (производитель действия). Элен **была** в белом платье, **просвечивающем** на груди и плечах (действующее лицо). Аббат, хорошо откормленный, с пухлою, гладко бритую бородой, приятным, крепким ртом и белыми руками, сложенными кротко на коленях, **сидел** близко к Элен и с тонкою улыбкой на губах, мирно восхищенным ее красотою взглядом **смотрел** изредка на ее лицо и **излагал** свой взгляд на занимавший их вопрос (действующее лицо) (с. 295). Особый случай (з) представляет собой связь действия со временем говорящего, например: *Он дал слово мне, что не отступит, но вдруг прислал диспозицию, что он в ночь **уходит*** (с. 133).*

Координата ситуации, в том числе указанная при помощи НВ, позволяет адресату сообщения связать между собой разные элементы, объединяемые автором речи в один фрагмент действительности, выделенный им в мире. Действие, осмысленное как координата, служит для выделения того периода времени, в который оно произошло, как особой части мировой истории. Изменение, выражаемое СВ, воспринимается как внешняя граница ситуации, отделяющая ее от других ситуаций, или как внутренняя граница, разделяющая ситуацию на несколько частей⁴. Действие, осмысленное в качестве изменения, как бы делит мировую историю на две эпохи: ту, которая имела место до совершения этого действия, и ту, которая наступила по его осуществлению. Например:

*Как только король **начал** говорить громко и быстро, все королевское достоинство мгновенно **оставило** его, и он, сам не замечая, **перешел** на свойственный ему тон добродушной фамильярности* (С. 22-23).

Конечно, личная и общественная значимость того или иного разделения истории на эпохи могут существенно различаться.

В зависимости от того, все или не все и какие именно представления о действиях выражены в тексте, аспектуальные фреймы можно поделить на развернутые и свернутые. В максимально развернутом аспектуальном фрейме выражены все метаморфозы подвижного признака предмета речи, в силу чего ее адресату нет необходимости домысливать что-либо в этой связи, например: *Певец **запел** песню, и **пел** ее долго, пока не **спел** до конца*. Однако в реальной речи в

⁴ В качестве различия центров и границ приведем следующее сравнение. Испания и Франция определяются и различаются как государства со столицами, соответственно, в Мадриде и в Париже, но отделяют их друг от друга не столицы, а Пиренеи.

силу экономии речевых усилий подобные высказывания встречаются крайне редко. Так, в проанализированных нами текстах Л. Толстого таких случаев отмечено не было.

Как правило, аспектуальный фрейм свертывается автором речи так, чтобы адресат, опираясь на свой жизненный опыт, мог сам заполнить те невербализованные слоты фрейма, которые должны быть конкретизированы для реализации речевого намерения адресанта. В этом случае развернутым аспектуальным фреймом можно считать такое соотношение глаголов, при котором при ясно выражены вход (начало или причина) и исход (окончание или следствие) ситуации, а, кроме того, задана хотя бы одна координата для ее идентификации, например:

*[Четвертое направление было направление, которого самым видным представителем был великий князь, наследник цесаревич, не могший забыть своего] аустерлицкого разочарования, где он, как на смотр **выехал** пред гвардию в каске и колете, **рассчитывая** молодецки **раздавить** французов, и, **попав** неожиданно в первую линию, **насилу ушел** в общем смятении (с. 48).*

В последней части сложного предложения поясняется ситуация, выраженная в общем виде словосочетанием *аустерлицкое разочарование*. Координатами ситуации являются место действия, указанное прилагательным *аустерлицкое*, действующее лицо, обозначенное титулом *великий князь* и еще раз местоимением *он*, а также наиболее яркое действие, выраженное причастием НВ *рассчитывая*. При таких координатах входом в ситуацию становится не начало сражения, а действие, обозначенное глаголом СВ **выехал**; предполагаемый ее исход выражен инфинитивом СВ **раздавить**, а реальный — глаголом **ушел**. Кроме того, одна из внутренних границ ситуации отмечена деепричастием СВ **попав**. Однако в примере вербализованы не все слоты фрейма данной ситуации. Например, адресат должен сам вспоминать или домысливать, что случилось, когда великий князь попал на первую линию. Впрочем, адекватный образ ситуации можно составить и без конкретизации этой ее части.

В свернутом аспектуальном фрейме отсутствует выражение одной, двух или всех трех вышеуказанных характеристик ситуации. Вот, например, начало предпоследнего абзаца XI главы третьего тома:

*В то самое время как князь Андрей **жил** без дела при Дриссе, Шишков, государственный секретарь, бывший одним из главных представителей этой партии, написал государю письмо, которое согласились подписать Балашев и Аракчеев (с. 51).*

В первой части бессоюзного предложения упоминается ситуация, координатами которой стали действующее лицо, время и место действия. Начало ее здесь не указано: об этом рассказывалось в первом абзаце той же главы. Но с ее третьего абзаца Л.Н. Толстой переходит к описанию партий при дворе Александра I, что не имеет прямой связи с князем Андреем. Потому данный аспектуальный фрейм является свернутым. В нем обозначено лишь самое общее и длительное обстоятельство: ***жил***.

Кроме того, аспектуальные фреймы могут быть непрерывными / прерванными. В последние, прерывая их, вклиниваются другие фреймы, например:

*Как только князь Андрей оставил свои ежедневные занятия, в особенности как только он вступил в прежние условия жизни, в которых он **был** еще тогда, когда он **был** счастлив, тоска жизни охватила его с прежней силой, и он спешил поскорее уйти от этих воспоминаний и найти поскорее какое-нибудь дело (с. 42).*

В основном в данном этого предложении сообщается о ситуации, в которой князь Андрей находился по своем возвращении в отчий дом. Но в четвертой части временная координата резко меняется на прошлую, причем прошлое и текущее время противопоставлены друг другу. В силу этого аспектуальный фрейм, относящийся к текущей ситуации, прерывается свернутым фреймом прошлой ситуации, в котором обозначены только координаты: время и место действия, а также действующее лицо, но не показаны ни начало, ни конец.

Прерванные фреймы нужно отличать от сложных аспектуальных фреймов, которые объединяют две и более ситуации, образующих единую пропозицию высказываний, в отличие от простых фреймов, отражающих одну ситуацию. Под пропозицией нами понимается ситуация, ставшая предметом речи. Если автор представляет ситуации как разновидности более общей ситуации или как части более широкой ситуации, то они образуют единую пропозицию ряда высказываний. В сложном аспектуальном фрейме выделяются субфреймы, каждый из которых помимо общих координат имеет еще одну-две своих. При прерывании фрейма, пропозиции высказываний могут иметь некоторые совпадающие координаты, но не по большинству признаков.

Для примера рассмотрим начало XX главы второй части третьего тома романа «Война и мир»:

*25-го утром Пьер **выезжал** из Можайска. На спуске с огромной крутой и кривой горы, ведущей из города, мимо **стоящего** на горе направо собора, в котором **шла** служба и **благовестили**, Пьер **вылез** из экипажа и **пошел** пешком (с. 198).*

Здесь два свернутых аспектуальных фрейма. Обстоятельством обоих является самое общее действие **выезжал**. Данный глагол можно понимать одновременно и в более узком смысле, как обозначение движения в экипаже, и в более широком, в значении «отбывал». В силу этого возникает сложный аспектуальный фрейм, объединяющий две ситуации: одна — более широкая, другая — более узкая, являющаяся частью первой. Общие координаты — время, место (из Можайска), самое общее действие и действующее лицо. Частной координатой первого субфрейма является место — спуск с горы.

Начало ситуации, а именно как Пьер погрузился в экипаж и тронулся в путь, не показано, но оно, само собой, предполагается. Первый субфрейм завершается действием **вылез**. Он прерывается свернутым аспектуальным субфреймом, в котором глаголы НВ **шла** (служба) и **благовестили** обозначают обстоятельства отдельной ситуации, частично совпавшей по месту и времени с выездом Пьера из Можайска. Еще одной ее координатой является собор. Хотя писатель не обозначил Пьера как действующее лицо этой ситуации, по контексту понятно, что Пьер слышал благовест и сделал вывод о том, что шла служба. Но все же по отношению к ситуации в соборе он является внешним наблюдателем, а не участником. Поэтому она не включается в первый субфрейм. Ни начало, ни конец ее не указаны, так как этого не требуется для понимания развития сюжета. Упоминание данной ситуации играет фоновую роль.

Глагол **пошел** обозначает начало следующей частной ситуации, также относящейся к выезду в широком смысле слова. Следовательно, глагол **вылез** относится к первому субфрейму, а **пошел** — к третьему субфрейму общего сложного аспектуального фрейма. Далее рассматриваемая глава написана так, что не представляется возможным понять, когда именно закончилась ситуация выезда (в широком смысле слова) Пьера из Можайска. Это читатель волен решать сам, и в соответствии с его мнением будет определяться конечная граница сложного аспектуального фрейма, открытого в начале главы.

II

Итак, категория глагольного вида отражает распределение внимания между фактом и эффектом осуществления действия и служит одним из средств субъективного разграничения образа мира на фрагменты — ситуации. Особо сложно анализировать функционирование этой категории в некоторых художественных произведениях. Выделение ситуаций, а поэтому и организация аспектуальных фреймов, являются наиболее «прозрачными» в книгах для детей и в сказках. Причина этого кроется в необходимости учета особенностей мышления адресата. По мнению психологов, у детей в возрасте от 4 до 11 лет достаточно развито конкретное, наглядное, ситуативное мышление [11, с. 423, 426, 442]. Поэтому в их психической деятельности внешняя мотивация внимания играет относительно более вескую роль, чем у взрослых [3, с. 208; 9, с. 510]. В силу этих психических закономерностей для детей характерно иррациональное, некритичное воображение, создающее вымышленные, но конкретные, ясно очерченные ситуации [11, с. 379, 383]. Это так или иначе находит отражение в произведениях для данной возрастной группы, благодаря чему большинство аспектуальных фреймов в таких текстах представляют собой внешне мотивированные простейшие случаи с точки зрения понимания того, как выделена и структурирована ситуация, в первую очередь с точки зрения выбора координат и определения границ, например:

Пошел Семен-царь войной на индейского царя, думал, как и прежнего, повоевать, да — резала коса, да нарезалась. Не допустил царь индейский Семенова войска до выстрела, а послал своих баб по воздуху на Семеново войско разрывные бомбы кидать. Стали бабы сверху на Семеново войско, как буру на тараканов, бомбы посыпать; разбежалось все войско Семенова, и остался Семен-царь один. Забрал индейский царь Семеново царство, а Семен-воин убежал, куда глаза глядят [14, с. 79].

В данном случае начало ситуации обозначено глаголом СВ **пошел**, конец — **убежал**, координатами служат действующие лица «Семен-царь», «индейский царь», «бабы», и наиболее важное, повторяющееся действие, решившее исход сражения, — **кидать, посыпать**.

Весьма различные основания выделения ситуаций наблюдаются в книгах для взрослых. Их понимание в большой степени связано с осмыслением соотношения многочисленных временных планов, отношений персонажами, с проникновением в их внутренний мир, с осознанием основных идей произведения, что в некоторых случаях требует сложной и не всегда однозначной интерпретации текста. Например, весьма своеобразные критерии распределения внимания между действиями и сопутствующими факторами, отражаемые в том числе выбором глагольных видов, можно обнаружить в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». Они связаны с идеей писателя, которая состоит в следующем:

Для человеческого ума непонятна абсолютная непрерывность движения. Человеку становятся понятны законы какого бы то ни было движения только тогда, когда он рассматривает произвольно взятые единицы это движения. Но вместе с тем из этого-то произвольного деления непрерывного движения на прерывные единицы проистекает большая часть человеческих заблуждений. ...

В отыскании законов исторического движения происходит совершенно то же.

Движение человечества, вытекая из бесчисленного количества людских произволов, совершается непрерывно (с. 276-277).

В данных отрывках представлены два аспектуальных фрейма: в первом и во втором-третьем цитированных абзацах соответственно. Формально все они являются свернутыми, так как не указаны ни начальная, ни конечная границы ситуации, но так как их содержание состоит в выражении вечной истины, чему соответствует в том числе «настоящее вневременное», то эти границы и не предполагаются.

Фактически мыслитель говорит здесь о метафизичности обыденного сознания и вытекающей из этого произвольности деления мира на фрагменты в мышлении одного отдельно взятого индивидуума. Писатель пытается насколько это возможно подняться над ограниченностью человеческого восприятия мира, точнее, над метафизичностью восприятия исторического развития. Л.Н. Толстой считает, что роли так называемых исторических личностей и обычных людей в истории равны, поскольку все подчиняется воле Провидения. Поэтому он выражает скепсис в отношении исторических трудов своей эпохи, основанных в основном на описании деяний исторических личностей:

Действия Наполеона и Александра, от слова которых зависело, казалось, чтобы событие совершилось или не совершилось — были так же мало произвольны, как и действие каждого солдата, шедшего в поход по жребию или по набору. Это не могло быть иначе потому, что для того, чтобы воля Наполеона и Александра (тех людей, от которых, казалось, зависело событие) была исполнена, необходимо было совпадение бесчисленных обстоятельств, без одного из которых событие не могло бы совершиться. Необходимо было, чтобы миллионы людей, в руках которых была действительная сила, солдаты, которые стреляли, везли провиант и пушки, надо было, чтобы они согласились исполнить эту волю единичных и слабых людей и были приведены к этому бесчисленным количеством сложных, разнообразных причин (с. 10).

Все глаголы и причастия в данном абзаце образуют единый свернутый аспектуальный фрейм, в котором ни начало, ни конец общиной ситуации не отмечены. Ее координатами являются означаемые всех одушевленных существительных. В нем все действия могли бы быть обозначены словами несовершенного вида, например: *чтобы событие совершалось или не совершалось; чтобы воля Наполеона и Александра исполнялась; были приводимы к этому* и т.д. Такие отношения внутри аспектуального фрейма являются разновидностью так называемой конкуренции видов, при которой выбор глагольного вида в контексте напрямую предопределен вниманием, уделяемым автором совершению или совершенности действия, независимо от лексической сочетаемости глагола в контексте, последовательности действий (таксиса), их завершенности / незавершенности в обрисованной ситуации и пр. Сделанный Л.Н. Толстым выбор видов выражает придание каждому действию либо статуса типичного признака данной ситуации, тесно связанного с координатой, либо варьируемого признака, представляющего собой ряд необходимых изменений в ней. Соответственно типичные признаки выражены словами НВ, а варьируемые — СВ.

Необходимо пояснить особенности употребления кратких страдательных причастий в составном сказуемом, так как обычно возникает видимость противоречия между несовершенным видом глагольной связки и совершенным видом причастия. Эта видимость устраняется, если рассмотреть то, что каждая часть сказуемого вносит в его грамматическое значение. Согласно весьма обоснованному мнению А.А. Шахматова [17, с. 489], связка в прошедшем или в будущем времени вносит в значение сказуемого грамматику этих времен

соответственно, в то время как нулевая связка в сочетании с кратким страдательным причастием вносит граммему перфекта (прошедшего в настоящем), подчеркивая, что эффект, произведенный действием, сохранился к моменту речи или иному моменту, указанному в ней, ср.: *солдаты **были** приведены / **приведены** / **будут** приведены*. Связка в таких сказуемых бывает только НВ, так что вопрос о выборе вида в ней не ставится. Граммема вида вносится в значение сказуемого только причастием, ср.: *Письмо **было** писано / **написано** 19 июля; Письмо **писано** / **написано** 19 июля; Письмо **будет** писано / **написано** 19 июля*. В настоящую эпоху краткие страдательные причастия НВ в основном считаются устаревшими, но в XIX в. они еще достаточно широко применялись в письменной речи.

Ведомый своими идеями, Л. Н. Толстой изображает связанные друг с другом деяния разных исторических личностей походя, перечисляя их наряду с поступками «обычных людей» так, что все вместе эти действия как бы образуют одну широкую ситуацию. Вот, например, начало главы I второй части третьего тома:

*Наполеон **начал** войну с Россией потому, что он **не мог не приехать** в Дрезден, **не мог не отуманиться** почестями, **не мог не надеть** польского мундира, **не поддаваться** предприимчивому впечатлению июньского утра, **не мог воздержаться** от вспышки гнева в присутствии Куракина и потом Балашева.*

*Александр **отказывался** от всех переговоров потому, что он лично **чувствовал** себя оскорбленным. Барклай де Толли **старался** наилучшим образом **управлять** армией для того, чтобы **исполнить** свой долг и **заслужить** славу великого полководца. Ростов **поскакал** в атаку на французов **потому**, что он **не мог удержаться** от желания **проскакаться** по ровному полю. И так точно, вследствие своих личных свойств, привычек, условий и целей, **действовали** все те неперечислимые лица, участники этой войны. Они **боялись**, **тщеславились**, **радовались**, **негодовали**, **рассуждали**, **полагая**, что они **знают** то, что они **делают**, и что **делают** для себя, а все **были** произвольными орудиями истории и **производили** скрытую от них, но понятную для вас работу. Такова неизменная судьба всех практических деятелей, и тем не свободнее, чем выше они **стоят** в людской иерархии.*

*Теперь деятели 1812 года давно **сошли** со своих мест, их личные интересы **исчезли** бесследно, и одни исторические результаты того времени перед нами.*

*Провидение **заставляло** всех этих людей, **стремясь** к достижению своих личных целей, **содействовать** исполнению одного огромного результата, о котором ни один человек (ни Наполеон, ни Александр, ни еще менее кто-либо из участников войны) **не имел** ни малейшего чаяния (с. 106-107).*

Все ситуации, представлены в данном отрывке в такой тесной связи, что создают единую пропозицию развернутого сложного аспектуального фрейма, кроме той, которая отнесена писателем к актуальному для него настоящему времени: *Теперь... и одни исторические результаты того времени перед нами*. Ей соответствует отдельный аспектуальный фрейм, прерывающий вышеупомянутый сложный фрейм, общей координатой которого является 1812 год. Впрочем, идиостилистические особенности этого предложения столь своеобразны, что ниже понадобится вернуться к его рассмотрению.

Сложный аспектуальный фрейм делится на субфреймы, частными координатами которых являются действующие лица. Первый, развернутый, субфрейм охватывает действия Наполеона. Он содержит единое обстоятельство, выраженное повторяющимся глаголом НВ

не мог, при котором употребляются глаголы СВ в неопределенной форме, выражающие череду изменений, приведшую к началу войны.

Все вместе эти глаголы образуют фигуру, создающую впечатление фактического безволия Наполеона при осуществлении им тех или иных действий, которые он производил как бы непреднамеренно, в силу причин, возникающих не по его плану. Первым действием в этом ряду является приезд в Дрезден. Это же и начало всего обширного периода истории, представленного как сложная глобальная ситуация. Самое последнее действие первой частной, начальной, ситуации выражено первым глаголом субфрейма — **начал**. Это единственное простое глагольное сказуемое в этом субфрейме. Но безволие Наполеона распространяется и на данное действие, т.к. оно представлено писателем как следствие всех ранее совершенных поступков.

Глагол НВ в этом предложении находится в конкуренции со словом **смог**, так как нет никаких грамматических или сочетаемостных ограничений для их взаимозамены. Но она привела бы к тому, что вместо единого обстоятельства, отражающего идею о том, что сама воля человека направляется Провидением, возникла бы череда случаев, в которых персонаж не сумел преодолеть свои желанья, хотя и хотел этого, т.е. возникло бы представление о ряде предполагаемых, но не состоявшихся изменений.

Второй, свернутый, субфрейм рассматриваемого аспектуального фрейма относится к ситуации, координатой которого является Александр I. В этом субфрейме только два глагола, оба НВ. Они представляют действия как основные обстоятельства ситуации. Оба глагола находятся в состоянии видовой конкуренции: каждый из них мог бы быть заменен СВ. Если бы они оба были такого вида, то тогда действия Александра выглядели бы как частные изменения в ситуации, созданной Наполеоном. Если бы был использован только глагол СВ **отказался**, то это бы означало окончание ситуации, обстоятельство которой выражает НВ **чувствовал**, что не соответствовало бы действительности. Мог бы быть использован СВ **почувствовал**, обозначивший бы начало ситуации, основное обстоятельство которой выражал бы НВ **отказывался**. Но с точки зрения Л.Н. Толстого именно обида была тем важным чувством, которое побуждало Александра I к его отказу от переговоров: он, подобно Наполеону, оказался в плену причин, возникших помимо его воли.

Третий, свернутый, субфрейм отражает причинно-следственные связи между действиями Барклая. Глаголы СВ **исполнить** и **заслужить**, использованные в целевом придаточном предложении, обозначают причины длительных действий, обозначенных глаголами НВ **старался управлять**. Два первых глагола, не будь они в целевом придаточном, могли бы выразить следствия действий, обозначенных НВ. В имеющемся же контексте об исходе ситуации ничего не сказано, поэтому читатель волен сам домыслить ее, опираясь на другие места романа и на известные ему исторические факты.

Четвертый, развернутый, субфрейм, относится к действиям Ростова. Обстоятельством его является безвольное состояние Ростова, выраженное глаголом **не мог**. Здесь опять наблюдается конкуренция видов. Выбор НВ подчеркивает важность данного обстоятельства для этой ситуации, а примыкающий к личной форме инфинитив СВ **удержаться** обозначает то, что не совершилось в данной ситуации, из-за чего она стала изменяться непредполагаемым образом. Начало это частной ситуации обозначено глаголом СВ начинательного способа действия **поскакал**, а окончание — глагол СВ длительно-

ограничительного способа действия **проскакаться**, который показывает действие совершенным от начала до конца. Намного подробнее это событие показано в главе XV предыдущей части романа, где, впрочем, ничего не сказано ни о том, что поле было ровным, ни о желании Ростова «проскакаться». Но творец художественного произведения волен разворачивать его содержание соответственно своему замыслу. И у читателя, и у исследователя остается право толкования смысла.

Далее границы ситуации расширяются и координатой становятся все, «неперечислимые», участники войны. Их так же неисчислимы действия, обобщенные глаголами НВ, становятся обстоятельствами данной ситуации, границы которой и определены словом «война». Несмотря на это, пятый субфрейм нужно считать свернутым, так как об окончании войны известно из других источников, а в рассматриваемом сложном аспектуальном фрейме соответствующий слот ничем не заполнен.

Шестой субфрейм выражает выход на еще более широкое обобщение, координатой которого являются политические деятели всех эпох: прошлых, настоящих и будущих. Описанная мыслителем закономерность их судеб мыслится как вечная, поэтому используется настоящее вневременное, которое выражают и нулевые связки, и глагол НВ **стоят**. Все они передают вечные или вечно повторяющиеся обстоятельства данного нескончаемого положения дел. Так как временные границы для него не предполагаются, субфрейм можно считать развернутым.

Седьмой субфрейм начинается глаголами СВ **сошли, исчезли**, выражающими окончание всей вышеописанной глобальной ситуации. Он прерывается другим, вышерассмотренным, аспектуальным фреймом, координатой которого является актуальное для Л.Н. Толстого настоящее время, выраженное наречием *теперь* и нулевой связкой. Интересна идиостилистическая особенность данного предложения: соположение наречий *теперь* и *давно* в одной части сложного предложения. По общим синтаксическим нормам следовало бы выделить придаточную часть:

Теперь, когда деятели 1812 года давно сошли с своих мест, их личные интересы исчезли бесследно, и одни исторические результаты того времени перед нами.

Такая структура предложения подчеркнула бы разделение прошлой и последующей ситуаций и соответственно выражающих их аспектуальных фреймов. Соположение же этих наречий в одном предложении сближает временные координаты этих ситуаций и в большей мере соответствует представлениям мыслителя о непрерывности исторического процесса. Тем не менее, аспектуальный фрейм, координатой которого является актуальное настоящее, не объединяется со сложным фреймом 1812 г., а прерывает его седьмой субфрейм.

Этот субфрейм возобновляется в следующем абзаце. Его особой координатой является действующее лицо «Провидение» наряду с историческими деятелями и со временем Отечественной войны. Начало и окончание ситуации, к которой относится последний субфрейм, совпадают с началом и окончанием широкой ситуации всего сложного аспектуального фрейма. Все отраженные в нем действия Провидения и людей представлены как обстоятельства, повторявшиеся несчетное число раз, и обозначены глаголами НВ. Ими оканчивается рассмотренный сложный аспектуальный фрейм.

III

Прямое выражение писателем своих взглядов составляет идейную, но не сюжетную

основу произведения. Главное место в романе «Война и мир» занимает сообщение о реальных или вымышленных событиях, как бы увиденных глазами того или иного персонажа. Очередной персонаж становится общей координатой для более или менее длительного контекста, в котором упоминается большое количество увиденных этим персонажем лиц. Причем действия большинства из них независимо от роли действующего лица представлены как обстоятельства ситуации, то есть хотя бы одно их действие обозначается глаголом НВ, из-за чего динамика изображения существенно понижается: автор как бы постоянно останавливается, чтобы рассмотреть детали.

В силу этого все действующие лица становятся координатами контекста, что создает неопределенность разделения событий по ситуациям, требует активизации воображения читателя. Но она затруднена тем, что многие из действующих лиц появляются непредсказуемо и вновь исчезают, становясь координатами как бы на мгновение, поэтому читателю нелегко представить себе их действия в развитии, но с другой стороны, этого от него вроде бы и не требуется. Возникает парадокс: при, казалось бы, подробнейшем и даже несколько замедленном развертывании фрейма, при наличии огромного количества координат, подчеркнутых глаголами НВ, аспектуальный фрейм не только не приближается к тому, чтобы его можно было считать максимально развернутым, но, напротив, распадается на множество прерывающих друг с друга свернутых «субфреймов». Причем эти «субфреймы» свернуты отнюдь не предельно, напротив, многие из них объединяют достаточно длинный ряд действий, но границы этого ряда как бы выходят за пределы поля зрения. Иногда писатель прослеживает предшествующее или последующее развитие того или иного «субфрейма», что делает общий аспектуальный фрейм сложным, но лишь формально, так как он объединяет две по существу разные ситуации, связанные чисто внешним поводом. Каждый «субфрейм» имеет хотя бы одну свою частную координату и объединен с другими единственной общей координатой — персонажем, который становится наблюдателем всего этого множества событий.

Эти особенности аспектуальных фреймов в изображении Бородинской битвы в романе «Война и мир» ясно ощущаются в сравнении с изложением тех же событий с точки зрения простого солдата в эпической поэме М.Ю. Лермонтова «Бородино»⁵, в которой глаголы СВ передают стремительность событий [4, с. 76], ср.:

Земля *тряслась* — как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Сцена побоища, переданная в речи солдата одним предложением, преимущественно с глаголами совершенного вида, в романе представлена с точки зрения Наполеона так (выделены только те глаголы, которые относятся к предложениям, описывающим побоище,

⁵ Автор статьи отдает себе отчет в жанровых различиях, которыми определяется пространственность прозаического эпоса и сжатость содержания поэтической лирики, но они не препятствуют тому, чтобы рассмотреть также и различия между возникающими в итоге создания произведений отношениями языковых единиц внутри них, в частности выбор глаголов НВ и СВ.

то есть то, что Наполеон видел и слышал, а не его действия):

*Он сел верхом и поехал к Семеновскому. В медленно **расходившемся** пороховом дыме по всему тому пространству, по которому ехал Наполеон, — в лужах крови **лежали** лошади и люди, поодиночке и кучами. Подобного ужаса, такого количества убитых на таком малом пространстве никогда не видели еще и Наполеон и никто из его генералов. Гул орудий, не **перестававший** десять часов сряду и **измучивший** ухо, **придавал** особенную значительность зрелищу (как музыка при живых картинах). Наполеон выехал на высоту Семеновского и сквозь дым увидел ряды людей в мундирах цветов, непривычных для его глаза. Это **были** русские (с. 256).*

Против трех глаголов у М.Ю. Лермонтова, один из которых НВ, а два — СВ, у Л.Н. Толстого пять глаголов, четыре из которых — НВ. В силу такого соотношения видов изображение одних и тех же вышеуказанных фактов в стихотворении оказывается более динамичным, чем в романе. В тех немногочисленных случаях, в которых Л.Н. Толстой передает свое видение событий непосредственно, он иногда выражает его так же динамично, как М.Ю. Лермонтов, ср.:

Ну ж **был** денек! Сквозь дым летучий
Французы **двинулись** как тучи
И все на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все **промелькнули** перед нами,
Все **побывали** тут.

Такое же динамичное изображение сделано и в первом абзаце нижеследующего примера.

*На поле между Бородиным и флешами, у леса, на открытом и видимом с обеих сторон протяжении, **произошло** главное действие сражения, самым простым, бесхитростным образом. Сражение **началось** канонадой с обеих сторон из нескольких сотен орудий. Потом, когда дым **застлал** все поле, в этом дыму **двинулись** (со стороны французов) справа две дивизии Дессе и Компана, на флешу, и слева полки вице-короля на Бородино.*

*От Шевардинского редута, на котором **стоял** Наполеон, флешу **находились** на расстоянии версты, а Бородино более чем в двух верстах расстояния по прямой линии, и поэтому Наполеон **не мог видеть** того, что **происходило** там, тем более что дым, **сливаясь** с туманом, **скрывал** всю местность. Солдаты дивизии Дессе, **направленные** на флешу, **были видны** только до тех пор, пока они **не спустились** под овраг, **отделявший** их от флеш. Как скоро они **спустились** в овраг, дым выстрелов орудийных и ружейных на флешах **стал** так густ, что **застлал** весь подъем той стороны оврага. Сквозь дым **мелькало** там что-то черное — вероятно, люди, и иногда блеск штыков. Но **двигались** ли они, или **стояли**, **были** ли это французы, или русские, нельзя **было видеть** с Шевардинского редута (с. 248-249).*

В данном примере чередуются два плана изображения битвы, один из которых дан как бы через подзорную трубу Наполеона, другой — глазами самого писателя, причем их точки обзора не совпадают. Все действия, которые видел император французов обозначены глаголами НВ, а прочие — глаголами СВ, за исключением задымления, распространение которого он видел, но которое тем не менее обозначено глаголами СВ. В силу такого выбора

видов глагола получается, что все изменения на поле брани, т.е. собственно ход битвы, изображены в видении писателя, в то время как Наполеону на деле остаются зримы лишь его собственное, не выгодное для обзора, положение да дым. Тем не менее, именно то, что он видел, представлено как обстоятельство ситуации, что подчеркивает неизменность его собственного неопределенного состояния.

В стихотворении нанизывание глаголов НВ встречается один раз, и именно этим ясно выделена центральная часть изображения битвы:

Вам *не видать* таких сражений!
Носились знамена как тени,
В дыму огонь *блестел*,
Звучал булат, картечь *визжала*:
Рука бойцов колоть *устала*,
И ядрам *пролетать мешала*
Гора кровавых тел.

В романе нанизывание НВ наблюдается не только в историко-философских размышлениях и в батальных сценах. Вот, например, изображение молящейся девушки: «*О мире ангелов и души всех бестелесных существ, которые живут над нами*» — *молилась Наташа. Когда молились за воинство, она вспоминала брата и Денисова. Когда молились за плавающих и путешествующих, она вспомнила князя Андрея и молилась за него, и молилась за то, чтобы Бог простил ей то зло, которое она ему сделала. Когда она молилась за любящих нас, она молилась о своих домашних, об отце и матери, Соне, в первый раз теперь понимая всю свою вину перед ними и чувствуя всю силу своей любви к ним* (с. 81).

Координатами аспектуального фрейма молитвы являются Наташа и наиболее важное действие, выраженное многократно повторенным глаголом НВ *молилась, молились*. Автор не делит ход молитвы на части использованием СВ, вроде *сначала помолилась, когда стала молиться и т.п.*, благодаря чему молитва предстает как единый поток мыслей и слов. Единственный глагол СВ в этом аспектуальном фрейме — *вспомнила*. Немногим далее фрейм молитвы прерывается аспектуальным фреймом, с двумя глаголами СВ, обозначающими причину возникновения прошлой ситуации и ее желаемый исход: *сделала, простил*. Координаты этого фрейма — Бог и Наташа.

Причастия *плавающих* и *путешествующих*, из Великой Ектении, не образуют отдельного аспектуального фрейма, т.к. подвергаются синтаксической субстантивации, что не отрицает вербализацию двух лексических фреймов, соответствующих значениям «плавать» и «путешествовать». Но обстоятельствами ситуации моления указанные действия не становятся, а причастия обозначают лиц, ставших предметом молитвы. Если бы было использовано сочетание *всех плавающих и путешествующих*, то субстантивации не было бы, а возникли бы два предельно свернутых аспектуальных фрейма действий «плавать» и «путешествовать», которые прервали бы фрейм молитвы, так как не выделено единой координаты, позволившей бы представить эти действия и молитву как обстоятельства одной ситуации. Такой координатой могло бы стать общее для всех действий время их совершения, но оно не обозначено (напр.: *о плавающих и путешествующих в это время*), а лишь подразумевается.

В отличие от романа Л.Н. Толстого в стихотворении А.А. Блока используются причастия СВ:

Девушка **пела** в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, **ушедших** в море,
О всех, **забывших** радость свою.

Здесь возникает единый аспектуальный фрейм ситуации, координатами которых становятся девушка и ее действие, выраженное глаголом НВ **пела**, а причастия СВ обозначают изменения, ранее произошедшие с упомянутыми субъектами и объектами и послужившие причиной того, что они стали предметом пения. Такая тесная «замкнутость содержания» характерна для стихотворного жанра стансов, к которому относится произведение А.А. Блока [12, с. 282, 289]. В романе подобные действия, по сути, тоже являются причиной упоминания плавающих и путешествующих в молитве. Но это становится понятно в основном благодаря аллюзии с Великой Ектенией, а субстантивированные причастия НВ сами по себе обозначают лишь подвижные признаки лиц, отнесенные ко времени молитвы.

В произведении Л.Н. Толстого «Война и мир» глаголы НВ нанизываются столь часто, что не выделяют центр создаваемого им изображения, а, напротив, делают это изображение ацентричным, а поэтому неделимым на фрагменты, которые с большей или меньшей степенью уверенности можно было бы посчитать выражением разных, ясно разграниченных ситуаций. Скорее эти фрагменты можно считать частями потока сознания, отражающего некоторую непрерывную последовательность действий, большинство из которых равноценны друг другу по своей значимости.

IV

В некоторых случаях ирреального представления действия, если таковое является целью побуждения, или отрицается или ставится под вопрос, различие обстоятельств и изменений в ситуации при свернутых фреймах становится невозможным. Это бывает в повелительном наклонении, условном наклонении, в сочетаниях глагола с частицей *бы*, с союзами, включающими *бы*, например *что бы*, с союзом *чтобы*, при употреблении неопределенной формы глагола в составе сказуемого и в качестве иного члена предложения, в вопросительных предложениях, где вопрос ставится именно в отношении действия.

При освещении ситуации, достаточно подробном для того, чтобы действия вписались в аспектуальный фрейм, они могут быть представлены как обстоятельство или изменение, например:

«Ох, как тяжело! Ох, хоть бы поскорее, поскорее кончились эти труды, и вы бы отпустили меня!» (с. 117). *«Ах, скорее, скорее вернуться к тому времени, и чтобы теперешнее все кончилось поскорее, поскорее, чтобы оставили они меня в покое!»* (с. 118).

Эти две, взятые Л.Н. Толстым в кавычки, цитаты передают мысль старого князя Болконского. Их координатами является актуальное для него настоящее время, выраженное нулевой связкой в первом предложении, сам князь, на которого указывает местоимение *меня*, и некие другие лица, обозначенные местоимениями *вы*, *они*. Все глаголы в этом аспектуальном фрейме совершенного вида и обозначают в совокупности желаемое князем окончание переживаемой им ситуации.

Если контекст недостаточен для формирования аспектуального фрейма, относящегося к описываемой ситуации, то в указанных выше случаях, кроме случаев утвердительного побуждения, глаголы СВ выражают высокую степень ожидаемости ирреально представленного действия, а глаголы НВ являются немаркированными членами оппозиции, оставаясь безотносительными к какой-либо ожидаемости. Например:

*Слух носится, что вы думаете о мире. Чтобы **помириться**, боже сохрани! После всех пожертвований и после таких сумасбродных отступлений — **мириться**: вы поставите всю Россию против себя, и всякий из нас за стыд поставит носить мундир. Ежели уже так пошло — надо **драться**, пока Россия может и пока люди на ногах...* (с. 133)

Неопределенная форма СВ **помириться** не включается в аспектуальный фрейм распространения слухов, выражает побуждение не совершать действие и близка по смыслу к повелительному наклонению при отрицании: (*смотрите*) **не помиритесь**. Так как Багратион (а это выдержка из его письма Аракчееву) верит слухам о попытках заключить мир, совершение нежелательного для него действия представляется ему весьма возможным. Использование СВ при побуждении с отрицанием обычно выражает опасение, что нежелательное действие будет совершено, ср., напр.: **Не поскользнься!** Так и в последнем цитированном предложении выбор СВ с отрицанием выражает опасения Багратиона, что перемирие будет заключено.

В отличие от этого глагол НВ **мириться** не выражает ни побуждения к воздержанию от действия, ни ожидаемости последнего. Этот глагол отражает обстоятельство возможной, по мнению автора, ситуации, координатами которой являются адресат и некая совокупность действующих лиц, обозначенная местоимением *мы* в расширительном эксклюзивном значении. Образуется свернутый аспектуальный фрейм гипотетической ситуации, к которой относятся и возможные изменения, обозначенные дважды употребленным глаголом СВ **поставить**.

Сказуемое *надо **драться*** выражает побуждение к совершению действия, представленного в виде ирреального обстоятельства реальной ситуации, начало которой передано глаголом **пошло**, а координатами являются текущее время пишущего, адресат и действующие субъекты *Россия* и *люди*. Реальные обстоятельства этой ситуации: *может* и (*суть*) *на ногах*.

Итак, если глагол, который выражает побуждение к действию, не вписан в аспектуальный фрейм, достаточно развернутый для различения обстоятельств и изменений ситуации, то НВ выражает ожидаемость совершения действия, а СВ остается немаркированным членом оппозиции. Такая мена значениями обусловлена основным назначением глагольных видов: несовершенный вид передает более устойчивое видение подвижного признака, чем совершенный. Соответственно, если побуждающий ожидает, что желаемое им действие будет произведено, то возникает более устойчивое представление этого действия. Например: далее выражена ожидаемость действия, обозначенного глаголом **ступай**:

Отдача приказаний Алпатычу продолжалась более двух часов. Князь все не отпускал его. Он сел, задумался и, закрыв глаза, задремал. Алпатыч пошевелился.

— *Ну, **ступай, ступай**. Если что нужно, я пришлю* (С. 116).

Алпатыч позволил себе выразить нетерпение, из чего понятно, что он с готовностью выполнит разрешение уйти. Именно это понимание и выражает выбор глагола НВ **ступай**.

В остальных случаях, когда есть причина сомневаться в совершении действия или же оно

вообще отрицается, возникают противоположные отношения: чем более такое действие ожидалось, тем менее устойчивым становится видение подвижного признака.

В следующем примере не выражено особой ожидаемости действия:

— *Получил от князя Андрея нынче, — сказал он княжне Марье. — Не читала?*

...

— *Ах, очень интересно!* — сказала *m-lle Bourienne*.

— **Пойдите принесите мне,** — обратился старый князь к *m-lle Bourienne*. — *Вы знаете, на маленьком столе под пресс-папье. (С. 113).*

В другом примере ожидаемость действия выражают глагол СВ **послушали**:

— *Я говорил и говорил в Дворянском собрании, перебил князь Василий, — но меня не послушали (с. 136).*

Несмотря на сложность разделения действий по ситуациям в повествовательной ткани произведения Л.Н. Толстого, каждое действие при столь подробном освещении положения дел, какое в ней представлено, вполне квалифицируемо по признакам «обстоятельство» / «изменение». Поэтому в третьем томе романа «Война и мир» глагольные виды выражают значение ожидаемости действия лишь в прямой, косвенной, несобственно-прямой речи персонажей.

Таковы особенности использования глагольного вида в романе Л.Н. Толстого «Война и мир».

В заключение можно сделать следующие выводы. Основное назначение грамматической категории глагольного вида состоит в выражении большей или меньшей устойчивости видения подвижного признака, обозначаемого глаголом. Эта категория сама по себе не является средством выражения идейной позиции писателя. Но в значении «обстоятельство» / «изменение» ситуации глаголы НВ и СВ используются для выделения в непрерывно меняющемся мире фрагментов-ситуаций. То, как писатель производит их выделение, может существенно способствовать созданию образа мира, соответствующего его взглядам. Своеобразное использование Л.Н. Толстым глаголов несовершенного вида в романе «Война и мир» при изображении исторических событий не создает четко разграниченных ситуаций, что соответствует его видению исторического процесса как непрерывного потока событий, направляемого Провидением. Что касается второго значения рассматриваемой категории — ожидаемости совершения ирреального действия — то оно актуализируется лишь в речи персонажей, поэтому не имеет сколько-нибудь заметного отношения к выражению взглядов Л.Н. Толстого на исторический процесс.

Литература

1. *Беляевская Е.Г.* Фрейм, концепт, концептуальная метафора — синонимы? (О соотношении и взаимодействии методов когнитивной лингвистики) // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 22 (733). С. 9-20.
2. *Беляевская Е.Г.* Фреймы «действия» и «деятельности» как основание классификации лексических единиц // Вестник МГЛУ. 2013. Вып. 20 (680). С. 18-28.
3. *Выготский Л.С.* Проблемы развития психики. Т. 3 // Собрание сочинений в 6 томах / под

ред. А.М. Матюшкина. 1983. М.: Педагогика. 368 с.

4. Карпенко Л.Б. Поэма-диалог М.Ю. Лермонтова «Бородино» как художественный и речевой жанр // Вестник Самарского ун-та: История, педагогика, филология. 2015. № 4. С. 73-78.
5. Ленин В.И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: изд-е 5-е. 1969. М.: Изд-во политической литературы. Т. 29. С. 219-278.
6. Минский М. Остроумие и логика бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23. М.: Прогресс. С. 281-309.
7. Мандрикова Г.Г., Морковкин В.В. Таронимия: понятие и типологическое разнообразие // Русский язык за рубежом. 2010. № 5. С. 42-48.
8. Морозов В.Э. Глагольный вид в русском языке и в русской речи. 2000. М.: Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина. 196 с.
9. Морозов В.Э. Грамматическая категория вида русского глагола и ее функционирование в коммуникативном акте: дисс. ... докт. филол. наук. 2003. М. 1451 с.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 13-е изд., испр. 1981. М.: Рус. яз. 816 с.
11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. 2-е изд. 2002. СПб.: Изд-во Питер. 720 с.
12. Спиридонова И.А. Молитва в лирике А. Блока («Девушка пела в церковном хоре») // Проблемы исторической поэтики. 2013. Вып. 11. С. 280-296.
13. Толстой Л.Н. Война и мир: том третий // Лев Толстой. Собр. соч.: в 12 т. 1958. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры. Т. 6. 390 с.
14. Толстой Л.Н. Сказка об Иване-дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане, и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах // Лев Толстой. Собр. соч.: в 12 т. 1958. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры. Т. 10. С. 63-87.
15. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. 1981. М.: Прогресс. Вып. 10. С. 369-495.
16. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. М.: Прогресс. Вып. 23. С. 52-92.
17. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / под ред. Е.С. Истриной. 2-е изд. 1941. Л.: Гос. учебно-пед. изд-во Наркомпроса. 620 с.
18. Энгельс Ф. Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: 2-е изд. 1961. М.: Гос. изд-во политической литературы. Т. 20. С. 514-534.

References

1. Belyaevskaya E.G. Freim, kontsept, kontseptual'naya metafora — sinonimy? (O sootnoshenii i vzaimodeistvii metodov kognitivnoi lingvistiki) // Vestnik MGLU. 2015. Vyp. 22 (733), pp. 9-20 (In Russ.).
2. Belyaevskaya E.G. Freimy «deistviya» i «deyatelnosti» kak osnovanie klassifikatsii leksicheskikh edinits // Vestnik MGLU. 2013. Vyp. 20 (680), pp. 18-28 (In Russ.).
3. Vygotskii L.S. Problemy razvitiya psikhiki. T. 3 // Sbranie sochinenii v 6 tomakh / pod red. A.M. Matyushkina. 1983. Moscow: Pedagogika. 368 p. (In Russ.).
4. Karpenko L.B. Poema-dialog M.Yu. Lermontova «Borodino» kak khudozhestvennyi i rechevoi zhanr // Vestnik Samarskogo un-ta: Istoriya, pedagogika, filologiya. 2015. № 4, pp. 73-78 (In Russ.).

5. Lenin V.I. Konspekt knigi Gegelya «Lektsii po istorii filosofii» // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii: izd-e 5-e. 1969. Moscow: Publ. politicheskoi literatury. T. 29, pp. 219-278 (In Russ.).
6. Minskii M. Ostroumie i logika bessoznatel'nogo // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. 1988. Vyp. 23. Moscow: Progress, pp. 281-309 (In Russ.).
7. Mandrikova G.G., Morkovkin V.V. Taronimiya: ponyatie i tipologicheskoe raznoobrazie // Russkii yazyk za rubezhom. 2010. № 5, pp. 42-48 (In Russ.).
8. Morozov V.E. Glagol'nyi vid v russkom yazyke i v russkoi rechi. 2000. Moscow: Gos. in-t russkogo yazyka im. A.S. Pushkina. 196 p. (In Russ.).
9. Morozov V.E. Grammaticheskaya kategoriya vida russkogo glagola i ee funktsionirovanie v kommunikativnom akte: diss. ... dokt. filol. nauk. 2003. Moscow. 1451 p. (In Russ.).
10. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka: ok. 57000 slov / pod red. N.Yu. Shvedovoi. 13-e izd., ispr. 1981. Moscow: Rus. yaz. 816 p. (In Russ.).
11. Rubinshtein S.L. Osnovy obshchei psikhologii. 2-e izd. 2002. Saint Petersburg: Publ. Piter. 720 p. (In Russ.).
12. Spiridonova I.A. Molitva v lirike A. Bloka («Devushka pela v tserkovnom khore») // Problemy istoricheskoi poetiki. 2013. Vyp. 11, pp. 280-296 (In Russ.).
13. Tolstoy L.N. Voyna i mir: tom tretii // Lev Tolstoy. Sobr. soch.: v 12 t. 1958. Moscow: Gos. izd-vo khud. lit-ry. T. 6. 390 p. (In Russ.).
14. Tolstoy L.N. Skazka ob Ivane-durake i ego dvukh brat'yakh: Semene-voine i Tarase-bryukhane, i nemoi sestre Malan'e, i o starom d'yavole i trekh cherten'yatakh // Lev Tolstoy. Sobr. soch.: v 12 t. 1958. M.: Gos. izd-vo khud. lit-ry. T. 10, pp. 63-87 (In Russ.).
15. Fillmor Ch. Delo o padezhe // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. 1981. Moscow: Progress. Vyp. 10, pp. 369-495 (In Russ.).
16. Fillmor Ch. Freimy i semantika ponimaniya // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. 1988. Moscow: Progress. Vyp. 23, pp. 52-92 (In Russ.).
17. Shakhmatov A.A. Sintaksis russkogo yazyka / pod red. E.S. Istrinoy. 2-e izd. 1941. Leningrad: Gos. uchebno-ped. izd-vo Narkomprosa. 620 p. (In Russ.).
18. Engel's F. Iz podgotovitel'nykh rabot k «Anti-Dyuringu» // Marks K., Engel's F. Sochineniya: 2-e izd. 1961. Moscow: Gos. izd-vo politicheskoi literatury. T. 20, pp. 514-534 (In Russ.).

Информация об авторах

Морозов Валерий Эдгартович, доктор филологических наук, профессор кафедры общей и славянской филологии, Институт славянской культуры, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4148-5919>, e-mail: cooper-morozov@yandex.ru

Information about the authors

Valery E. Morozov, Doctor in Philology, Professor, Department of General and Slavic Philology, Institute of Slavic Culture, A.N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4148-5919>, e-mail: cooper-morozov@yandex.ru

Получена 01.12.2023

Принята в печать 15.12.2023

Received 01.12.2023

Accepted 15.12.2023

Воин победы — Дмитрий Боброк. К интерпретации исторического образа

Бруз В.В.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7014-5251>, e-mail: vvb54@yandex.ru

Вититнев С.Ф.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6462-8775>, e-mail: svititnev@yandex.ru

Шмелева А.В.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6105-9407>, e-mail: lug-anna@yandex.ru

Имя Дмитрия Боброка стоит в одном ряду с его великим современником, которому на протяжении всей своей жизни служил, — Великим князем Дмитрием Донским, на Поместном соборе 1988 года причисленным к лику святых. Дмитрий Боброк явил собой образец подлинного служения национальным интересам, выразителем которых был московский князь. Его преданность и верность доставили ему непреходящую воинскую славу. Не имевший поражений в военных сражениях, Дмитрий Боброк стал символом победы для своих современников. Его образ имеет такой интерес для исследования, как образ воина-христианина в житийной литературе. На основании цикла повестей о Куликовской битве утверждается, что победа в этой битве после победы Пересвета во многом была определена действиями Дмитрия Боброка, воеводы засадного полка, которым руководил князь Владимир Серпуховской.

Ключевые слова: Дмитрий Боброк, Куликовская битва, исторический образ, засадный полк, военная наука, мировоззрение, служение, подвиг.

Для цитаты: Бруз В.В., Вититнев С.Ф., Шмелева А.В. Воин победы — Дмитрий Боброк. К интерпретации исторического образа [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 4. С. 61–67. DOI:10.17759/langt.2023100405

The Warrior of Victory — Dmitry Bobrok. To the Interpretation of the Historical Image

Vladimir V. Bruz

State University of Enlightenment, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7014-5251>, e-mail: vvb54@yandex.ru

Бруз В.В., Вититнев С.Ф., Шмелева А.В.
Воин победы — Дмитрий Боброк. К интерпретации
исторического образа
Язык и текст. 2023. Том 10. № 4. С. 61–67.

Bruz V.V., Vititnev S.F., Shmeleva A.V.
The Warrior of Victory — Dmitry Bobrok. To the
Interpretation of the Historical Image
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 4, pp. 61–67.

Sergey F. Vititnev

State University of Enlightenment, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6462-8775>, e-mail: svititnev@yandex.ru

Anna V. Shmeleva.

State University of Enlightenment, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6105-9407>, e-mail: lug-anna@yandex.ru

Dmitry Bobrok's name stands on a par with his great contemporary, whom he served throughout his life — Grand Duke Dmitry Donskoy, who was canonized at the Local Cathedral in 1988. Dmitry Bobrok was an example of genuine service to national interests, the expression of which was the Prince of Moscow. His devotion and loyalty brought him lasting military glory. Having no defeats in military battles, Dmitry Bobrok became a symbol of victory for his contemporaries. His image is of such interest for research as the image of a Christian warrior in hagiographic literature. Based on the cycle of stories about the Battle of Kulikovo, it is argued that the victory in this battle after the victory of Peresvet was largely determined by the actions of Dmitry Bobrok, the commander of the ambush regiment, led by Prince Vladimir Serpukhovskoy.

Keywords: Dmitry Bobrok, Battle of Kulikovo, historical image, ambush regiment, military science, worldview, service, feat.

For citation: Bruz V.V., Vititnev S.F., Shmeleva A.V. The Warrior of Victory — Dmitry Bobrok. To the Interpretation of the Historical Image. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 4, pp. 61–67. DOI:10.17759/langt.2023100405 (In Russ.).

Федеральный закон от 13 марта 1995 года № 32-ФЗ «О днях воинской славы России» [9] установил день воинской славы 21 сентября — День победы русских полков во главе с Великим князем Дмитрием Донским над монголо-татарскими войсками в Куликовской битве. Это было крупное сражение между объединенным русским войском и войском правителя западной части Золотой Орды, послужившее началом объединения русских земель в борьбе за свою национальную независимость [5]. Куликовская битва вошла в историю России как Мамаево или Донское побоище. Имя Дмитрия Боброка стало знаковым после событий сентября 1380 года.

Дмитрий Боброк в этом сражении был воеводой в засадном полку, которым руководил князь Владимир Серпуховской. Как известно, именно выступление засадного полка сыграло решающую роль в Куликовской битве. Однако известно и то, что когда полк левой руки не удержался и оторвался от большого полка и был вынужден отступить к реке Непрядве, и враг стал преследовать русских воинов, создавая угрозу удара по тылу русского большого полка, то в этот решающий для битвы момент воевода Дмитрий Боброк принимает решение дожидаться, когда неприятель прорвется к реке и откроет засадному полку свой тыл, и вступить в бой. Конница, выступившая из засады, решила исход боя. Конница неприятеля была отодвинута к реке и там перебита. После чего полки Андрея и Дмитрия Ольгердовичей перешли в наступление, не оставив неприятелю шанс ретироваться [2].

Засадный полк — это часть войск, расположенных в боевом порядке в укрытии на одном из флангов. Использование засадного полка получило распространение в русской армии в

XIII веке, в его задачи входило внезапное нападение на противника. В ходе Ледового побоища и Невской битвы Великий князь Александр Ярославич успешно применил тактику, используя засадный полк [7].

Рать, которую собрал Великий князь Дмитрий Иванович, состояла из тридцати княжеских дружин, разделенных по пяти полкам, тяжелой кавалерии и пехотных полков.

Куликовской битве посвящен цикл повестей («Летописная повесть о Куликовской битве», «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича, царя Руського»). В одной из них воевода Дмитрий Боброк назван великим полководцем — «нарочит бысть полководец велми».

Автор «Сказания о Мамаевом побоище» приводит эпизод, в котором сообщает о воинских навыках Дмитрия Боброка: как воевода «слушал землю», дабы поведать Великому князю о том, что происходит на русской земле: *«Хочу, государь, в эту ночь примету свою проверить», — а уже заря померкла. Когда наступила глубокая ночь, Дмитрий Волынец, взяв с собою Великого князя только, выехал на поле Куликово и, став между двумя войсками и поворотясь на татарскую сторону, услышал стук громкий, и клики, вопль, будто торжища сходятся, будто город строится, будто гром великий гремит; с тылу же войска татарского волки воют грозно весьма, по правой стороне войска татарского вороны кличут и гомон птичий, громкий очень, а по левой стороне будто горы шатаются — гром страшный, по реке же Непрядве гуси и лебеди крыльями плещут, небывалую грозу предвещающая. И сказал князь Великий Дмитрию Волынец: «Слышим, брат, — гроза страшная очень». И ответил Волынец: «Призывай, княже, Бога на помощь!» [8].*

Опытный воевода Дмитрий Боброк понимал значение битвы, но реально оценивал ситуацию: враг в разы превосходит численностью. И вновь призывает к молитве князя: *«И повернулся он к войску русскому — была тишина великая. Спросил тогда Волынец: «Видишь ли что-нибудь, княже?» — тот же ответил: «Радуйся, государь, добрые это знаменья, только Бога призывай и не оскудевай верою!» [8].*

Автор «Сказания» намеренно подчеркивает благочестие воеводы Дмитрия Боброка. Намеренно и вкладывает в его уста обращение к Великому князю — молиться и твердо стоять в вере. Куликовская битва станет судьбоносной не только для русской земли, но и каждого воина: кого-то ждет слава земная, а кто пополнит собой воинство небесное: *«И снова сказал: «И еще у меня есть примета проверить». И сошел с коня, и приник к земле правым ухом на долгое время. Поднявшись, поник и вздохнул тяжело. И спросил князь Великий: «Что там, брат Дмитрий?» Тот же молчал и не хотел говорить ему, князь же Великий долго понуждал его. Тогда он сказал: «Одна примета тебе на пользу, другая же — к скорби. Услышал я землю, рыдающую двояко: одна сторона, точна какая-то женщина, громко рыдает о своих детях на чужом языке, другая же сторона будто какая-то дева, вдруг вскрикнула громко печальным голосом, точно в свирель какую, так что горестно слышать очень. Я ведь до этого много теми приметам битв проверил, оттого теперь и рассчитываю на милость Божию — молитвою святых страстотерпцев Бориса и Глеба, родичей ваших, и прочих чудотворцев, русских хранителей, я жду поражения поганых татар. А твоего христоролюбивого войска много падет, но, однако, твой верх, твоя слава будет» [8].* При этом воевода просит Великого князя не рассказывать никому, о чем ему поведал, но дать наказ каждому воину Богу молиться «и святых его угодников призывать на помощь». *«А рано утром прикажи им сесть на коней своих, каждому воину, и вооружиться*

крепко и крестом осенить себя: это ведь и есть оружие на противников, которые утром свидятся с нами» [8].

Воевода Дмитрий Боброк выступает советником Великому князю. Согласно историческим источникам, Дмитрий Боброк был женат вторым браком на сестре Великого князя Дмитрия Ивановича Анне. Ссылаясь на данные Бархатной книги, С.Б. Веселовский не без основания полагает, что Дмитрий Михайлович Боброк Волынский был князем [3]. Относительно происхождения воеводы Дмитрия Боброка существует несколько гипотез, согласно одной, его происхождение связывают с династией Гедиминов [6], по другой — с Рюриком. В 1360-х годах прибыв в Москву с Волыни с двумя сыновьями от первого брака Борисом и Давыдом, он поступает на службу к Великому князю.

Автор «Сказания» акцентирует внимание на братьях Борисе и Глебе как чудотворцах, приходящих на помощь в решающие битвы русичей, и особенно подчеркивается, что братья Борис и Глеб — «родичи» (предки) Великого князя Дмитрия Донского, а потому их помощь особенно важна, как имеющих особое ходатайство за землю русскую перед Богом. Об этом знает воевода Дмитрий Боброк, об этом помнят и знают воины Великого князя. Здесь напрашивается параллель с Житием Великого князя Александра Невского. В ночь накануне Невской битвы 1240 года старейшина Пелгусий, стоявший на страже, увидел братьев-страстотерпцев, плывущих в ладье, и услышал обращение старшего брата Бориса к младшему князю: *«Брате Глебе, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру» [4].*

В «Сказании» князья Борис и Глеб выступают молитвенниками за землю русскую и предвестниками победы: *«Победа Дмитрия Донского на Куликовом поле в 1380 г. также происходит благодаря помощи Бориса и Глеба, о чем упоминается уже в самом древнем источнике, посвященном сражению, в Летописной повести, включенной в Софийскую I и Новгородскую IV летописи. Кроме того, в летописных редакциях XVI в. к рассказу о сражении добавляется история чудесного видения, произошедшего накануне битвы, которое описывается по аналогии и видением Пелгусия в ночь перед Невским сражением» [1].* Князья-страстотерпцы стали первыми святыми русской православной церкви, канонизированные в Константинополе.

Воевода Дмитрий Боброк, или Дмитрий Волынец, отличался воинскими знаниями. Это был опытный воевода, участвовавший и в 1371 году в битве при Скорницево, и в 1376 году в походе на Волжскую Булгарию, и в 1379-м в походе Брянское княжество... Подойдя с войском Великого князя Дмитрия Ивановича на Куликово поле, Дмитрий Боброк вместе с Великим князем обдумывал расположение войск и тактику битвы. Формирование резерва тяжелой конницы — заслуга Дмитрия Боброка. Он же и принял командование.

Противник не ожидал засадного полка, и тем более своевременной его атаки, которая оказалась весьма и весьма успешной. Перед боем, согласно летописи, Дмитрий Боброк обратился к воинам: *«Никакоже, никто же да не изыдет на брань, возбраняет бо нас Господь»* — предавая себя и свою дружину в руки Бога. Летописный рассказ сохранил два имени, которые командовали засадным полком — это серпуховский князь Владимир Андреевич, двоюродный брат Великого князя Дмитрия Ивановича, и Дмитрий Михайлович Боброк. Засадный полк вступил в битву спустя около пяти часов после ее начала. Слаженные действия засадного полка привели к полной победе Великого князя Дмитрия Ивановича: вражеская конница была уничтожена, а войско обратилось в бегство. Автор «Сказания»

сохранил слова, с которыми Великий князь Дмитрий Донской обратился после битвы к своему верному воеводе Дмитрию Боброку: «*Воистину, Дмитрие, не ложь твои приметы, подобает тебе всегда воеводою быть*» [8].

По сложившейся к тому времени традиции, в благодарность Богу и память о сражении и воинах на Руси воздвигались часовни, храмы и монастыри. В честь победы на Куликовом поле Дмитрий Боброк основал этот монастырь — Бобренов монастырь. Монастырь вошел в заградительную линию на юго-востоке как «сторож» Коломны и защитник Москвы. Полагают, что это семейный монастырь Боброка. Собственно, основание монастыря связывают с обетом, который Великий князь Дмитрий Донской дал перед битвой.

Жизнь воеводы Дмитрия Боброка увенчалась принятием монашества — ангельского чина: убедительна версия о том, что герой Куликовской битвы после смерти их единственного сына Василия Дмитриевича [3], в пятнадцатилетнем возрасте разбившегося при падении с коня, вместе с супругой ушли в монастырь. Есть еще один любопытный факт: новгородского святого аскета-юродивого Михаила, сорок четыре года проведшего в Клопском монастыре, историки В.Л. Янин [10] и А.В. Кузьмин связывают с Дмитрием Боброком: по одной версии, святой приходился сыном воеводы или его брата Андрея, по другой — внуком Дмитрия Боброка. Так или иначе, связь существует. А, отказавшись от власти, положения, богатства, будущий подвижник покидает стольный град и в рубище появляется в Клопском монастыре.

Исторический образ древнерусского воина связан с мировоззрением современной ему эпохи. Так, воевода Дмитрий Боброк жизнь свою провел в сражениях, был приближенным Великому князю московскому, был его советником и сродником. Благочестиво живший в миру, воевода вместе со своей супружницей подводит черту земному пути в монастыре. Яркая, насыщенная жизнь Дмитрия Боброка Волынского словно спрятана от современников и потомков. Множество версий, преданий, гипотез связаны с его именем. Его личность — до сих пор нераскрытая тайна. Видимо, Куликовская битва разделила его жизнь на «до» и «после». Куликовская битва началась с победы инока-воина Пересвета, а завершилась мужеством Боброка. Из глубин древности сияют имена героев Куликовской битвы, вдохновляя и укрепляя в деле защиты государственных и национальных интересов в непростом XXI веке.

Литература

1. *Абраменко Н.М.* Святые князья Борис и Глеб как заступники русского войска в произведениях XVI-XVII веков // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 3 / под ред. С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. 2013. СПб.: НП-Принт. С. 241-247.
2. *Азбелев С.Н.* Великая победа на Куликовом поле // Русское поле: научно-публицистический альманах. 2016. № 9-10. С. 51-84.
3. *Веселовский С.Б.* Волынские // Исследование по истории класса служилых землевладельцев / под ред. В.И. Шункова и С.М. Каштанова. 1969. М.: Наука.
4. Житие Александра Невского / подгот. текста, пер. и комм. В.И. Охотниковой // Памятники литературы Древней Руси: XIII век / под ред. Д.С. Лихачева и Л.А. Дмитриева. 1981. М.: Художественная литература. С. 426-439.
5. *Каргалов В.В.* Конец ордынского ига / отв. ред. В.И. Буганов. Изд. 3-е. 2010. М.: URSS. 150 с.

Бруз В.В., Вититнев С.Ф., Шмелева А.В.
Воин победы — Дмитрий Боброк. К интерпретации
исторического образа
Язык и текст. 2023. Том 10. № 4. С. 61–67.

Bruz V.V., Vititnev S.F., Shmeleva A.V.
The Warrior of Victory — Dmitry Bobrok. To the
Interpretation of the Historical Image
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 4, pp. 61–67.

6. *Кузьмин А.В.* Гедиминовичи // Русская генеалогия: энциклопедия / науч. ред. М.Е. Бычкова. 1999. М. С. 701-783; *Кузьмин А.В.* Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV — первой трети XV в. Ч. 1: Всеволож-Заболоцкие, Волынские, Лиаятины // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 11. 2004. М.: Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. 907 с.
7. *Кучин В.А.* Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 18-33.
8. Сказание о Мамаевом побоище // Библиотека литературы Древней Руси / РАН Институт русской литературы (Пушкинский Дом): под ред. Д.С. Лихачева и др. / подгот. текста В.П. Бударagina и Л.А. Дмитриева, перевод В.В. Колесова, комм. Л.А. Дмитриева. 1997. СПб.: Наука. 583 с.
9. Федеральный закон от 13 марта 1995 года № 32-ФЗ «О днях воинской славы России» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7640> (дата обращения: 10.11.2023)
10. *Янин В.Л.* К вопросу о происхождении Михаила Клопского // Средневековый Новгород: очерки археологии и истории. 2004. М.: Наука. С. 286-296.

References

1. Abramenko N.M. Svyatye knyaz'ya Boris i Gleb kak zastupniki russkogo voiska v proizvedeniyakh XVI-XVII vekov // Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva: sb. nauch. statei. Vyp. 3 / pod red. S.V. Mal'tsevoi, E.Yu. Stanyukovich-Denisovoi. 2013. Saint Petersburg: NP-Print, pp. 241-247 (In Russ.).
2. Azbelev S.N. Velikaya pobeda na Kulikovom pole // Russkoe pole: nauchno-publitsisticheskii al'manakh. 2016. № 9-10, pp. 51-84 (In Russ.).
3. Veselovskii S.B. Volynskie // Issledovanie po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev / pod red. V.I. Shunkova i S.M. Kashtanova. 1969. Moscow: Nauka (In Russ.).
4. Zhitie Aleksandra Nevskogo / podgot. teksta, per. i komm. V.I. Okhotnikovoi // Pamyatniki literatury Drevnei Rusi: XIII vek / pod red. D.S. Likhacheva i L.A. Dmitrieva. 1981. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 426-439 (In Russ.).
5. Kargalov V.V. Konets ordynskogo iga / otv. red. V.I. Baganov. Izd. 3-e. 2010. Moscow: URSS. 150 p. (In Russ.).
6. Kuz'min A.V. Gediminovichy // Russkaya genealogiya: entsiklopediya / nauch. red. M.E. Bychkova. 1999. Moscow, pp. 701-783; Kuz'min A.V. Familii, poteryavshie knyazheskii titul v XIV — pervoi treti XV v. Ch. 1: Vsevolozh-Zabolotskie, Volynskie, Liayatiny // Germenevtika drevnerusskoi literatury. Vyp. 11. 2004. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A.M. Gor'kogo RAN. 907 p. (In Russ.).
7. Kuchin V.A. Aleksandr Nevskii — gosudarstvennyi deyatel' i polkovodets srednevekovoi Rusi // Otechestvennaya istoriya. 1996. № 5, pp. 18-33 (In Russ.).
8. Skazanie o Mamaevom poboishche // Biblioteka literatury Drevnei Rusi / RAN Institut russkoi literatury (Pushkinskii Dom): pod red. D.S. Likhacheva i dr. / podgot. teksta V.P. Budaragina i L.A. Dmitrieva, perevod V.V. Kolesova, komm. L.A. Dmitrieva. 1997. Saint Petersburg: Nauka. 583 p. (In Russ.).
9. Federal'nyi zakon ot 13 marta 1995 goda № 32-FZ «O dnyakh voinskoi slavy Rossii» [Elektronnyi resurs]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7640> (Accessed: 10.11.2023) (In Russ.).

Бруз В.В., Вититнев С.Ф., Шмелева А.В.
Воин победы — Дмитрий Боброк. К интерпретации
исторического образа
Язык и текст. 2023. Том 10. № 4. С. 61–67.

Bruz V.V., Vititnev S.F., Shmeleva A.V.
The Warrior of Victory — Dmitry Bobrok. To the
Interpretation of the Historical Image
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 4, pp. 61–67.

10. Yanin V.L. К вопросу о происхождении Михаила Клопского // *Srednevekovyi Novgorod: ocherki arkheologii i istorii*. 2004. Moscow: Nauka, pp. 286-296 (In Russ.).

Информация об авторах

Бруз Владимир Виленович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственных закупок, менеджмента и государственного управления, Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7014-5251>, e-mail: vvb54@yandex.ru

Вититнев Сергей Федорович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки, Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6462-8775>, e-mail: svititnev@yandex.ru

Шмелева Анна Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой инновационных технологий филологического образования, Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6105-9407>, e-mail: lug-anna@yandex.ru

Information about the authors

Vladimir V. Bruz, Doctor in History, Associate Professor, Professor, Department of Public Procurement, Management and Public Administration, State University of Enlightenment, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7014-5251>, e-mail: vvb54@yandex.ru

Sergey F. Vititnev, Doctor in History, Professor, Department of General History, Archaeology and Methodology of Historical Science, State University of Enlightenment, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6462-8775>, e-mail: svititnev@yandex.ru

Anna V. Shmeleva, PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Innovative Technologies of Philological Education, State University of Enlightenment, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6105-9407>, e-mail: lug-anna@yandex.ru

Получена 01.12.2023
Принята в печать 15.12.2023

Received 01.12.2023
Accepted 15.12.2023

Генезис образов посева и жатвы в батальном тексте рубежа XVIII-XIX века

Поташова К.А.

Государственный университет просвещения (ФГБОУ ВО ГУП), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0164-0371>, e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

В статье рассматриваются визуальные метафоры, представляющие военные события по аналогии с трудовыми действиями возделывания земли и жатвы урожая. Целью исследования является выявление литературного генезиса, смысловой составляющей и художественного потенциала образов ратного поля и ратая в батальном тексте рубежа XVIII-XIX века. Материалом для исследования стали произведения из «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», поэтическая образность которых изучается в сопоставлении с библейскими метафорами, традицией древнерусского воинского повествования, классицистической баталистикой. Определено, что подобно древнерусской воинской повести в произведениях из «Собрания...» пейзажные детали включены в сам ход военных событий, оттого природные образы составляют значимый пласт метафорики батальных произведений, наделяют поэтический текст через визуальную символику дополнительными смыслами. Доказано, что визуальная метафора с ядром «поле» и сопряженные с ней образы функционируют в «Собрании...» как символы и эмблемы, связанные с выражением оппозиции войны и мира, зримым представлением одержанной победы. Наиболее частотными растительными образами в батальном тексте являются нивы, символически связанные с жизнью, и сады, аллегорически представляющие мир как рай. Новизна исследования видится в расширении представлений о поэтике зрительного в русской словесности посредством рассмотрения механизмов визуализации художественного образа в батальном тексте начала XIX века.

Ключевые слова: словесная баталистика, художественный образ, метафора, генезис, эсхатология, «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», проповедь, Г.Р. Державин.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках научного проекта № МК-2134.2022.2.

Для цитаты: Поташова К.А. Генезис образов посева и жатвы в батальном тексте рубежа XVIII-XIX века [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 4. С. 68–80. DOI:10.17759/langt.2023100406

The Genesis of Images of Sowing and Reaping in the Battle Text of the Turn of the 18th-19th Century

Ksenia A. Potashova

State University of Enlightenment, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0164-0371>, e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

The article deals with visual metaphors representing military events by analogy with labor actions related to the cultivation of the land and the harvest. The purpose of the study is to identify the literary genesis, semantic component and artistic potential of the images of the battle field and the battle in the battle text of the turn of the 18th-19th century. The material for the study was the works from the «Collection of Poems relating to the unforgettable year 1812», the poetic imagery of which is studied in comparison with biblical metaphors, the tradition of the Old Russian military narrative, classical batalistics. It is determined that, like the Old Russian military story, landscape details are included in the course of military events in the works from the «Collection...», that is why natural images form a significant layer of metaphors of battle works, endow the poetic text with additional meanings through visual symbolism. It is proved that the visual metaphor with the core «field» and the images associated with it function in the «Collection...» as symbols and emblems associated with the expression of the opposition of war and peace, a visible representation of the victory won. The most frequent plant images in the battle text are fields symbolically associated with life, and gardens allegorically representing the world as paradise. The novelty of the research is seen in the expansion of ideas about the poetics of the visual in Russian literature by considering the mechanisms of visualization of the artistic image in the battle text of the early 19th century.

Keywords: verbal batalistics, artistic image, metaphor, genesis, eschatology, «Collection of Poems Relating to the Unforgettable Year 1812», sermon, G.R. Derzhavin.

Funding: The research was carried out with the financial support of the Grant Council of the President of the Russian Federation within the framework of the scientific project no. MK-2134.2022.2

For citation: Potashova K.A. The Genesis of Images of Sowing and Reaping in the Battle Text of the Turn of the 18th-19th Century. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 4, pp. 68–80. DOI:10.17759/langt.2023100406 (In Russ.).

Введение

Изучение библейского и древнерусского генезиса художественной образности литературы Нового времени является актуальной проблемой современной гуманитарной науки в силу ряда причин. Прежде всего, в силу способности сакральной литературы открывать онтологические смыслы художественных образов, а также в связи с недостаточной изученностью преемственности поэтики батального текста рубежа XVIII-XIX века по

отношению к предыдущей словесной традиции. Обращенность к обозначенной проблеме обусловлена наметившейся тенденцией развития поэтической баталистики в начале XIX века, обратившейся за источником образности к фольклору и древнерусской словесности. Символическая наполненность древней культуры в наибольшей степени отвечала духовно-патриотическому подъему, выкристаллизовавшейся идее об исторической миссии России, обострившимся эсхатологическим предчувствиям, связанным с осмыслением вторжения армии Наполеона. Целью исследования является выявление литературного генезиса, смысловой составляющей и художественного потенциала образов жатвы и орастая в батальном тексте рубежа XVIII-XIX века, уточнение особенностей художественного мышления русских поэтов, ставших очевидцами и участниками Отечественной войны 1812 года.

Материалы и методы

Несмотря на значимость зрительного начала в баталистике рубежа XVIII-XIX века, предметом специального монографического исследования проблема взаимодействия повествовательного и описательного начал в словесном художественном образе, выявление генезиса изобразительности батальной поэзии еще не становилась. Стоит выделить лишь некоторые исследования, косвенно затрагивающие данный вопрос — это исследования В.П. Адриановой-Перетц [3], И.А. Айзиковой [4], В.А. Гуковского [13], А.В. Гулина [14], С.И. Ермоленко [16], И.А. Киселевой [17], [19], В.А. Кошелева [20], А.И. Кузьмина [21], Л.В. Пумпянского [27], С.М. Скибина [29], А.С. Янушкевича [36]. Методологический аппарат исследования составили базовые литературоведческие методы — **культурно-исторический** метод, связанный с анализом батального образа в соответствии с господствовавшими идеями и настроениями; **сравнительно-исторический** метод, помогающий проследить генезис образов посева и жатвы от древнерусской воинской повести к классицистическим одам и романтическим произведениям 1810-х годов; **структурно-типологический анализ**, связанный с определением механизмов конструирования зримо воспринимаемого художественного образа.

Материалом для анализа стал батальный текст 1810-х годов, который составляют многочисленные отклики на войну с Наполеоном, в частности из «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», ориентированный на постепенный отказ от аллегорических картин в пользу онтологически наполненного образа. К числу ценностно значимых констант поэтической системы баталистики относится символически окрашенный образ поля и сопряженный с ним образ возделывателя земли. Хотя эта метафора не была исконно русской, ее использование в апокалиптическом звучании находим уже в византийской «Хронике» Георгия Амартола («*Яко кормьчя погыбълемъ суть и лодья истопленя, пастыремъ убожъе овчая пагуба, и ратаемъ небреженіе странамъ погыбъле, тако и преподобнымъ оскудгъніе всъго мира разрушеніе*» [16, с. 218]), в то же время, именно в древнерусской баталистике и батальной поэзии нового времени метафорические картины возделывания земли предстают значимым приемом для создания зримо воспринимаемого образа в соответствии с особенностями национального мироустройства.

Отражением «особенностей русского образа мира» [17, с. 183] в период нашествия Наполеона стало составленное единовременно с разворачивающимися историческими событиями «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», показательное в связи с выработкой поэтических механизмов выражения героической

патетики, к которым относится и метафора землепашества и сбора урожая. Произведения этого сборника позволяют говорить, что в словесной баталистике начала XIX века наблюдается усложнение метафоры, конструирующейся вокруг традиционного батального топоса поле, наделение его дополнительными смыслами наряду с прямым выражением локации сражения («На Бородинском поле страшном, // На Малоярославском, Красном» [31, с. 22], «Вас ждут смоленские поля» [Там же, с. 265], «В полях, лесах и городах // Знамена крови разведали» [Там же, с. 322]) и обозначения пространства исторической памяти («Да славой превзойдут чрез вас поля Полтавы!» [Там же, с. 265], «В нас то же сердце бьется, // Которое в полях Донского вознесло» [Там же, с. 308]). Усвоенным из древнерусской литературы поэтическим механизмом создания эмоционально насыщенного батального образа явилась метафора-символ, «первоисточник которой находится в Библии» [3, с. 37]. В батальные сцены стали активно включаться метафоры со скрытым содержанием, при первичном взгляде не эквивалентные батальным образам, как то, картины возделывания земли («От солнца пахарь не сожжется, // От мраза бедный не согнется» [31, с. 32]), изображение крупным планом золотых нив («Золотеют наши нивы» [Там же, с. 416]) или земледельца («хижины оратая счастливы» [Там же, с. 86]). Символическая наполненность подобных образов в батальном тексте совмещает «народную фантазию в сравнении битвы с возделыванием пашни» [6, с. 133], воплощенную в древнерусской воинской повести, с одним из важнейших Евангельских образов сеяния и жатвы, данного в эсхатологическом контексте («Оставьте расти вместе то́ и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в снопы, чтобы сжечь их, а пшеницу уберите в житницу мою» (Мф.13:30); «Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва» (Мк.4:29)). Положенное в основу метафорического образа уподобление битвы жатве имеет более глубокую и скорее интуитивную основу, оттого эти образы приобретают «сильное энергетическое напряжение» [35, с. 85].

Результаты и обсуждение

Литературный генезис метафорической наполненности образов посева, жатвы и землепашца (ратая) в батальном контексте восходит к древнерусскому воинскому повествованию, выработавшему типологическую конструкцию представления нашествия врага как изменения традиционного мироустройства человека. Древнерусская литература, не знающая создания пейзажа вне символического смысла, представляла мирную природу как радость и торжество православной веры, Божественное покровительство. Под нарушением гармонии бытия, напротив, подразумевалось государственное бедствие, попрание христианства. На такой оппозиции основывается метафорический язык воинской повести, утвердившийся в литературе периода татаро-монгольского нашествия и использующийся в дальнейшем при изображении трагических событий истории. Наиболее яркий пример цветущей природы как изображение благоденствия на Руси обнаруживается в сохранившемся начальном отрывке «Слова о погибели земли русской», поводом к созданию которого послужило вторжение Батыя. Еще нетронутая врагом Русь представлена через описание ландшафтного многообразия, большую часть фрагмента составляет зарисовка цветущей природы, напоминающей райский сад: «И многими красотоми удивлена еси: <...> крутыми холми, высокими дубравами, чистыми полями, дивными звърьми» [8, т. 5, с. 90]. Символическое звучание этой природной зарисовки совмещается с реалистической тенденцией представления жизни государства до нашествия врага и изображением тех благ,

которые будут разрушены с его наступлением.

При изображении природы непосредственно в батальном контексте древнерусского повествования акцентируется противоестественность течения жизни, что передается через зримо воспринимаемые устрашающие картины пространства, примером тому являются эсхатологические метафоры из «Слова о полку Игореве» и «Задонщины»: *«Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто вра.ни граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие»* [Там же, т. 4, с. 258], *«И в то время по Резанской земле около Дону ни ратаи, ни пастухи в полѣ не кличють, но толко часто вороны грають трупу ради человеческого, грозно бо бяше и жалостьно тогды слышати»* [Там же, т. 6, с. 112]. Состояние поля противопоставляется своей чуждостью и трагичностью естественному его назначению растить хлеб, что придает батальной картине фигуральное, апокалиптическое звучание — в поле нет ни земледельцев, ни пастухов, ни одного живого человека, оно застлано телами погибших в бою. Аналогичный образ находим и в более поздней «Повести книги сея от прежних лет», рассказывающей о событиях Смутного времени и также прибегающей к использованию метафоры с ядром «поле» для передачи контраста мирного течения времени и наступившего далее потрясения: *«Растаявшу снегу и тиху веюшу ветру, и во пространные потоки источницы протекают, тогда ратай ралом погружает, и сладкую броду прочертает, и полодателя Бога на помощь призывает; растут желды, и зеленютца поля, и новым листивием облачаютца дрeвеса, и отовсюду украшаютца плоды земля, поют птицы сладкими воспеванием»* [28, с. 124]. Ратай в поле, произрастающие поля и деревья предстают визуальным воплощением гармонии на земле, царившей *«по смотрению Божию и по ево человеколюбию»* [Там же, с. 124]. Полярно по отношению к этой природной зарисовке и не менее колоритно представлено наступление врага-самозванца: *«В сие же время красовидные години прежереченный хищный волк собрался со множеством воин и поидоша на воевод московского воинства»* [Там же, с. 124]. Представленный в метафорическом образе хищника-волка враг разрушает мироустройство во время «красовидное», то есть отмеченное мощью божественных созданий.

Свое дальнейшее развитие метафора землепашества получает в поэтической баталистике второй половины XVIII — начала XIX века. Как таковые ратные поля в батальном тексте классицизма не изображались, что было связано с самим характером военных событий XVIII века, направленных на расширение земель и укрепление границ, и это обусловило специфику основных мест ведения сражений — морские сражения и штурмы. Поле лишь единично представлено в своем прямом значении военной локации, как то у А.П. Сумарокова:

*«На сих полях имел сраженье с Карлом Петр
И шведов разметал, как прах бурливый ветр,
Вселенну устрашил Российской державой
И шел отселе вспять с победою и славой»* [33, с. 110].

В то же время обращает на себя батальная образность «Оды на день восшествия... Елизаветы Петровны» М.В. Ломоносова, определившего поле как естественную для война среду пребывания (*«Сравнить сраженьям может воин // И в поле весь свой век живет»*) [23, т. 1, с. 118], как бы уподобляя война земледельцу, для которого поле также является привычным пространством. И здесь стоит отметить, что на этот период развития батального текста приходится воскрешение утраченного именованного земледельца «ратаем» или

«оратаем», употребляемого «в значении пахаря, земледельца в XII в.» и утраченного «во второй половине XVII в.» [11, с. 23], а также созвучного с ним и обозначения воина возвышенной лексемой «ратник». Устаревшие лексемы для обозначения ратника в бою и ратая в миру наиболее соответствовали патриотическому звучанию поэзии рубежа XVIII-XIX века. На основе фонетического созвучия и интуитивно улавливаемого пространственного смысла «нахождения в поле» по принципу уподобления создается метафорическое значение слова **ратай**, обозначающего и земледельца, и воина, что зафиксировано в словарях XVIII века («*ратай, воинъ, ратоборець, иногда означает земледельца, пахаря, землепашца*» [5, т. 4, с. 22] и XIX века («*церк. воин, солдат, тоже, что оратай, земледельец*» [32, т. 4, с. 88]). Для батального образа, приобретающего в поэзии нового времени дополнительные смыслы, характерно создание метафоры земледельчества на основе уподобления ратника ратаю, проведенный параллелей не только между битвой на ратном поле и земледелием, но и, в соответствии с классицистической поэтикой, уподобление полководца земледельцу, жнущему лавры героической славы. Все эти смыслы находим в оде Г.Р. Державина «Осень во время осады Очакова» (1788).

Основную часть оды, посвященную штурму крепости Очаков Екатеринославской армией под командованием Г.А. Потемкина, Державин обрамляет бытовыми картинками, построенными на описании переходящего в зиму осеннего пейзажа, расцветенного в яркие краски:

*«Уже румяна Осень носит
Снопы златые на гумно,
И роскошь винограду просит
Рукою жадной на вино»* [14, с. 121].

При том, что природной зарисовке сопутствуют многочисленные мифологические и фольклорные образы («*Спустил седой Эол Борея // С цепей чугуновых из пещер*» [Там же, с. 121]; «*Махнул по свету богатырь*» [Там же, с. 121]), поэт создает чисто русский пейзаж, исполненный зримыми, звуковыми, бытовыми образами, демонстрируя в них «*подлинную любовь к облику русского крестьянина*» [2, с. 765]. При этом суть державинского пейзажа глубже, чем только живописное представление «*яркого образа русской осени*» [24, с. 321], и может быть прочитана через библейские образы урожая и жатвы как возвещения скорых военных событий, конструирующих метафору для «*обозначения эсхатона*» [30, с. 34]. С.-М. Боура, анализируя поэтику героического эпоса, указывает, что «*в большинстве героических сказаний времени года уделяется мало внимания*» [10, с. 180], в то же время в батальном тексте Державина наблюдается обратное, осенний пейзаж у него несет основную смысловую нагрузку — именно посредством зримой осенней картины поэт аллегорически передает сущность разворачивающихся военных событий. Осенний пейзаж поэт сопрягает с бытовыми заботами человека в это время года — жатвой в поле («*Уже румяна Осень носит // Снопы златые на гумно*» [14, с. 121]) и охотой («*Ловецки раздаются роги, // И выжлиц лай и гул гремит*» [Там же, с. 121]). Обращение к бытовой стороне жизни крестьянина у Державина рождает череду ассоциативных параллелей, обусловивших развитие батального образа в тесном переплетении нескольких аспектов. В жатве как собирании лавров военной славы символически воплощены героика и избранность: «*Пред ними росс непобедимый // И в мраз зелены лавры жнет*» [Там же, с. 121]. Через изображение охоты как естественного процесса для человека и посредством контраста мирной тишины и военного грома («*То черн,*

то бледн, то рдян Эвксин // Огонь, в волнах не угасимый, // Очаковские стены жрет» [Там же, с. 122]) передается эсхатологическое чувство, вызванное разворачивающейся батальей и определившее восприятие войны как «эсхатологического момента внутри истории» [7, с. 5]. В колоритном картинном образе сцене ожидания героя с войны «*Твоя супруга златовласа, // Пленира сердцем и лицом, // Давно желанного ждет гласа, // Когда ты к ней приедешь в дом»* [14, с. 123]), завершающем оду, передается сопряжение личности и истории. Посредством топоса **поле**, реализованного в символическом ключе, Державин создает художественно обобщенный образ Росса, являющегося своего рода персонификацией идеи государственности.

Символическая наполненность образов ратая и жатвы нашла яркое отражение в церковных проповедях времен нашествия Наполеона. Епископ Августин (Виноградский), чьи пастырские наставления жителям Москвы 1812 года, московскому ополчению, речи по случаю наступления врага и достигнутой победы отмечены яркой образностью [см. подробнее: 25], не раз использует эти эмоционально насыщенные образы. Так, в своем воззвании к русским людям в связи с нашествием Наполеона епископ Августин призывает каждого приносить пользу во имя общего блага, используя при этом символический образ возделывания поля как тяжелого труда: «*Земледельствует ли кто? да не оставляет празны нивы своя, дѣлай, да дѣлаетъ ихъ, и орай, да орошаетъ потомъ своимъ»* [1, с. 6]. Метафора земледельства в проповеди может сочетать трагическое начало, связанное с противоестественностью войны, повлекшей застланность поля костями погибших, и образную рефлексию нашествия наполеоновской армии, поправшей христианские устои, нарушившей мироустройство и оттого павшей в войне: «*Поля ваши, опустошенные хищной его рукой, сдѣлались могилой для него самого. — Сынъ и внукъ твой, влача плугъ по наслѣдственной нивѣ, откроетъ кости злодѣевъ; онъ скажетъ: отецъ мой поразилъ ихъ, и спасъ для меня достояніе свое»* [Там же, с. 65]. Использование земледельческих образов обнаруживается и в контексте стяжания русским воинством славы быть непобежденным, оттого ратное поле становится не только «жестокимъ», но и «славнымъ», принесшим тишину всему миру: «*На полъ сколь жестокие, столь славныя брани пожинай вѣнцы хвалы и чѣсти; и памятникомъ победъ твоихъ да будетъ свобода и спокойствіе всей Европы»* [Там же, с. 54]. При создании картин победы над врагом епископ Августин апеллирует библейскими образами нового сева и жатвы, Богом обещанных на третий год после произведенных ассирийцами опустошений («*А на третий год сейте и жните, и садите виноградные сады»* (Ис. 37:30): «*Идите отъде с миромъ в праотеческіе дома. Мечи и копія ваши разкуйте на новые ораля и серпы, и подѣ благодетельнымъ покровительствомъ среди любезныхъ семействъ наслаждайтесь покоемъ и тишиной!*» [1, с. 66].

Поэтическая образность классицистической оды, церковной проповеди и древнерусского воинского повествования была усвоена в стихотворениях, посвященных событиям Отечественной войны 1812 года. Развивая традиции древнерусской литературы, нашествие врага на русскую землю в поэтической баталистике 1812 года представляется буквально как нарушение идиллического состояния земли. И здесь примечателен перечислительный ряд, который воссоздает картину наступления разящей все вокруг подобно гибельно-катастрофической стихии французской армии, представленный в «Солдатской песне» Ф.Н. Глинки:

«Враг строптивый мечет громы,

*Храмов Божьих не щадит;
Топчет нивы, палит дома,
Змеем лютым в Русь летит!»* [31, с. 411].

Храм, нива и дом — те ценностные доминанты национальной картины мира, разрушение которых не раз акцентируется в баталистике именно в значении уничтожения мира русского человека. Не случайно в этом контексте появляется образ ратая, в оцепенении взирающего на исчезающий земной мир, как то в посвящении «Князю Голенищеву-Кутузову Смоленскому» А.Ф. Воейкова:

*«Уносят хижины и затопляют нивы,
Пастух, оцепенев, зрит прежде край счастливый
И плод рачения лет многих и трудов
Добычей жалкою свирепости валов»* [Там же, с. 120].

В стихотворении «На разрушение Москвы» Ф.Ф. Иванова, поэта, состоящего в державинской «Беседе любителей русского слова», метафора, основанная на ассоциации «поле — сражение» приобретает эсхатологическое звучание. Не столь явно, как у Державина, но вместе с тем существенно для воплощения идейного замысла, баталия здесь соотносится с временами года. Если в связи с самими военными сражениями поэт только называет осень, сравнивая битву с охотой, при этом не давая ее развернутого описания («*Меч гложет свой в остервененье // И рыщет в ужасе, как скимн в осенню ночь*» [Там же, с. 113]), то победный исход сражения отождествляется с наступлением весны и распаиванием поля, и в этом контексте рисуется уже более развернутая картина. Метафорическая картина возделывания поля, имеющая ярко выраженную эсхатологическую наполненность, включается поэтом в объемный образ страдающего мира («*Спаси стнящий мир от бедства*» [Там же, с. 113]), в сопряжении с которым через жатву, совершающуюся «*в ужасах войны <...> раскрывается Суд Божий*» [26, с. 133]. Воин же представляется в исполинском образе пахаря, свершающего тяжкий труд, который войдет в героическую историю («*Заглянет в летопись и сердцем содрогнет // Послышит хладный пот, с чела его текущий*» [31, с. 113]), результатом этого труда становится распаханное поле, полное вражеских костей («*И да бразды твоих полей // Под плугом зазвучат от вражеских костей!*» [Там же, с. 113]). В подобной сложной метафоре одновременно воплощается героический характер воинства и историческая значимость самого события и неестественное состояние самой пашни. В «Стихах на изгнание неприятеля из России...» Д.П. Горчаков, также поэт державинского круга, повторяет метафору, ядром которой является топос **поле**, в контексте призыва к сплочению перед врагом и упование на новые победы:

*«Жни новы лавры в поле чести,
Забудь для Отчества покой,
Прости к врагу меч правой мести»* [Там же, с. 82].

Символические образы посева и жатвы выступают в батальном тексте «*приметамы земного мира в его связи с духовной реальностью*» [18, с. 94], утвердились в комплексе изобразительных мотивов, выражающих идею Господнего заступничества и покровительства русской земли, победы в войне и спасения градов как Божьего чуда. Именно так объясняет окончание Отечественной войны Державин в своем «Гимне лиро-эпическом на прогнание французов», изображая метафорично Россию как райский сад, цветший «*в покровительстве*

Господнем» [31, с. 22], и уподобляя врага мифологическому божеству восточного ветра Эвра, который *«стебля <России>сбить не мог всех сил набегом»* [Там же, с. 22]. Именно Божественное заступничество определило возвращение русской земли в прежнее ее благодное состояние, подобное райскому саду, что передается Державиным посредством отрицания несчастий на земле:

*«Токи крови не прольются,
Не канут слезы из очей;
От солнца пахарь не сожжется,
От мраза бедный не согнется;
Сады и нивы плод дадут»* [Там же, с. 22].

Поле победное в баталистике 1812 года изображается как естественная картина, когда дружина не воюет, а на поле произрастает хлеб. В этом контексте земледельческая метафора отвечает характерным для этого времени зарисовкам сельской жизни в идиллической манере: *«Золотеют наши нивы; // Тучная трава в лугах: // Мы в домах своих счастливы, // Рай житье нам в деревнях»* [Там же, с. 416]; *«Мы брашном насладимся, // И хлеб вкусив с полей родных, // Веселью предадимся!»* [Там же, с. 127]. Растительные метафоры в баталистике позволяют визуально представить трагизм состояния войны, связанной со смертоубийством, контрастирующей с мирным, благодатным, животворящим началом земли. Вместе с тем диалектический образ оратая и жатвы в контексте христианского миропонимания наполнен и онтологическими смыслами, связанными с идеей предстояния человека перед лицом вечности в ситуации готовности к самопожертвованию и соответствующей этому награды высшей славы, духовного возрождения, зрительно воплощенного в метафорике райского сада и произрастающего поля.

Выводы

В русской картине мира образ поля утвердился как национальный символ, за которым прочно закрепились два ассоциативных значения: пространство, на котором произрастает хлеб, и поле ратное — место героического подвига. В контексте батального повествования эти два значения тесно переплетаются, что воплотилось в метафорическом представлении битвы в образе жатвы, отождествлении воина с пахарем-оратаем-ратаем. Созданная на основе упорядочивания *«повседневной деятельности человека»* [22, с. 388], эта метафора включила в символическое пространство присущие и понятные только для русской ментальности смыслы. Наиболее распространенной реализацией образов оратая и жатвы, важных для поэтов и духовных пастырей в связи с исторической ситуацией начала XIX века, стала, во-первых, оппозиция мира и войны, символически воплощенная в образе произрастающего поля в довоенной жизни и поля, попранного врагом, и, во-вторых, картина наступившего спокойствия после прогнания врага; через естественное состояние произрастающего поля изображается победа над Наполеоном. Источником подобных образов стала библейский текст и древнерусское повествование, апеллирование к которым обусловлено обращением к духовной сфере бытия для постижения истинных смыслов постигших Россию бедствий.

Литература

1. *Августин (Виноградский)*. Сочинения Августина, архиепископа Московского и

- Коломенского. 1856. СПб.: Кораблев и Сиряков. 239 с.
2. *Аверинцев С.С.* Поэзия Державина // Из истории русской культуры. Том IV (XVIII — начало XIX века). 1996. М.: Языки славянских культур. С. 763-779.
 3. *Адрианова-Перетц В.П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. 1947. М., Л.: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР. 188 с.
 4. *Айзикова И.А.* Историко-литературное значение «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Сибирский филологический журнал. 2013. № 1. С. 31-41.
 5. *Алексеев П.А.* Церковный словарь, или Истолкование речений словенских древних, також иноязычных без перевода положенных в Священном Писании и других церковных книгах: в 5 т. 1773. М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те.
 6. *Афанасьев А.Н.* Мифология Древней Руси. 2007. М.: Эксмо. 608 с.
 7. *Бердяев Н.А.* Война и эсхатология // Путь. 1939-1940. № 61. С. 3-14.
 8. Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева и др. 1997. СПб.: Наука.
 9. Библия: книги Священного Ветхого и Нового Завета. Синодальный перевод. 2010. М.: Российское библейское общество. 1690 с.
 10. *Боура Сесил Морис.* Героическая поэзия. 2002. М.: Новое литературное обозрение. 388 с.
 11. *Виноградова В.Л.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» по некоторым данным морфологии // Слово о полку Игореве — памятник XII века / отв. ред. Д.С. Лихачев. 1962. М., Л.: Изд-во АН СССР. С. 255-275.
 12. *Гулин А.В.* «Он весь, как Божия гроза». Петр Первый в поэме А.С. Пушкина «Полтава» // Литература в школе. 2018. № 3. С. 2-7.
 13. *Гуковский Г.А.* Любовь к родине в русской классической литературе. 1943. Саратов: Саратовское обл. гос. изд-во. 87 с.
 14. *Державин Г.Р.* Стихотворения / вступ. ст., подгот. текста и общ. ред. Д.Д. Благого. 1957. Л.: Советский писатель. 468 с.
 15. *Ермоленко С.И.* «Среди военных непогод...»: 1812 год в творческой судьбе К.Н. Батюшкова // Великий подвиг народа по защите Отечества: вехи истории. Сборник научных статей. 2020. Екатеринбург. С. 235-243.
 16. *Истрин В.М.* Книги временя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исслед. и словарь. Т. 1. Текст. 1920. Пг. 612 с.
 17. *Киселева И.А.* Роль событий войны 1812 года в формировании имперских настроений русского общества первой трети XIX века: к вопросу о патриотизме Лермонтова // Вестник Московского государственного областного университета. 2012. № 4. С. 182-187.
 18. *Киселева И.А.* О смысловой цельности дефинитивного текста поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» (1839) // Проблемы исторической поэтики. 2019. Том 17. № 4. С. 91-106. DOI: 10.15393/j9.art.2019.6422
 19. *Киселева И.А., Поташова К.А.* Особенности поэтического экфрасиса в стихотворении А.С. Пушкина «Полководец» (1835): от черновика к беловику // Научный диалог. 2021. № 4. С. 240-253. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-240-253
 20. *Кошелев В.А.* Гимн «на прогнание», или «Апокалипсис преложить» (о поэтике позднего Г.Р. Державина) // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 14. С. 89-106.
 21. *Кузьмин А.И.* Героическая тема в русской литературе. 1974. М.: Просвещение. 301 с.
 22. *Лакофф Д., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / сост. Н.Д. Арутюнова. 1990. М.: Прогресс. С. 387-415.
 23. *Ломоносов М.В.* Избранные произведения: в 2 т. / Редкол. С.Р. Микулинский (пред.) и др.

1986. М.: Наука.

24. *Маслова А.Г.* Времена года в поэзии Г.Р. Державина [Электронный ресурс] // Преподаватель XXI века. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vremena-goda-v-poezii-g-r-derzhavina> (дата обращения: 18.10.2023).

25. *Поташова К.А.* Образ пылающего вулкана в сознании очевидцев пожара Москвы 1812 года // Проблемы исторической поэтики. 2017. Том 15. № 3. С. 21-34. DOI: 10.15393/j9.art.2017.4442

26. *Прот. Сергей Булгаков (Булгаков С.Н.)*. Апокалипсис Иоанна (Опыт догматического истолкования). 1948. Париж: YMCA-Press, Сор. 352 с.

27. *Пумпянский Л.В.* Очерки по литературе первой половины XVIII века // XVIII век. 1935. М., Л. С. 83-132.

28. Русское историческое повествование XVI-XVII веков / сост., предисл., подгот. древнерус. текстов, пер. и примеч. Ю.А. Лабынцева. 1984. М.: Советская Россия. 348 с.

29. *Скибин С.М.* Батальные мотивы в лирике К.Н. Батюшкова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2022. Том 2. № 2 (38). С. 36-45. DOI: 10.51965/20767919_2022_2_2_36

30. *Смагло С.И.* Жатва как апокалиптический образ в новозаветной эсхатологии [Электронный ресурс] // Христианское чтение. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhatva-kak-apokalipticheskii-obraz-v-novozavetnoi-eshatologii> (дата обращения: 18.10.2023).

31. Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году: юбилейное издание. 2015. М.: Языки славянской культуры. 640 с.

32. *Срезневский И.И.* Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук: в 4 т. 1847. СПб.: Тип. Академии наук.

33. *Сумароков А.П.* Избранные произведения [Текст] / сост. П.Н. Берков. 1957. Л.: Советский писатель. 608 с.

34. *Трофимова Н.В.* Орел и змея в русском фольклоре и литературе XII — начала XIX вв. // Семантика народной культуры в литературе: материалы международной научно-практической конференции. 2018. М.: Московский педагогический государственный университет. С. 26-34.

35. *Уилрайт Ф.* Метафора и реальность // Теория метафоры / сост. Н.Д. Арутюнова. 1990. М.: Прогресс. С. 82-100.

36. *Янушкевич А.С.* Особенности имперского текста В.А. Жуковского: идеология и культуртрегерство // Имагология и компаративистика. 2017. № 7. С. 77-92.

References

1. Avgustin (Vinogradskii). Sochineniya Avgustina, arkhiepiskopa Moskovskogo i Kolomenskogo. 1856. Saint Petersburg: Korablev i Siryakov. 239 p. (In Russ.).

2. Averintsev S.S. Poeziya Derzhavina // Iz istorii russkoi kul'tury. Tom IV (XVIII — nachalo XIX veka). 1996. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, pp. 763-779 (In Russ.).

3. Adrianova-Peretts V.P. Ocherki poeticheskogo stilya Drevnei Rusi. 1947. Moscow, Leningrad: Publ. i 1-ya tip. Izd-va Akad. nauk SSSR. 188 p. (In Russ.).

4. Aizikova I.A. Istoriko-literaturnoe znachenie «Sobraniya stikhotvorenii, odnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu» // Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2013. № 1, pp. 31-41 (In Russ.).

5. Alekseev P.A. 'Tserkovnyi slovar', ili Istolkovanie rechenii slovenskikh drevnikh, takozh

- inoazychnykh bez perevoda polozhennykh v Svyashchennom Pisanii i drugikh tserkovnykh knigakh: v 5 t. 1773. Moscow: Pech. pri Imp. Mosk. un-te (In Russ.).
6. Afanas'ev A.N. Mifologiya Drevnei Rusi. 2007. Moscow: Eksmo. 608 p. (In Russ.).
 7. Berdyaev N.A. Voina i eskhatologiya // Put'. 1939-1940. № 61, pp. 3-14 (In Russ.).
 8. Biblioteka literatury Drevnei Rusi / pod red. D.S. Likhacheva i dr. 1997. Saint Petersburg: Nauka (In Russ.).
 9. Bibliya: knigi Svyashchennogo Vetkhogo i Novogo Zaveta. Sinodal'nyi perevod. 2010. Moscow: Rossiiskoe bibleiskoe obshchestvo. 1690 p. (In Russ.).
 10. Boura Sesil Moris. Geroicheskaya poeziya. 2002. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 388 p. (In Russ.).
 11. Vinogradova V.L. «Slovo o polku Igoreve» i «Zadonshchina» po nekotorym dannym morfologii // Slovo o polku Igoreve — pamyatnik XII veka / otv. red. D.S. Likhachev. 1962. Moscow, Leningrad: Publ. AN SSSR, pp. 255-275 (In Russ.).
 12. Gulin A.V. «On ves', kak Bozhiya groza». Petr Pervyi v poeme A.S. Pushkina «Poltava» // Literatura v shkole. 2018. № 3, pp. 2-7 (In Russ.).
 13. Gukovskii G.A. Lyubov' k rodine v russkoi klassicheskoi literature. 1943. Saratov: Saratovskoe obl. gos. izd-vo. 87 p. (In Russ.).
 14. Derzhavin G.R. Stikhotvoreniya / vstup. st., podgot. teksta i obshch. red. D.D. Blagogo. 1957. Leningrad: Sovetskii pisatel'. 468 p. (In Russ.).
 15. Ermolenko S.I. «Sredi voennykh nepogod...»: 1812 god v tvorcheskoi sud'be K.N. Batyushkova // Velikii podvig naroda po zashchite Otechestva: vekhi istorii. Sbornik nauchnykh statei. 2020. Ekaterinburg, pp. 235-243 (In Russ.).
 16. Istrin V.M. Knigy vremeny i obraznyya Georgiya Mnikha. Khronika Georgiya Amartola v drevnem slavyanorusskom perevode. Tekst, issled. i slovar'. T. 1. Tekst. 1920. Petrograd. 612 p. (In Russ.).
 17. Kiseleva I.A. Rol' sobytii voiny 1812 goda v formirovani imperskikh nastroenii russkogo obshchestva pervoi treti XIX veka: k voprosu o patriotizme Lermontova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2012. № 4. pp. 182-187 (In Russ.).
 18. Kiseleva I.A. O smyslovoi tsel'nosti definitivnogo teksta poemy M.Yu. Lermontova «Demon» (1839) // Problemy istoricheskoi poetiki. 2019. Tom 17. № 4, pp. 91-106. DOI: 10.15393/j9.art.2019.6422 (In Russ.).
 19. Kiseleva I.A., Potashova K.A. Osobennosti poeticheskogo ekfrasisa v stikhotvorenii A.S. Pushkina «Polkovodets» (1835): ot chernovika k beloviku // Nauchnyi dialog. 2021. № 4, pp. 240-253. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-240-253 (In Russ.).
 20. Koshelev V.A. Gimn «na prognanie», ili «Apokalipsis prelozhit'» (o poetike pozdnego G.R. Derzhavina) // Problemy istoricheskoi poetiki. 2016. № 14, pp. 89-106 (In Russ.).
 21. Kuz'min A.I. Geroicheskaya tema v russkoi literature. 1974. Moscow: Prosveshchenie. 301 p. (In Russ.).
 22. Lakoff D., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem // Teoriya metafory / sost. N.D. Arutyunova. 1990. Moscow: Progress, pp. 387-415 (In Russ.).
 23. Lomonosov M.V. Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. / Redkol. S.R. Mikulinskii (pred.) i dr. 1986. Moscow: Nauka (In Russ.).
 24. Maslova A.G. Vremena goda v poezii G.R. Derzhavina [Elektronnyi resurs] // Prepodavatel' XXI veka. 2010. № 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vremena-goda-v-poezii-g-r-derzhavina> (Accessed: 18.10.2023) (In Russ.).

25. Potashova K.A. *Obraz pylayushchego vulkana v soznanii ochevidtsev pozhara Moskvy 1812 goda* // *Problemy istoricheskoi poetiki*. 2017. Tom 15. № 3, pp. 21-34. DOI: 10.15393/j9.art.2017.4442 (In Russ.).
26. Prot. Sergii Bulgakov (Bulgakov S.N.). *Apokalipsis Ioanna (Opyt dogmaticeskogo istolkovaniya)*. 1948. Parizh: YMCA-Press, Cop. 352 p. (In Russ.).
27. Pumpyanskii L.V. *Ocherki po literature pervoi poloviny XVIII veka* // XVIII vek. 1935. Moscow, Leningrad, pp. 83-132 (In Russ.).
28. *Russkoe istoricheskoe povestvovanie XVI-XVII vekov* / sost., predisl., podgot. drevnerus. tekstov, per. i primech. Yu.A. Labyntseva. 1984. Moscow: Sovetskaya Rossiya. 348 p. (In Russ.).
29. Skibin S.M. *Batal'nye motivy v lirike K.N. Batyushkova* // *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. 2022. Tom 2. № 2 (38), pp. 36-45. DOI: 10.51965/20767919_2022_2_2_36 (In Russ.).
30. Smaglo S.I. *Zhatva kak apokalipticheskii obraz v novozavetnoi eskhatologii* [Elektronnyi resurs] // *Khristianskoe chtenie*. 2018. № 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhatva-kak-apokalipticheskii-obraz-v-novozavetnoi-eskhatologii> (Accessed: 18.10.2023) (In Russ.).
31. *Sobranie stikhotvorenii, otnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu: yubileinoe izdanie*. 2015. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. 640 p. (In Russ.).
32. Sreznevskii I.I. *Slovar' tserkovnoslavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyyi Vtorym otdeleniem Akademii nauk: v 4 t. 1847*. Saint Petersburg: Tip. Akademii nauk (In Russ.).
33. Sumarokov A.P. *Izbrannye proizvedeniya* [Tekst] / sost. P.N. Berkov. 1957. Leningrad: Sovetskii pisatel'. 608 p. (In Russ.).
34. Trofimova N.V. *Orel i zmeya v russkom fol'klore i literature XII — nachala XIX vv.* // *Semantika narodnoi kul'tury v literature: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. 2018. Moscow: Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, pp. 26-34 (In Russ.).
35. Uilrait F. *Metafora i real'nost'* // *Teoriya metafory* / sost. N.D. Arutyunova. 1990. Moscow: Progress, pp. 82-100 (In Russ.).
36. Yanushkevich A.S. *Osobennosti imperskogo teksta V.A. Zhukovskogo: ideologiya i kul'turtregerstvo* // *Imagologiya i komparativistika*. 2017. № 7, pp. 77-92 (In Russ.).

Информация об авторах

Поташова Ксения Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0164-0371>, e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

Information about the authors

Ksenia A. Potashova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, State University of Enlightenment, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0164-0371>, e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

Получена 01.12.2023
Принята в печать 15.12.2023

Received 01.12.2023
Accepted 15.12.2023

Духовное просвещение и благочестие в проповеди конца XVII века

Соболева Л.С.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0694-6687>, e-mail: l.s.soboleva@mail.ru

Калинина А.Д.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8970-1588>, e-mail: fktyrf2000@gmail.com

Переломный XVII век поднимает вопрос важности системного образования — центрами просвещения становятся церкви как сосредоточия знаний. В статье представлен анализ размышлений проповедника по поводу необходимости духовного просвещения и роли Церкви и священников в интеллектуальном дискурсе современного автору общества. Каналом трансляции размышлений становится проповедь в неделю 23 по сошествии Святого Духа из анонимного рукописного сборника проповедей «Статир» конца XVII в., предлагаемая к публикации по всем правилам передачи церковнославянского текста и с выявлением источников интертекста. Под духовным просвещением проповедник понимает внимание к произносимым проповедям, изучение святоотеческих сочинений. Попутно осмысляются смежные темы — книгоиздание, уважение к людям интеллектуального труда (писателям, проповедникам). Мысль о необходимости духовного просвещения автор выводит с помощью сопоставления гадарян из притчи о гадаринском бесноватом (Лк. 8) и современных людей, также отвергающих Слово Божие, воплощенное в проповедях и толкованиях, однако делающих это сознательно. Сравнивая паству с первохристианами, автор констатирует падение способности к размышлению, а во второй части проповеди показывает социальное и духовное состояние людей, выбравших грех вместо усердия в вере. Грех пьянства, выбранный для иллюстрации, автор считает одним из самых опасных, поскольку именно он ощущается им источником других грехов, а также является наиболее видимым в общественной жизни. Кроме авторских размышлений предметом исследования становится литературный талант автора. Отмечается сложное семантическое устройство проповеди, искусство красноречия, риторическая стратегия обличения пьянства, связанная с творческой переработкой святоотеческих и библейских цитат.

Ключевые слова: проповедь, общее благо, XVII век, «Статир», пьянство, грех, спасение души.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея «Общего блага» в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650-1750)»).

Для цитаты: Соболева Л.С., Калинина А.Д. Духовное просвещение и благочестие в проповеди конца XVII века [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 4. С. 81–98. DOI:10.17759/langt.2023100407

Spiritual Enlightenment and Piety in Late 17th Century Preaching

Larisa S. Soboleva

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0694-6687>, e-mail: l.s.soboleva@mail.ru

Alena D. Kalinina

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8970-1588>, e-mail: fktyrf2000@gmail.com

The crucial 17th century raises the question of the importance of systemic education — churches as a concentration of knowledge become centers of education. The sermon becomes a channel for broadcasting reflections. «Propoved' v nedeluy 23 po soshestvii Svyatago Duha» [Sermon on Week 23 after the Descent of the Holy Spirit] from the anonymous handwritten collection of sermons «Statir» of the late 17th century is published according to all the rules for the transmission of the Church Slavonic text and identifying the sources of the intertext. By spiritual enlightenment the preacher understands attention to the sermons delivered, the study of patristic writings. Along the way, related topics are comprehended — book publishing, respect for people of intellectual labor (writers, preachers). The author deduces the idea of the need for spiritual enlightenment by comparing the Gadarians from the parable of the possessed Gadarin (Luke 8) and modern people who also reject the Word of God, which is embodied in sermons and interpretations, but they do it consciously, unlike the people from the parable. Comparing the flock with the early Christians, the author notes the decline in the ability to think, and in the second part of the sermon he shows the social and spiritual state of people who chose sin instead of diligence in faith. The sin of drunkenness, chosen for illustration, is considered by the author to be one of the most dangerous, because it is he who feels the source of other sins, and is also the most visible in public life. The main conclusion of the author's reflections is that spiritual enlightenment and the ability to reflect are necessary for priests and laity because unrighteous behavior in earthly life and the impossibility of future salvation are due to sins, the harm of which can only be understood if one follows authoritative sources of knowledge. In addition to the author's reflections, the literary talent of the author becomes the subject of research. The complex semantic structure of the sermon, the art of eloquence, the rhetorical strategy of exposing drunkenness associated with the creative processing of patristic

and biblical quotations are noted.

Keywords: sermon, common good, enlightenment, 17th century, «Statir», drunkenness, sin.

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation, project number 22-18-00488 «Crisis of Values and Coping Strategies: The Idea of the «Common Good» in the Intellectual Discourse of Britain and Russia (1650–1750)».

For citation: Soboleva L.S., Kalinina A.D. Spiritual Enlightenment and Piety in Late 17th Century Preaching. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 4, pp. 81–98. DOI:10.17759/langt.2023100407 (In Russ.).

Благодаря развитию барокко в русской литературе XVII в. проповедник получил больше свободы творчества и самовыражения. Появилась возможность не только разъяснять святоотеческие сочинения и Священное писание пастве, но и вкладывать в тексты памятников личные размышления. Поднимаются вопросы, связанные с внесением изменений в православные обряды, правкой книг; осознается необходимой борьба с влиянием католицизма — начинаются споры между грекофилами и латинствующими. Просветительная деятельность монахов способствовала открытию школ и развитию проповедничества [5, с. 288]. Кризисный XVII век заставил проповедника как интеллектуала рефлексировать, поскольку именно церковь в такие моменты становилась нравственным ориентиром [1, с. 13; 6].

Рукописный сборник проповедей «Статир» [9] был создан в конце XVII века в вотчине Строгановых Орле-городке (Прикамье) анонимным автором. В сборник вошло 156 поучений и авторский комплекс. Впервые рукопись была описана в 1842 году А.Х. Востоковым [3], последующие научные изыскания касались установления авторства (Н.А. Мудрова, Д.М. Буланин), датировки (П.Т. Алексеев, Л.С. Соболева), развития риторического искусства (А.С. Елеонская). В последнее десятилетие сборник изучается в связи с поэтикой, творческим началом автора, также опубликованы ряд текстов [13, с. 161-299].

Авторский интерес к просвещению и назначению священника выражается не менее чем в 14 поучениях «Статир», посвященных теме учительства. Обзор заголовков Слов показывает, что круг тем, связанных с проповеднической деятельностью и священством широк: борьба с невежеством, ленью, пьянством священников и паствы, усиление роли Церкви в жизни человека, внимание к священническому долгу и к нравственному облику проповедника [13, с. 187-200].

О стремлении к духовному просвещению, связанной с универсальным концептом общего блага для человечества повествуют Слова 70 и 71 — двухчастное Поучение в неделю 23 по сошествии Святаго Духа. Первая часть озаглавлена «Яко уподобишася ц(е)рк(о)внии учителяи пчелѣ люботруднѣй, и о зловѣрии гадарянѣ, и на укорителей новоизданных книг, яко горши пса» [9, лл. 310 об. — 315 об., далее указываем листы в рукописи] и «Часть вторая того же слова, яко бѣсове не имуть власти, что намъ сотворити, аще имь Б(о)гъ не попуститъ, и на пьяницъ, яко нѣсть сих(ъ) живота окаяннѣе горши бѣснующагося» [лл. 315 об. — 319 об.]. Автор выстраивает проповедь согласно схоластической схеме, описанной в трактате «Наука албо способ зложена казаня» Иоанникия Галатовского [4], и данная структура проповеди определяет сложную архитектуру текста — каждая из частей

имеет свою композицию (введение, «тему», основную часть с примерами и нравственное приложение), при этом вторая часть семантически продолжает первую, разрабатывая более частную тему на том же сакральном уровне.

В качестве «темы» первой части проповеди выступает традиционно читаемое в 23 неделю зачало 38 из Евангелия от Луки. Притча о гадаринском бесноватом становится библейским тематическим ключом – элементом, позволяющим прочитать произведение через призму сакральных смыслов библейского первоисточника [8, с. 437]. Толкование евангельского эпизода становится для проповедника наглядным примером, позволяющим обличить несправедливое поведение мирян. Для этого автор делит проповедь на два блока: первый посвящен примерам из Священного Писания, второй обращается к мирской жизни и истории христианства.

Сакральное понятие библейского ключа — неприятие Слова Божия — автор расшифровывает в обращении к пастве: «Дадите ми, о Г(оспо)дѣ, послушание с пожданиемъ, ей истинну вамъ возвѣщаю и Сп(а)сеная и полезная гл(агол)ю. Не будите, молю, небл(а)годарни, онымъ уподоблшися гадаряномъ» [л. 311 об.]. После примеров неблагодарности из книг Библии в проповеди поднимается волнующая автора тема небрежного отношения паствы к труду священников. В поведении паствы подчеркиваются резко негативные экспрессивные проявления: «А вы за сия на нихъ гнѣваетея и зубы своими скрежете, и въ злобныхъ си с(е)рдцахъ камение мечете на бл(а)годателя, и проклинаете сихъ, иже вамъ вѣчное бл(а)гословение подають» [л. 314 об.], «аще не бы ц(а)р(с)кая пресвѣтлая рука страхомъ одержала, то бы невозможно истинному учителю посреди ц(е)ркви быти, всѣ бы были камениемъ побиты и несправедно изгнаны» [л. 315].

Сопоставление ситуаций позволяет обличить в пренебрежении словом священника современной паствы ту же неблагодарность, которую проявляют гадаряне, отказываясь от возможности Спасения. Интеллектуальный труд священнослужителей, духовное просвещение, против которого выступают изображенные в Слове миряне, понимается как воплощение в земной жизни присутствия Христа, в противопоставление «бесовским» мирским делам – театральным представлениям, праздникам со скоморохами и музыкой.

Наиболее важным итогом размышлений о духовном просвещении становится мысль об осознанно грешном поведении паствы. Если гадаряне просят Христа уйти, поскольку боятся, что он навредит им, как свиньям и притчи, то миряне не внимают священническому слову «чтобы имъ грѣхов не отстати и по своей бы воли во всяком нечестии ходити» [л. 315], не задумываясь ни о вечной, ни о земной жизни.

Помимо сакрального уровня смыслов («небрежение к священнику — это небрежение к слову Божию») в проповеди прочитываются также метафорический и бытовой, складываясь в объемную картину священнического труда, благодаря таланту красноречия автора. Метафорический уровень отражен во введении первой части в образах священников-добрых хозяев, священников-садовников и священников — трудолюбивых пчел, талантливо изображенных с помощью приема синтаксического параллелизма. При этом образная система разворачивается по принципу градации: в первой метафоре речь идет о добродетели, во второй – о церкви как рае, в третьей – о Слове Божьем, которое слаще меда и безмерно. Кроме ярких образов автор использует также высокую лексику: «рай благоцвѣтушъ», «мироуханными цвѣтами», «скорошествоемъ яснозрителнаго ума» [лл. 310 об. — 311].

Бытовой уровень представляет собой риторический диалог с паствой, в котором

проповедник разъясняет необходимость издания новых книг. Здесь автор выбирает другую тактику воздействия – вместо высокой лексики, витиеватых выражений и светлых образов он использует просторечные формулировки, говоря от имени паствы: «Скверными си усты мнози гл(агол)ють: «Старець живя туне, сѣдя в кѣлии праздень, лѣнился Б(о)гу молитися дни кончая или тшеславяся, написаль книгу по своему мнѣнию, намъ на укоризну. А не доволно ли О(т)цы С(вя)тии и окромѣ его написали?» [л. 314]; и дает прямой ответ, обличая современных христиан в ослаблении разума: «Слыши, суетне, тебѣ ли великихъ О(те)ць писания разумѣти или псалмовъ силу знати? Яко н(е)бо от(ъ) земли отстоить, тако и премудрое О(те)ць писание от(ъ) разума твоего». [л. 314 об.]

Концепт духовного просвещения в размышлениях автора предстает в конкретном виде – это проповедническая и книгопечатная деятельность. Призыв к просвещению в проповеди звучит не только в сторону мирян — отмечается, что среди священнослужителей немало «с(вя)щенныхъ простяковъ и нѣвежь, слѣпыхъ вождевъ и корчемноназирател(ъ)» [9, л. 314]. В православных храмах устная проповедь вновь стала читаться к середине XVII века [2, с. 47], тогда же в России возникла необходимость в организации института образования [7], и к этому времени церковь осознавалась как единственный центр просвещения — обучение грамоте начиналось с чтения молитвенных книг, моральные установки транслировались через проповеди вместе с толкованием Священного Писания; школы при монастырях и церквях, Академии позволяли получить квалифицированное богословское образование для будущих священников. В связи с этим авторитетное проповедническое слово было не просто способом спасения души в будущем, но и возможностью получить знания о мире и о человеке.

Вторая часть проповеди, Слово 71, акцентирует внимание именно на земной жизни, обличая один из наиболее волнующих автора «мирских» грехов — пьянство, которому в «Статире» посвящено не менее 6 проповедей.

История социальной проблематики пьянства началась в середине XVI в., когда государь Иван Васильевич учредил кабаки как единственное место для употребления алкогольных напитков. Доход с кабаков поступал в казну, поэтому, несмотря на правила, должны регулировать происходящее в кабаках (продажа не более 1 чарки вина в одни руки, запрет на приближение питухов к кабакам), чрезмерное употребление алкоголя было выгодно кабацким управителям. К XVII в. кабацкий бизнес пережил множество реформ, пытающихся уравновесить потребление алкоголя и поток денег в казну, однако пьянство все более становилось общественной проблемой.

К теме неумеренного употребления алкоголя автор «Статире» подходит через продолжение толкования притчи о гадаринском бесноватом, говоря уже не о неблагодарности гадарян, а об их страхе. Здесь библейским ключом, выступает святоотеческое толкование Феофилакта Болгарского: «А еже попусти имъ Г(оспо)дь во стадо свиное внити не угождая имъ, но показуя, яко не имуть бѣси власти и надъ свиниями, и аще бы имъ попущено было, таковую бы пакость могли ч(е)л(о)в(е)комъ сотворити» [л. 316].

Особенность второй части Поучения в том, что притча, ставшая ключом первой части и имплицитно всей проповеди, здесь больше не упоминается. Однако использование в качестве второго библейского ключа толкование Феофилакта дополняет сложившуюся в первой части парадигму: «Гадаряне не приняли Христа из-за страха перед его силой, но бес не навредит без его повеления» — «Люди не принимают духовного просвещения, поскольку

не хотят избавляться от грехов, но напасть греха исходит от самого человека, а не от Бога». Обличение пьянства, делавшего невозможным спасение души, обретает новый поворот — к пониманию пьянства как проявления своеволия и богоборчества присоединяется ощущение богооставленности, поскольку в традиционной для обличительных проповедей о пьянстве паре «беснующийся»-«пьяница» здесь делается акцент на важности контроля Бога над бесами. Пьяница же не просто самовольно выбирает непристойное поведение, но и не может надеяться на помощь Бога, поскольку грех не является Божьим промыслом, в то время как про бесов Феофилакт говорит «да борющиеся съ ч(е)л(о)в(е)ки искуснѣшихъ сотворять, аще не быша супостаты, не быша и вѣнцы» [л. 316].

Толкование Феофилакта Болгарского, выбранное автором для проповеди, провозглашающей необходимость духовного просвещения, полисемантическая. С одной стороны, в нем используется топос сравнения пьяницы с беснующимся, связанный со своеволием и говорящий о невозможности даже поставить их в один ряд в преддверии вечной жизни. С другой — Феофилакт анализирует и внешние, земные проявления беснующегося, отмеченные в Евангелии: «Яко иже кто имать бѣсы в себѣ, се же есть бѣсовская дѣяннѣ творить: в ризу не облачится, си есть крещения и добродѣтели не имать; и в дому не пребываетъ, си есть въ Ц(е)ркви, недостоинъ бо есть входить въ Ц(е)рк(о)вь, но во гробѣхъ, еже мертвыхъ дѣль приималище, еже есть въ блудѣ и мытарствѣ, се бо гробы злобы суть, в них же живутъ грѣхлюбцы» [л. 316 об.]. Такая характеристика позволяет автору полностью уподобить пьяницу с бесноватым, основываясь на схожести поведения и, кроме того, метафорически осмыслить это поведение как отражение состояния души вслед за Феофилактом: «Нагъ бо всякия добродѣтели и пьяница: срама не имѣеть и Б(о)га не знаетъ, см(е)ртный часъ не поминает, Страшнаго Суда не трепещеть» [л. 316 об.].

Особый интерес представляет большое количество парафраз и библейских эпизодов, творчески переработанных автором и иллюстрирующих нравственное и социальное падение пьяницы: «Изъ усть его смрадь нестерпимъ исходитъ, бестудныя гл(агол)ы, яко бѣсящийся песь лаеть, плотию ослабленъ и самъ собою не владѣеть. Пьяница безвременно гл(аголе)тъ, тайны не сохраняетъ, разумъ и красоту погубляетъ» [л. 316 об.], «Бывшу вечеру очесемъ отверстымъ никого же видить, но простѣ и туне обносима, и у сретающихъ приражается, и паки блююща и растерзаема и от обнажаема бестудно. Аще и жена его будетъ или дщерь, или аще рабыня, или кто любо будетъ, вси посмѣются доволнѣ». [лл. 318 — 318 об.]

Так же как характеристика поведения бесноватого в библейском ключе второй части проповеди неразрывно связана с состоянием его души, описание бытового поведения пьяницы включает в себя переплетение телесных и душевных пороков: «Той же вышереченный Уч(и)т(ел)ь гл(аголе)тъ: «Аще толика тѣлесная, колика же паки д(у)шевная от(ъ) пьянства раждаются лихоимства, татбы, убийства, щапства, ярость, блуда насытъство, скверныя и нелѣпныя гл(агол)ы» [л. 317]. Пьянство определяется не только через телесные изменения, но и через повреждение души: «горестъ душамъ», «слѣпота души», «душепагубное», «душевредная страсть», «душа, аки во гробѣ, в тѣлеси». Для большей выразительности автор представляет душу в облике молодой девушки, желающей умереть, но не быть осверненной: «аще бы отроковице краснѣй и целомудрѣй, свободнѣй и бл(а)городнѣй, и добрѣй, чистоту любящей, а нѣкоего бы раба варварина студна и безобразна, и нечиста попустилъ бы кто на ню наскакати, стужати и досаждати на многое время, тогда бы девица восхотѣла наипаче умрети, нежели въ таковѣ наругании жити. Таково

есть и пьянство досаждаеть д(у)ши от(ъ) бесчисленных(ъ) подсмѣяний и укоризнь» [л. 318 об.].

Пьянство ощущается автором как главное препятствие на пути спасения души и будущей вечной жизни, поскольку становится причиной других грехов, уничтожает чистоту души и помрачает ум — «око души» [10]. Духовное просвещение же становится способом преодоления препятствий и ограждения себя от последствий пьянства: «Разумныхъ же дѣло есть, еже умъ возвысити къ Б(о)гу и в законѣ его поучатися д(е)нь и ношъ, и веселитися о законѣхъ Б(о)жиихъ, от(ъ) сихъ бо вѣчная радость приходитъ д(у)ши» [л. 317 об.].

Кроме содержания проповеди концепт духовного просвещения закладывается автором в организацию всего текста. 70 Слово призвано донести до паствы или до читателя важность священнического труда в составлении проповеди, необходимость в издании и чтении книг; следующее за ним 71 Слово наполнено авторизованными цитатами и множеством знакомых христианскому человеку эпизодов, заключавших в себе мысль о противоестественности пьянства, к которым подготовленный народ должен был прислушаться и убедиться в греховности такого поведения. Выбор греха пьянства в качестве конкретного примера необходимости внимать более образованным проповедникам и книжникам показывает не только масштаб употребления алкоголя, но и желание автора показать, почему искреннее внимание к проповедям, уважительное отношение к книгам необходимо пастве в социальном взаимодействии.

Поучение в неделю 23 публикуется впервые. Текст воспроизводится современным шрифтом. Вышедшие из употребления буквы славянского алфавита заменены современными: и десятеричное — и, омега — о, диграф оу — у, кси — кс, пси — пс, йотированное а и юс малый — я, фита — ф, йотированное е — е, ипсилон — и или в, юс большой — у, й пишется в соответствии с современным пониманием текста. Сохранены ъ, ѣ и ѥ, если они использованы автором рукописи. Титла раскрываются, пропущенные графемы вносятся в текст в круглых скобках. Выносные буквы вносятся в строку, но передаются курсивом. Пунктуация ориентирована на современные правила. Все исправления и дополнения указываются системой сносок. Редакторские исправления отмечаются в сносках. Указания на цитаты и парафразы приводятся в квадратных скобках курсивом.

Тексты публикуются по списку конца XVII в.: РГБ, собр. Румянцева № 411, лл. 310 об. — 319 об.

[л. 310 об.] Слово 70

Поучение в н(е)делю 23 по сошествии С(вя)т(а)го Д(у)ха

Яко уподобишася ц(е)рк(о)внии учителя пчелѣ люботруднѣй, и о зловѣрии гадарянь, и на укорителей новоизданных книг, яко горши пса¹

Обычай имуть во градѣхъ гостинницы многое потшание, еже странникомъ входящимъ всячески трапезу украшати и различными слѣстми брашна устроить, дабы входящихъ полнѣ домъ видѣти, и симъ бы многое придобытие собрати, дабы ся имъ обогатѣти.

Тако и ц(е)рк(о)внии учителя зѣлнѣйше тшание показываютъ, чтобы многословесную бесѣду восписати и с(е)рдца бы и д(у)ши слушателей усладити, дабы всегда полну

¹ В ркп на левом поле: сло(в)о 70.

Ц(е)рк(о)въ Хр(ис)т(о)ву вѣрныхъ видѣти, и *отъ* сихъ бы имъ велми въ добродѣтели обогатѣти.

Или яко винограда приставницы велми бл(а)гоискуствуютъ, чтобы вертоградъ благокрасными² и мироуханными наполнити цвѣтами³, дабы входящимъ г(оспо)диямъ изъ видѣния красоты цвѣтовъ веселитися и *отъ* бл(а)гоухания ихъ чувства обонятельныя наполнити.

Сице и д(у)х(о)внии дѣлатели винограда Хр(ис)т(о)ва благовременнѣ тшатся многообразннѣ ц(е)рк(о)въ украсити, яко рай бл(а)гоцвѣтѣушѣ показати.

Уподоблшеса пчелѣ многотруднѣй, яко она по полемъ облетающе с листвия древесъ и цвѣ || [л. 311] товѣ травныхъ не имѣющи покоя собираетъ⁴ снизходящую с высоты сладкую росу и сотворяетъ⁵ мѣдвяныя соты, ея же вкуса, что есть сладчае, но и та на мнозѣ ядома претворяются въ горестъ.

А еже ц(е)рк(о)внии учителя и философѣ прем(у)дрѣи скорошествоемъ яснозрителнаго си ума, д(е)нь и ношѣ не имѣюще покою, облетающе всю вселенную окружающе и вышнихъ касахуся, и самому Пр(е)ст(о)лу Вл(а)д(ы)чню. И *оттуду*⁶ приемлюще глубину прем(у)др(ос)ти Н(е)б(ес)но́й. И прочитовающе Писания Ветхая и Новая, и собирающе многообразныя цвѣты, составляюще полезная и сп(а)сеная словеса, сладчае меда и сота. Елико сихъ д(у)ша наслаждается, толико желаниемъ распаляется.

И сице украшаютъ трапѣзу д(у)шевную многообразными брашны, всѣхъ вкушающихъ могущу насыщати, и кождаго недугъ д(у)шевный целити. Невѣжѣ — бл(а)горазумеемъ, пьяницѣ — трезвѣниемъ, блудникѣвъ — целомудриемъ, чревообъятныхъ — воздержаниемъ, скупыхъ — милосердиемъ, завистливыхъ — братолюбиемъ, гневливыхъ — смиреніемъ, лукавыхъ — правдою, недужныхъ — терпѣниемъ, нищихъ утѣшаетъ и на н(е)б(е)сѣхъ богатство имѣти показуетъ.

И просто рещи: яко врачевница и странноприемни || [л. 311 об.] ца и цвѣтохранительница есть Ц(е)рк(о)въ, всѣхъ входящихъ насыщаетъ и утѣшаетъ, и на куюждо язву свой пластырь налагаетъ. Прочее же услышимъ *отъ* Ев(ан)г(е)лскихъ словесъ, яже показываетъ намъ днесъ б(о)гогласный Лука в зачалѣ 38, гл(агол)я сице: «Во время оно прииде Ии(су)сѣ во страну Гадаринску, яже есть обонъ пол⁷ Галилеи, изшедшу же Ему на землю, срѣте Его мужъ нѣкий *отъ* града, иже имяше бѣси *отъ* лѣтъ многихъ, и в ризу не облачашеся, и во храмѣ не живяше, но во гробѣхъ. Узрѣв Ии(су)са, возопивъ, припаде к нему и гласомъ велиимъ рече: «Что и мнѣ и Тебѣ, Ии(су)се, С(ы)не Б(о)га Вышнаго, молю Ти ся не мучи мене» [Лк. 8: 26–28], и прочая.

² Испр. автором, в ркп.: *благокрасними*.

³ В ркп. слово вписано автором на левом поле.

⁴ Испр. автором, в ркп.: *собираютъ*.

⁵ Испр. автором, в ркп.: *сотворяютъ*.

⁶ Испр., в ркп.: *оттуду*.

⁷ В ркп. вписано автором над строкой.

Азь же, любимицы мои, умыслихъ *от(ъ)* сих словесъ Ева(ан)г(е)лскихъ бесѣду сотворити, Хр(ис)та Милостива Б(о)га молю, да изженеть из моей д(у)ши темнаго демона неразумие и просвѣтит ми умъ свѣтомъ Бл(а)г(о)дати Своя, да ясно прогл(агол)ю о Его величествѣ.

Вам же молюся и прошу и самыхъ касающихся колѣнь, дадите ми о Г(оспо)дѣ послушание с пожданиемъ, ей истинну вамъ возвѣщаю и сп(а)сеная и полезная гл(агол)ю. Не бѣдите, молю, небл(а)годарни, онымъ уподоблшися гадаряномъ.

Егда бо Свѣтъ истинный, пришедый въ миръ, Спаситель Хр(ис)т(о)съ вниде во страны отечествия ихъ, изгнати тму злую, древня || [л. 312] го и превзятаго змия помраченную прелесть, иже ч(е)л(о)в(е)ковъ лстяше и образъ Б(о)жий въ ч(е)л(о)в(е)це созданнымъ терзаше. Егда бо узрѣ волкъ истиннаго пастыря, и збѣже, остави похищенную овцу. Не терпитъ гласа его слышати, не можетъ вѣчная тма свѣта н(е)б(ес)наго видѣти, утекаетъ леть *от(ъ)* истины, едва испроси себѣ искони убица стадо свиное на утопление.

Егда же пасущии видѣша погубление свиней, бѣжаша во градъ, возвѣстиша господиямъ бывшее. Они же, неразумнии и неблагодарнии, не разумѣша, яко бл(а)го содѣяти Хр(ис)тосъ, к нимъ прииде. Не прияша Пребл(а)гаго, изволиша себѣ см(е)рть, нежели животъ; тму возлюбиша, а свѣта истиннаго зрѣти не восхотѣша. И недостойни сами себе сотвориша присвоения Хр(ис)това. [Лк. 8: 30-37]

Лѣпо бѣ удивитися и вѣровати ему, они же изшедше въ срѣтение Хр(ис)ту, молиша его *отити от(ъ)* предѣль ихъ, бояхуся да не йну тшету постраждутъ, яко же и свиния погубиша [Феофилакт Болгарский, толкование на Евангелие от Луки [Лк. 8: 39]].

Оле послѣдняго безумия! Наипаче подѣбаше припасти ко Хр(ис)ту и умиленнѣ молити, дабы вшелъ во градъ ихъ и пребылъ у нихъ. Яко же иногда самаряне ни едино чудо видѣвше, но токмо *от(ъ)* жены бесѣдующия вѣроваша, и молиша Хр(ис)та всегда у нихъ пребыти⁸ [Ин. 4:40].

А они, небл(а)годарницы, сопротивно || [л. 312 об.] сихъ дѣют, прилѣжни тшатели о свинияхъ, а о д(у)ши своей нимало внимають, и Хр(ис)та Сп(а)с(ител)а *от(ъ)* предѣль своихъ *отсылають* и молятъ Его, дабы прешель *от(ъ)* предѣль ихъ.

Хр(ис)тосъ же оставляетъ ихъ, яко безумныхъ и злонравныхъ(ъ) во тмѣ невѣдения без⁹ свѣта правды, на пути заблуждения, всякаго беззакония без вожда истиннаго, въ гладѣ погибли бесъ хлѣба н(е)б(ес)наго, в жадѣ зноя без источника приснотекущаго, а они Б(о)га презрѣша да дияволу работати восхотѣша. По подобию древле небл(а)годарныхъ иудеовъ¹⁰ [Исх. 14]. Б(о)гъ же изводя ихъ из работы тяжкия на свободу обѣтования,

а они наипаче въ пленении и злой работѣ восхотѣша быти,
нежели въ свободѣ б(о)годарованнѣй жити,
мучителю фараону Египетскому ц(а)рю изволиша служити,
нежели Б(о)гу живу¹¹. Б(о)гъ питае ихъ н(е)б(ес)ною манною,

⁸ В ркп. на правом поле: Иоан(н) 4.

⁹ Испр., в ркп.: *бе*.

¹⁰ В ркп. на левом поле: Исход 14.

¹¹ В ркп. на левом поле: Исход 16.

а они бл(а)говония сладость отринуша,
да дияволь смрад восхотѣша,
а(н)г(е)л(с)кое брашно презрѣша,
да звѣриную пищу изволиша.
Манну возненавидяху,
да чеснока искаху
и свиныхъ мясь жадаху,
а на вожда своего Моисея роптаху,
да плачевное житие Египетское похваляху. [Исх. 16: 2-3]

Ибо многажды неблагодарнии и на бл(а)годѣтеля враждуютъ, яко ж(е) Сауль на¹² Д(а)в(и)да¹³, Он бо его от(ъ) нечистаго демона и || [л. 313] збавляше и от(ъ) пленения языческаго свобождаше всего И(зра)иля. Сауль же на него злобою дыша и без м(и)л(ос)ти гоняше, хотяше его без вины погубити. [1Цар. 19]

Тако же и Авесоломъ на Д(а)в(и)да ж(е) от(а)ца своего ратию возополчися¹⁴ [2 Цар. 17], жидове на пр(о)роковъ и на Хр(ис)та, языцы на ап(ос)т(о)ловъ, многажды враждуютъ невѣжди на прем(у)дрыхъ, грѣшницы на праведныхъ, чада на родителей, и вся неблагодарение превращаетъ: горная — долу поставляетъ¹⁵.

И полезнаго не вѣсть, правды не знаетъ, от(ъ) Сп(а)сенаго лице отвращаетъ. Хр(ис)тосъ пришед къ гадаряномъ, нося миръ и Бл(а)гословение, свѣтъ и животъ, и познание Б(о)га, а они от(ъ) свѣта утекаютъ и во тму бѣжатъ вѣчной погибели.

Не мѡлятъ во град(ъ) ихъ внити, недужныя исцелити, свѣтомъ бл(а)горазумия д(у)ши ихъ просвѣтити, въ познание истинны привести, но паче боятся Хр(ис)та во град(ъ) прияти. А мнѣ мнится, боятся же неблагодарницы и изгнати, чтобы иное яковое зло не пострадати, или изгнания ради, или приятия дѣля, сихъ ради мѡлятъ, дабы прешель от(ъ) нихъ.

Ибо и н(ы)нѣ много таковыхъ неблагодарныхъ на показующаго правды свѣтъ и возвѣщающаго животъ, иже кто гл(аго)летъ правду, хотя насъ свободити от(ъ) грѣха обличая неправды, тогда и мы таковы же небл(а)годарни на бл(а)годѣтеля являемся, || [л. 313 об.] яко жидове на Хр(ис)та или идолопоклонницы на ап(ос)т(о)ловъ. Они бо имъ возвѣщали свѣтъ и животъ, свобождение от(ъ) работы вражия. Погании же неблагодарницы, за то ихъ изгнаниемъ осудиша и камениемъ побивали, и различными муками см(е)рти прѣдали, и многимъ бѣдамъ и напастемъ.

Мнози бо и н(ы)нѣ бл(а)годѣтели, якоже учителя ц(е)рк(о)внии по вышереченному слову д(е)нь и ношь труждаются в читании книжномъ и размышлении, и издаютъ сладкия бесѣды, сладчае меда и сота, услаждающе слухи ваша, возвѣщаютъ тайну премудрости, гл(агол)юще словеса сп(а)сена.

¹² Вписано автором над строкой.

¹³ В ркп. на левом поле: 1 Ц(а)р(с)тво 19.

¹⁴ В ркп. на правом поле: 2 Ц(а)р(с)тво 17.

¹⁵ В ркп. на правом поле: Кирил(л) Ставромен(ийский).

Вы же, неблагодарницы, *от(ъ)* сихъ лице свое *отвращаете* и слуха своя затыкаете¹⁶, а словеса ихъ честнѣйшая и дражайшая, паче злата и камений многоценныхъ под ноги своя пометаєте, и яко свинии попираете, труды с(вя)тыхъ мужей нивочто вменяете, и гл(агол)ы ихъ сладчайшия за желчь себѣ приемлете, и врачевания д(у)х(о)вная за суровѣй бичъ вменяете, а Писание С(вя)тое за сонъ и за басни, и за глумы.

Скверными си усты мнози гл(агол)юуть: «Старець живя туне, сѣдя в кѣлии празденъ, лѣнился Б(о)гу молитися дни кончая или тшеславяся, написалъ книгу по своему мнѣнию, намъ на укоризну. А не до || [л. 314] волно ли О(т)цы С(вя)тии и окромѣ его написали?» И тако с поруганиемъ гл(агол)юуще трудолюбныхъ и С(вя)тыхъ мужей хухнають, *от(ъ)* истинны слухъ *отвращаютъ*

Увы мнѣ, окаянному, вся сия н(ы)нѣ збысться во времена сия рыдателная. И много таковыхъ ругателей и хулниковъ, не токмо *от(ъ)* простыхъ, но и *от(ъ)* с(вя)щенныхъ простяковъ и нѣвежъ, слѣпыхъ вождевъ и корчемноназирател(ъ) зрятъ очи мои. Но разумѣй, о безумный лаятелю, то правду гл(аголе)ши, яко довольно О(т)цы С(вя)тии древле написаша, да и н(ы)нѣ не той же разум О(те)ць С(вя)тыхъ. Трудолюбнии мужие издають и пред(ъ) темная твоя очеса предлагаютъ, сходя твоей грубости и немощи. Ея же ты пици за твердость гнилыми си зубы вкусити не можешъ, аки мл(а)д(ене)ць орѣха въ корѣ не приемлешъ, а самъ того дѣля гладомъ погибаешъ, жажду таешъ, а кислаго испити не можешъ [ни за твердость, ни за горестъ гл(агол)ю, но за высоту разума]¹⁷.

Тогда они видятъ твое лишение и изнемогание, и твердую пищу в мягкость преложиши, а терпкое усладиши, дабы ты не погиблъ вѣчнымъ гладомъ, неможѣния ради твоего.

О младенче,
твердая пици прияти не можешъ,
а млеком ся питати не хочешъ || [л. 314 об.].

Слыши, суетне, тебѣ ли великихъ О(те)ць писания разумѣти или псалмовъ силу знати? Яко н(е)бо *от(ъ)* земли *отстоитъ*, тако и премудрое О(те)ць писание *от(ъ)* разума твоего.

Они бо, О(т)цы С(вя)тии, древле писаша высокою б(о)гословиею и премудрою философіею. Тогда был род хр(ис)тианский въ вѣре прилѣженъ и все были люди ученыя бл(а)горазумныя, аще не превысоким(ъ) разумомъ, то имъ не красна бесѣда являлася.

Тогда приходили на вѣру Хр(ис)т(о)ву еретицы, и еллинстии филосóфи прем(у)дрии, удивляющися О(те)ць премудрости и разуму ихъ, вѣроваша во Хр(ис)та и крестишася. А ты бы протѣву ихъ былъ, аки рыба безъгласная, или аки мертвъ и нечувственъ, или яко агне(ц) худо(й)¹⁸ протѣву лва свирѣпа являлася.

И сего ради н(ы)нѣ б(о)гоработнии мужи, ихъ о(т)ческий высокий разумъ и многоплетенное витийство прекладаху кратчае и яснѣйши по твоему темному уму, угождающе вамъ, свободити хотяще *от(ъ)* погибели вѣчныя.

А вы за сия на нихъ гнѣваетесь и зубы своими скрежете, и въ злобныхъ си с(е)рдцахъ

¹⁶ В ркп. на левом поле: *Кирил(л) Ставром(енийский)*.

¹⁷ Заключено в квадратные скобки автором.

¹⁸ Испр., в ркп.: *агне худо*.

ка́мение мешете на бл(а)годателя, и проклинаете сихъ, иже вамъ вѣчное бл(а)гословение подаютъ.

Поистинне правду гл(агол)ю, сего ради не хотятъ || [л. 315] послушати, уподоблшесе онымъ гадаряномъ.

Онии бо, чтобы имъ иное¹⁹ зло *от(ъ)* пришествия Хр(ис)т(о)ва не пострадати, а сии, чтобы имъ грѣховъ не *отстати* и по своей бы воли во всякомъ нечестии ходити.

Ибо гадаряне бояхуся изгнати Хр(ис)та ис предѣль своихъ тшетѣ ради, тако и н(ы)нѣ, аще не бы ц(а)р(с)кая пресвѣтлая рука страхомъ одержала, то бы невозможно истинному учителю посреди ц(е)ркви быти, всѣ бы были ка́мениемъ побиты и неправедно изгнаны.

Ибо с(вя)тый Златоустый таковыхъ неблагодарниковъ горши пса²⁰ уподобляетъ, гл(агол)я²¹: «Достоить ти бл(а)г(о)дарити Б(о)га, благословенъ Б(о)гъ, яко превель мя еси ис тмы на свѣтъ и просвѣтилъ мя еси познаниемъ Истинны, и сподобилъ мя еси бл(а)гихъ Твоихъ слышати и насладитися.

Ты же яко нѣкий песь бесчестенъ, не воспоминаеши Бл(а)годѣтеля, сатанинская гудения и бѣсовская позорища, скомраховы басни и скверныя пѣсни прилеженъ видѣти и слышати. А сп(а)сеная и полезная д(у)шамъ тяжка вменяете и гнушаете. Худши есте псовъ: пси бо приемиши и не приемиши ласкают(ъ) и служатъ г(оспо)диямъ своимъ. Аще коль бываетъ бл(а)годѣтелствованъ от(ъ) чюждаго, не престаеъ к нему враждуя, ниже привлечитъ на дружбу²². || [л. 315 об.]

Ты же и безчисленная злая, страждеши *от(ъ)* бѣсовъ, а тѣхъ на обѣдъ вводиши и имъ благодѣтель бываеши, нежели Хр(ис)ту и рабомъ его. Скомраховъ питаеши и благодариши, а слугъ Б(о)жиихъ не токмо в домъ и на трапѣзу вводиши, но и всячески укоряеши ихъ. Тѣмъ же горши еси пса²³ сугубо». [*И. Златоуст. Толкование на послания к Колоссянам, беседа 1, 5*]

Добрѣ нарекъ великий учитель неблагодарныхъ²⁴ псовъ²⁵ злейши.

Устыдитесь, молю, *от(ъ)* сего порицания и престаните *от(ъ)* злаго начинания. Повинуйтесь наставникомъ вашимъ и воздайте имъ бл(а)годѣянне, за добрая ихъ и сп(а)сеная²⁶ дѣянния, вся бо они содѣвають къ нашей ползѣ, желающе нашего сп(а)сения.

РГБ, собр. Румянцева № 411, лл. 310 об. – 315 об.

¹⁹ Испр. автором на правом поле, изначально: *чтобы иное*.

²⁰ В ркп. «пса» написано через ψ (пси).

²¹ В ркп. на правом поле: *к коласаемъ нрав(оучение) 1*.

²² В ркп. на правом поле: *той же учител(ь)*.

²³ В ркп. «пса» написано через ψ (пси).

²⁴ Испр. автором, изначально: *неблагодарнаго*.

²⁵ В ркп. «псовъ» написано через ψ (пси).

²⁶ Испр. автором на левом поле, изначально: *Сн(а)се*.

[л. 315 об.] Слово 71. Часть вторая того же слова

**Яко бѣсове не имуть власти, что намъ сотворити, аще имъ Б(о)гъ не попуститъ, и на
пияницъ, яко нѣсть сихъ(ъ) живота окаяннѣе горши бѣснующагося²⁷**

Но и еще ми возлюбленнии, потерпите, хотящу нѣчто отъ Ев(ан)г(е)лскихъ словесъ побесѣдовати и бѣсовскую злобу показати. Аще и золь губитель, но не имать власти, никоего намъ зла сотворити, ниже над бесловеснымъ скотомъ, аще не предасть ему кого Г(оспо)дь на мучение и погубление грѣхъ ради.

Зрите же бестудие и дерзновение демона, яко же || [л. 316] блаженный Феофилактъ гл(аголе)тъ: «Еже рече демонъ «Что мнѣ и тебѣ» — дерзости и бестудия есть, а еже «Молю тя» — боящагося есть. Живяще же во гробѣхъ, прелшая ч(е)л(о)в(е)ковъ(ъ) и лукавое непшевание въложити хотяше, яко д(у)ши умершихъ бѣси бываютъ. Молят же бѣсове не внити имъ въ бездну» [*Феофилакт Болгарский, толкование на Евангелие от Луки (Лк. 8: 27-31)*]. Се вѣдите, яко есть мука имъ уготована и всѣмъ грѣшникомъ и еретикомъ, и невѣрнымъ. Аще кто симъ не вѣруетъ, такового отсылаемъ до пятой н(е)д(е)ли по сошествии С(вя)т(а)го Д(у)ха, тамо доволный разумъ обрящеши мугущий тя увѣрити.

А еже попусти имъ Г(оспо)дь во стадо свиное внити не угождая имъ, но показуя, яко не имуть бѣси власти и надъ свиньями, и аще бы имъ попущено было, такуюю бы пакость могли ч(е)л(о)в(е)комъ сотворити, яко бы и всю вселенную во единомъ бы часѣ погубили. И да познаетъ ч(е)л(о)в(е)къ той, из него же бѣси изыдоша, отъ(ъ) яковой его погибели Хр(ис)тосъ избавилъ. Попусти же Г(оспо)дь на земли еще имъ быти, яко да борющеся съ ч(е)л(о)в(е)ки искуснѣшихъ сотворять, аще не быша супостаты, не быша и вѣнцы [*Феофилакт Болгарский, толкование на Евангелие от Луки [Лк. 8: 33]*]. Иный разум полагаетъ здѣ той же бл(а)женный Феофилактъ: «Яко иже кто имать бѣсы || [л. 316 об.] в себѣ, се же есть бѣсовская дѣяннѣя творить: в ризу не облачится, си есть крещения и добродѣтели не имать; и в дому не пребываетъ, си есть въ Ц(е)рк(о)ви, недостойнъ бо есть входить въ Ц(е)рк(о)вь, но во гробѣхъ, еже мертвыхъ дѣль приималише, еже есть въ блудѣ и мытарствѣ, се бо гробы злобы суть, в них же живутъ грѣхлюбцы» [*Феофилакт Болгарский, толкование на Евангелие от Луки (Лк. 8: 33)*]. До здѣ бл(а)женный бесѣдова.

Мы же, возлюбленнии мои, по вся дни зрящи и рассуждающе ничимъ же разнствуетъ пияница отъ(ъ) бѣсящагося. Нагъ бо всякия добродѣтели и пияница: срама не имѣетъ и Б(о)га не знаетъ, см(е)ртный часъ не поминаетъ, Страшнаго Суда не трепещетъ.

И что есть нечистѣйши и мерзостнѣйши ч(е)л(о)в(е)ка пиянаго.²⁸ Изъ усть его смрадъ нестерпимъ исходитъ, бестудныя гл(аголы), яко бѣсящийся песь лаеетъ, плотию ослабленъ и самъ собою не владѣетъ. Пияница безвременно гл(аголе)тъ, тайны не сохраняетъ, разумъ и красоту погубляетъ. Аще худая пища здравие подаетъ и на Н(е)бо посылаетъ, Бл(а)го явленно, яко и многое брашно и питье во адъ сводитъ и бесчисленныя недуги раждаетъ [*Тропник Иннокентия, Папы Римского. Глава 47 О пьянстве*].

Пьянство есть мати недуга, бѣдамъ начало, колики раждаетъ страсти, иже превосходятъ

²⁷ В ркп. на левом поле: слово 71.

²⁸ В ркп. на левом поле: *Инокентий папа Римский*.

врачевскую хитрость. Их же С(вя)тый Златоустъ || [л. 317] исчитаетъ²⁹: ибо ногоболѣние, и главоотяжестие, и окоболѣние, и рукоболѣние, и трясение, и раслабление, и жалтяница, и огницы долзии и зной, и ина вящая раждаются от(ъ) пьянства и от(ъ) объядения [Иоанн Златоуст, беседы на Евангелие от Иоанна Богослова, беседа 22, 3]. Нѣсть бо ми н(ы)нѣ сихъ время изреши.

Той же въшереченный Уч(и)т(ел)ъ гл(аголе)тъ³⁰: «Аще толика тѣлесная, колика же паки д(у)шевная от(ъ) пьянства раждаются лихоимства, татбы, убийства, шапѣства, ярость, блуда несытъство, скверныя и нелѣпныя гл(агол)ы [Иоанн Златоуст, беседы на Евангелие от Иоанна Богослова, беседа 22, 3].

Ибо и Сп(а)ситель³¹ нашъ Хр(ис)тосъ, хотя от(ъ) сего свободити, заповѣдаетъ: «Блюдитесь, да не будутъ с(е)рдца ваша отягъчена объядениемъ и пьянствомъ, и печалми житейскими» [Лк. 21:34]. Ап(ос)т(о)ль гл(аголе)тъ: «Не упивайтесь виномъ, в нем же есть блудъ» [Ефес. 5:18]. Велегласный³² Исаия: «Горе востающимъ заутра, гонящимъ сикера, ждущимъ вечера, вино бо сожжетъ ея. С гуслими бо и прегудницами, и тимпаны, и свирѣлми вино пиющее, а дѣль Г(оспо)днихъ не вѣдят(ъ) и дѣлесь руку Его не сматряють» [Ис. 5:11-12]. Убо пленени быша дияволомъ, а Г(оспо)да своего не познаша, въдаша себе объядению и пьянству, въ чревшую работу и вмѣниша чрево свое въместо Б(о)га злымъ своимъ произволениемъ.³³

Сирахъ гл(аголе)тъ³⁴: «въ винѣ не мужайся, многи бо погуби вино. Пешъ искушаетъ желѣзо в ка || [л. 317 об.] лении, тако же и с(е)рдце вино въ сварѣ гордыхъ. Равно животу ч(е)л(о)в(е)ческому вино, аще пиешы е въ мѣру его. Кий животъ уморяющему ся виномъ? Сие бо на веселие ч(е)л(о)в(е)комъ создано есть. Вино пиваемо во время — радование с(е)рдца и веселие д(у)ши, горестъ д(у)шамъ — много вино пиваемо, со гнѣвомъ и клеветою, умножает(ъ) ярость безумнаго. Пьянство на претыкание умаляя крѣпость и притворяя струпия» [Сир. 31:29-35].

Еже бо ясти много и пити, упиватися и лежати, се не ч(е)л(о)в(е)ческое житие, но свинское бесловесныхъ и неразумныхъ скотовъ³⁵. Разумныхъ же дѣло есть, еже умъ возвысити къ Б(о)гу и в законѣ Его поучатися д(е)нь и ношъ³⁶ [Пс. 1:2], и веселитися о законѣхъ Б(о)жихъ от(ъ) сихъ бо вѣчная радость приходитъ д(у)ши.

От(ъ) многоядения же и пьянства печаль с(е)рдцу, помрачение ума, слѣпота д(у)ши и зяблость и недугъ тѣлу. От(ъ) объядения и пьянства мнози приидоша въ погибель и

²⁹ В ркп. на правом поле: на Б(о)гос(лова Иоанна) нрав(оучение) 22.

³⁰ В ркп. на правом поле: то же нрав(оучение).

³¹ В ркп. на правом поле: Лук(а) гл(а)в(а) 21.

³² В ркп. на правом поле: Исаия глава 5.

³³ В ркп. на правом поле: Бога.

³⁴ В ркп. на правом поле: Сирах гл(а)в(а) 31.

³⁵ В ркп. на левом поле: Кирил(л) Став(роменийский).

³⁶ В ркп. на левом поле: Псал(ом) 1.

подсмѣяние. Лоть со дшѣрями грѣхъ сотвори³⁷ [Быт. 19:32-36]. Самсонъ³⁸ от(ъ) иноплеменникъ поругася³⁹ [Суд. 16], Олофернъ от(ъ) жены обезглавися⁴⁰ [Иудифь 13:2-8], Объядения ради грады Содомския погибоша внезапнымъ превращениемъ [Быт. 19:24-25], яко Пр(о)р(о)къ гл(аголе)тъ⁴¹: «Содома и Гомора погиге в гордости, во умножении хлѣба и вина» [Иез. 16:49]. И на пусты || [л. 318] ни люди И(зра)ильтеския востаха ясти и пити⁴², и посемъ играти, и во многомъ ядѣнии согрѣшиша [Исх. 32:6], и за то погибоша см(е)ртию от(ъ) меча внезапу три тысящи. Оле злое насыщение и всепагубное несытое чрево!⁴³ Иже зѣло честныя приемлетъ брашна и бл(а)гоуханная пития, но въ смрадь претворяетъ и неподобныя скверныя отрыгаетъ [Тропник Иннокентия, Папы Римского. Глава 47 О пьянстве]. Оле невоздержания страсть сластолюбия! Якова твоя дерзость, ибо несытство рай заключи⁴⁴ [Быт. 3:6], ею же Исавъ первенство свое погуби⁴⁵ [Быт. 25:30-33].

Ибо н(ы)нѣ мнози объядениемъ и пьянствомъ честь своего бл(а)городия погубляют и в срамотѣ и бесчестии дни своя изживаютъ и вѣчною пагубою погибаютъ. Многихъ бо пия(н)ство⁴⁶ н(ы)нѣ помрачило и равно с м(е)ртвыми положило не на одрѣ, но въ Геенѣ. Еже вдати себе объядению и пьянству, мука есть паче, нежели веселие.

Немнѣ бо глада растлѣваетъ намъ тѣло насыщение⁴⁷ и болѣзнь раждаетъ. Аще вдаси тѣло свое пьянству и объядению, удобѣе того растерзаетъ пища, нежели гладь. Зане глада нѣкто убо и чрезъ двадесять дней претерпѣтъ, а насыщения ниже два дни [Иоанн Златоуст, Толкование на послание к Колоссянам, беседа 1, 5].

Узримъ, братия, сушаго от(ъ) вина бѣснующася⁴⁸. Бывшу вечеру очесѣмъ отверстымъ никого же видить, но простѣ и туне обносима, и у сретающихъ приражается, и паки блююща и растерзаема || [л. 318 об.] и от обнажаема бестудно. Аще и жена его будетъ или дщерь, или аще и рабыня, или кто любо будетъ, вси посмѣются доволнѣ [Иоанн Златоуст, Толкование на послание к Римлянам, беседа 13].

Видиши ли паче бѣснующагося пияница есть: оный бо милуемъ есть, сей же ненавидимъ

³⁷ В ркп. на левом поле: *Быт(ия) 19*.

³⁸ Испр., в ркп.: *Самсонъ*.

³⁹ В ркп. на левом поле: *Судей 16*.

⁴⁰ В ркп. на левом поле: *Иудиф(ь) 3*.

⁴¹ В ркп. на левом поле: *Езекииль 16*.

⁴² В ркп. на правом поле: *Исход 32*.

⁴³ В ркп. на правом поле: *Инокен(тий) пап(а) Рим(ский)*.

⁴⁴ В ркп. на правом поле: *Быт(ия) 3*.

⁴⁵ В ркп. на правом поле: *Быт(ия) 25*.

⁴⁶ Испр., в ркп. *пия, ство* вынесено автором на правое поле.

⁴⁷ В ркп. на правом поле: *Злат(оуст) къ коласаем нрав(оучение) 1*.

⁴⁸ В ркп. на правом поле: *той ж к рим(лянам) нрав(оучение) 13*.

и подсмѣваемъ [*Иоанн Златоуст, Толкование на Матфея, беседа 57,4*], но и прежде см(е)рти мертвъ упивающийся и горши мертваго, и бѣсящагося окаяннѣйши. Сей бо и в досаждении прощение получаетъ, сей же муку приемлетъ, ибо пьяница от(ъ) внутрь недугуетъ, от вне посмѣяние терпѣть. А внутрь его согнилую слѣну имѣя и виномъ дыхая смердящимъ, яко от(ъ) калнаго исхода. А окаяннѣй его д(у)ша, аки во гробѣ, въ тѣлесі⁴⁹ пьяницы закопаемой.

По подобію сему: аще бы отроковице краснѣй и целомудрѣй, свободнѣй и бл(а)городнѣй, и добрѣй, чистоту любящей а нѣкоего бы раба вѣрварина студна и безобразна, и нечиста попустилъ бы кто на ню наскакати, стужати и досаждати на многое время, тогда бы девица восхотѣла наипаче умрети, нежели въ таковѣ наруганіи жити.

Таково есть и пьянство досаждаетъ д(у)ши от(ъ) бесчисленных(ъ) подсмѣяній и укоризнѣ, аще мало когда и истрезвится, тогда наипаче увидитъ болшихъ оглагольниковъ: рабомъ ропшущимъ, и же || [л. 319] ны срамляющимся, и другомъ осуждающимъ, врагомъ подсмѣявающимся. И что сего умиленнѣе будетъ живота, на всякъ д(е)нь посмѣяватися от(ъ) всѣхъ, а въ вечеръ таяждо бестудствовати [*Иоанн Златоуст, Толкование на послание к Римлянам, беседа 13*]. А ношь, аки мертву, на одрѣ лежати, и когда будетъ покой имѣти таковой?

Увы прелести дияволи и художества ловитвенна хр(ис)тианомъ на пагубу. Кого симъ не пленяетъ? От(ъ) старца и до юноши, от(ъ) великихъ и до малыхъ, от(ъ) господіи и до раба, от(ъ) богатаго и до нищаго, от(ъ) великороднаго и худороднаго, от(ъ) архиерея и до вратаря.

Вси⁵⁰ вдашася пьянству д(у)шепагубному, веселию непотребному. Люто бо, любимицы, пьянство, и зѣло люто, поистиннѣ ремество дияволе на пагубу д(у)шѣ ч(е)л(о)в(е)ческихъ.

Симъ бо многихъ погубилъ
и под(ъ) свое иго покорилъ,
от(ъ) Б(о)га насъ разлучаетъ
и горкою смертию кончаетъ,
и въ послѣднюю нищету сводить.

Яко же иногда богатаго⁵¹, иже веселяся на всякъ д(е)нь свѣтло, послѣди взалка единой капли воды студеной, и того не получи [*Лк. 16:19-26*].

Сия убо вѣдуще, братія, исторгнемъ от(ъ) себе сию д(у)шевредную страсть, иже на всякий бесчинный видъ приводитъ. Бѣжимъ от(ъ) проклятаго пьянства к трезвѣнню, от(ъ) многоядѣнія къ воздержанію. Да вѣчныя нищеты || [л. 319 об.] убѣжимъ и нестерпимыя жажды свободимся, да восприимемъ мѣста прохладная, мѣста свѣтлая и нѣдро Авраамле и некончаемая Бл(а)гая и Ц(а)р(с)твия Н(е)б(ес)наго наслѣдницы будемъ, ихъ же сподобитъ насъ Хр(ис)тосъ Сп(а)ситель нашъ получить, идѣже Онъ ц(а)р(с)твуетъ со О(т)цемъ и со

⁴⁹ Испр. автором, изначально: *телеси*.

⁵⁰ Испр. автором на правом поле, изначально: *всѣ*.

⁵¹ В ркп. на правом поле: *Лук(а) глав(а) 16*.

С(вя)тымъ Д(у)хом въ неприступнѣй славѣ Б(о)ж(ес)тва *от(ъ)* всего⁵² азѣика А(н)г(е)льскаго сла́вимый и *от(ъ)* всѣхъ С(вя)тыхъ покланяемый во бесконечныя вѣки. Аминь.

РГБ, собр. Румянцева № 411, лл. 315 об. — 319 об.

Литература

1. Алгави Л. Русское барокко конца XVII века (на материале литературы и публицистики): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 1996. М. 27 с.
2. Ветелев А. История проповедничества Русской православной церкви. 2006. Сергиев Посад. 128 с.
3. Востоков А.Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. 1842. СПб. 903 с.
4. Галятовский И. Ключ разумения. / И. Галятовский. 1659. Киев: Тип. Киево-Печерской лавры. 253 л.
5. Знаменский П.В. Руководство к русской церковной истории / сост. П. Знаменский. — 2-е изд., испр. и доп. 1876. Казань: Унив. тип. [2], VI с., 482 с.
6. Зубов А.Б. Циклы русской истории / А.Б. Зубов // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2006. № 1. С. 5-12.
7. Налетова Н.Ю. Православное просвещение в России в период трансформации (XVII в.) / Н.Ю. Налетова // Вестник ПСТГУ IV: Психология. Педагогика. 2011. Вып. 1 (20). С. 53-58.
8. Пиккио Риккардо. Slavia Orthodoxa: Литература и язык / отв. ред. Н.Н. Запольская, В.В. Калугин; ред. М.М. Сокольская; предисл. В.В. Калугина. 2003. М.: Знак. 703 с.
9. Сборник слов и поучений «Статир» // Отдел рукописей РГБ. Собр. Румянцева. Ф. 256, № 411. 815 л.
10. Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Книга 2 [Электронный ресурс] // URL: http://www.orthlib.ru/John_of_Damascus/vera2_12.html (дата обращения: 07.01.2023).
11. Соболева Л.С. Сборник проповедей XVII века «Статир»: сакральные образы и автор. 2022. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 314 с.: илл. ISBN: 978-5-7996-3615-9

References

1. Algavi L. Russkoe barokko kontsa XVII veka (na materiale literatury i publitsistiki): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. 1996. Moscow. 27 p. (In Russ.).
2. Vetelev A. Istoriya propovednichestva Russkoi pravoslavnoi tserkvi. 2006. Sergiev Posad. 128 p. (In Russ.).
3. Vostokov A.Kh. Opisanie russkikh i slovenskikh rukopisei Rumyantsevskogo muzeuma. 1842. Saint Petersburg. 903 p. (In Russ.).
4. Galyatovskii I. Klyuch razumeniya. / I. Galyatovskii. 1659. Kiev: Tip. Киево-Печерскоi lavry. 253 l. (In Russ.).
5. Znamenskii P.V. Rukovodstvo k russkoi tserkovnoi istorii / sost. P. Znamenskii. — 2-e izd., ispr. i dop. 1876. Kazan': Univ. tip. [2], VI p., 482 p. (In Russ.).
6. Zubov A.B. Tsikly russkoi istorii / A.B. Zubov // Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki). 2006. № 1, pp. 5-12 (In Russ.).
7. Naletova N.Yu. Pravoslavnoe prosveshchenie v Rossii v period transformatsii (XVII v.) /

⁵² Испр., в ркп.: *вего*.

Соболева Л.С., Калинина А.Д.
Духовное просвещение и благочестие в проповеди
конца XVII века
Язык и текст. 2023. Том 10. № 4. С. 81–98.

Soboleva L.S., Kalinina A.D.
Spiritual Enlightenment and Piety in Late 17th Century
Preaching
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 4, pp. 81–98.

N.Yu. Naletova // Vestnik PSTGU IV: Psikhologiya. Pedagogika. 2011. Vyp. 1 (20), pp. 53-58 (In Russ.).

8. Pikkio Rikkardo. Slavia Orthodoxa: Literatura i yazyk / otv. red. N.N. Zapol'skaya, V.V. Kalugin; red. M.M. Sokol'skaya; predisl. V.V. Kalugina. 2003. Moscow: Znak. 703 p. (In Russ.).

9. Sbornik slov i pouchenii «Statir» // Otdel rukopisei RGB. Sobr. Rumyantseva. F. 256, № 411. 815 l. (In Russ.).

10. Sv. Ioann Damaskin. Tochnoe izlozhenie pravoslavnoi very. Kniga 2 [Elektronnyi resurs] // Available at: http://www.orthlib.ru/John_of_Damascus/vera2_12.html (Accessed: 07.01.2023) (In Russ.).

11. Soboleva L.S. Sbornik propovedei XVII veka «Statir»: sakral'nye obrazy i avtor. 2022. Ekaterinburg: Publ. Ural. un-ta. 314 p.: ill. ISBN: 978-5-7996-3615-9 (In Russ.).

Информация об авторах

Соболева Лариса Степановна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы департамента «Филологический факультет», Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0694-6687>, e-mail: l.s.soboleva@mail.ru

Калинина Алена Денисовна, магистрант департамента «Филологический факультет», Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8970-1588>, e-mail: fktyrf@gmail.com

Information about the authors

Larisa S. Soboleva, Doctor in Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0694-6687>, e-mail: l.s.soboleva@mail.ru

Alena D. Kalinina, MA student, Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8970-1588>, e-mail: fktyrf@gmail.com

Получена 01.12.2023

Принята в печать 15.12.2023

Received 01.12.2023

Accepted 15.12.2023

Князь перед кончиной: «Даю ряд сыном своим и своей княгини...»

Конявская Е.Л.

Институт Российской истории РАН, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8960-9837>, e-mail: ekonyavskaya@gmail.com

В статье рассмотрены летописные тексты и завещания князей, раскрывающие их попечение о будущем семьи и рода. Показана важная роль княгинь в разрешении семейных споров, попечении о сохранении вотчин сыновей после смерти супруга.

Ключевые слова: семья и род, забота о будущем, княжеские завещания, княгини.

Финансирование: Работа подготовлена в рамках проекта РНФ № 19-18-00247-П «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)».

Для цитаты: Конявская Е.Л. Князь перед кончиной: «Даю ряд сыном своим и своей княгини...» [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 4. С. 99–106. DOI:10.17759/langt.2023100408

Prince Ante Mortem: «I Give a Last Will to My Sons and My Princess»

Elena L. Konyavskaya

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8960-9837>, e-mail: ekonyavskaya@gmail.com

The article considers annalistic texts and wills of princes, revealing their care about their families' and clans' future. The important role of princesses in solving family disputes, caring for the preservation of sons' fiefdoms after a spouse's death is shown.

Keywords: family and clan, care about future, wills of princes, princesses.

Funding: The article was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 19-18-00247-P «The Court of Russian Princesses in the System of Power Structures of Ancient Russia and Western Europe during the Middle Ages and Early Modern Times (11-16 Centuries)».

For citation: Konyavskaya E.L. Prince Ante Mortem: «I Give a Last Will to My Sons and My Princess». *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 4, pp. 99–106. DOI:10.17759/langt.2023100408 (In Russ.).

Завещания князей — документы, в которых чаще, чем в других, и с большим разнообразием представлена информация, касающаяся забот князей о благополучии своих потомков.

Завещание — «ряд», который дается князем детям и супруге. Завещатель старался не только обеспечить своих потомков и будущую вдову материально, но и считал своим долгом предусмотреть соблюдение в своей семье определенного порядка, предотвратить распри и вражду.

Сохранность древнерусских актов не позволяет в полной мере обратиться к документам до начала XIV в. Мы располагаем только летописным материалом. Ростислав Мстиславич незадолго до смерти признается, что его помыслы о пострижении в Киево-Печерском монастыре были связаны с обстоятельствами смерти его союзника и свата Святослава Ольговича Черниговского. Последний, видимо, не оставил завещания, и после его смерти в Чернигове развилась опасная интрига, в которую были вовлечены его вдова «с мужи княза своего с передними», тысяцкий Юрий и епископ Антоний. Они решили не сообщать Святославу Всеволодичу о смерти дяди, пока в город не въедет Олег Святославич, сын умершего князя. Целование нарушил Антоний, послав весть Святославу. Но, к счастью, двоюродные братья сумели договориться миром. По-видимому, сам Ростислав завещание составил, поскольку после его смерти никаких конфликтов и проблем с замещением смоленского стола не возникло. Определенно говорится в Ипатьевской летописи и о завещаниях его сыновей — Мстислава и Давыда. Данные о содержании этих завещаний крайне скудны. Однако очевидно, что обоих братьев волновало будущее их детей. Мстислав умер молодым и должен был отдать распоряжение о несовершеннолетних детях. Сына Владимира он оставляет на попечение боярина Бориса Захарьича, верно служившему еще его отцу. Но при этом его дальнейшее судьба и распоряжение до определенного времени завещаемой сыну «волости» в руках братьев Мстислава — Рюрика и Давыда. Видимо, он отдал распоряжения и о других сыновьях, поскольку далее сообщается, что он приказал «дѣти свои братьѣ своеи» [6, стб. 609]. Распоряжения Давыда Ростиславича сложнее: «столь свои далъ снѡвцю своему . Мьстиславоу Романовичю . а снѣ своего Костантина в Роусь посла братоу своему Рюрикови на роуцѣ» [6, стб. 704-705].

Более подробную информацию о содержании завещания князя сохранил для нас волынский летописец, передав, хотя и не полностью, содержание двух духовных грамот тяжело больного Владимира Васильковича. Грамоты касались его двоюродного брата Мстислава Даниловича и жены Ольги Романовны (дочери брянского князя Романа). Брату переходят «городы» Владимира и стольный город, Ольге Романовне «по своемъ животоѣ» он оставляет «городъ свои Кобрынъ и с людми и з данью» » [6, стб. 903], ряд сел с правом собирать дань и мыт. К ней переходит монастырь Святых Апостолов вместе с прикупленным для него селом Березовичи. Ситуация была нетипичной, поскольку супруги не имели детей, у них была лишь воспитанница («детище») Изяслава, которую князь тоже, видимо, наделил какими-то владениями или средствами. При этом Владимир Василькович потребовал, чтобы Мстислав целовал крест в том, что по его «животе» ничего не заберет из завещанного Ольге и Изяславе, а также не выдаст последнюю замуж «неволею», а «кдѣ боудеть княгинѣ моеи любо тоутоть ю дати» [6, стб. 904]. Мстислав обещал иметь «ятровь как достоиную м(а)т(е)рь собѣ» и чтить, а «дѣта» растить и отдать замуж «аки свою дщерь родимоую» [6, стб. 905].

В княжеских завещаниях XIV в. разработанность различных норм такого рода усложняется и детализируется. Дабы избежать распрей между сыновьями — старшему передавался главный стол и большие владения. По завещанию Ивана Калиты, как отмечает В.А. Кучкин, старший сын Семен получал 34% владений отца при том, что в наследовании участвовали еще два младших брата, вдова и маленькие дочери Ивана Калиты. Такое первенство старшего сына сказывалось также на возможностях получения налогов и др. [2, с. 136-137].

Симеон Гордый умирает в 1353 г. во время эпидемии легочной чумы, составив завещание в пользу супруги Марии Александровны. Младшие его сыновья Иван и Семен умерли от этой болезни. Про старших Даниила и Михаила прямых данных нет. Симеон мог составлять завещание в расчете на покровительство княгини малолетнему сыну/сыновьям. Реально же великокняжеский стол перешел к его брату Ивану Ивановичу (Красному), который отобрал у великой княгини значительную часть завещанных ей владений и материальных поступлений от пошлин [5].

Разрешение сложных моментов во внутрисемейных ситуациях возлагались на княгинь, которые часто на годы (и даже десятки лет) переживали своих мужей. В полной мере это проявилось во второй духовной грамоте Дмитрия Донского. Великая княгиня Евдокия представлялась гарантом исполнения завещания: «Приказываю дѣти свои сво|еи княгинѣ. А вы, дѣти мои, живите заодин, а м(а)т(е)ри своее слушаите | во всем» [3, с. 132]. И такая фраза будет повторяться в завещаниях Владимира Андреевича Серпуховского, двоюродного брата Дмитрия Ивановича, и потомков Дмитрия – Василия Дмитриевича и Василия Васильевича. Так, в завещании Владимира Андреевича читается: «приказываю дѣти свои кн(а)г(и)не своеи. А вы, дети мои, живите заодин, а м(а)т(е)рь свою чтите и слушаите» [13]. У Василия Дмитриевича к моменту составления завещаний (второго и третьего) был лишь один сын – Василий. Соответственно в документе читается: «Приказываю своего с(ы)на, князѣ Васильѣ, своеи... княгинѣ. А ты, с(ы)нъ мои, князь Василеи, чти матери и слушаи | своее матери в мое мѣсто, своего отца» [14]. Позже сам Василий Васильевич заповедует: «Приказываю свои дѣти своеи кн(а)г(и)нѣ. А вы, мои дѣти, живите заодин. А м(а)т(е)ри своеѣ слуша|ите во всем в мое мѣсто, своего ѿца» [15].

В душевной грамоте Дмитрия Донского эта мысль повторяется и в конце акта: «А приказал есмь свои дѣти своеи княгинѣ. А вы, дѣти мои, слушаи|те своее м(а)т(е)ри во всем, изъ ее воли не выступаите ни в чем. А которыи с(ы)нъ | мои не имет слушати свое м(а)т(е)ри, а будет не въ ее воли, на том не будет моего бл(а)г(о)с(ло)в(е)нѣ» [3, с. 136].

Дмитрий Донской определяет, что великая княгиня должна наделить уделом сына, который может родиться уже после написания духовной, «возма по части оу болшиѣ его братьи» [3, с. 137]. Княгиня Евдокия была на сносях, и князь предусматривал рождение сына. Действительно, именно сын (Константин) родился за четыре дня до смерти Дмитрия.

В точности выполнить этот пункт завещания Евдокии не удалось. Из первого завещания Василия Дмитриевича ясно, что Константину были выделены Тошна и Устюжна — территории великокняжеские, другие братья, видимо, не участвовали в наделении младшего владениями.

Другая статья завещания устанавливала: «А по грѣхом отъимет Б(о)гъ с(ы)на моего, князѣ Васильѣ, а хто будет подѣл м(а)т(е)ри мои, ино тому с(ы)ну моему князѣ Васильевѣ оудѣл, а того оудѣломъ подѣлит их моѣ княгини. А вы, дѣти мои, слушаите своее м(а)т(е)ри, что

кому дать, то тому и есть» [3, с. 135]. Это означало, что Евдокия должна была обеспечить переход к следующему по старшинству сыну (Юрию) великого княжения, если умрет Василий. Такое распоряжение князя имело свои причины. Василий был ненамного старше других сыновей, никто из сыновей на тот момент не был женат и, соответственно, не имел наследников.

Великая княгиня не пережила старшего сына и тем самым избежала участия в драматических коллизиях, к которым привела эта статья завещания. Последствия были трагическими. В Орде в споре перед «царем» Василий Васильевич, старший сын Василий Дмитриевича, претендовал на великое княжение «по отчеству и дѣдству», ссылаясь также на уже имевшиеся от татарского правителя девтери и ярлыки. Юрий же ссылался на духовную грамоту отца и «летописцы» [9, с. 172]. Спор выиграл Василий, получив от хана великий стол, Юрию был отдан Дмитров. Это решение не остановило борьбу, династическая война продолжалась до 1450 г.

Кроме сыгравшего столь ключевую роль пункта о наследовании великокняжеского стола по духовной Дмитрия Донского на плечи княгини ложилось обеспечение компенсации, если вдруг у кого-то из сыновей «оубудет о(т)ч(и)ны» — она должна наделить его частью уделов братьев. «А вы, дѣти мои, м(а)т(е)ри слушайте», — добавляется в той же статье. Подобным же «усилением» заканчивается статья о разделе владений умершего сына (по-видимому, если скончавшийся был бездетным): «ко|торому что дать, то тому и есть, а дѣти мои изъ ее воли не вымутъс(а)» [3, с. 135].

Князь предусмотрел и неприкосновенность владений супруги, в которых она распоряжается и чинит суд. Часть территорий выделялась княгине из уделов сыновей — для владений прекарных («а что Б(о)гъ розмыслит о моеи княгинѣ, и тѣ волости и села во чьѣмъ оудѣлѣ, то тому и есть» [3, с. 134]). Тем не менее если дань Орде не будет выплачиваться, полагающиеся для выхода средства как с этих, так и с вотчинных владений княгини, остаются ей.

Система наследования в тверском княжеском доме, выстроенная великим тверским князем Михаилом Александровичем, должна была исключить конфликты, подобные тем, что привели к длительной вражде потомков Дмитрия Донского. Завещания тверских князей до нас не дошли, но главные моменты духовной грамоты Михаила Александровича пересказываются в Повести о преставлении Михаила в Новгородской IV летописи.

По завещанию великого тверского князя старший сын Иван получал больше, чем другие (Тверь и семь городов: Новый Городок, Зубцов, Радилы, Вьбрынь, Опоки, Вертязин, Ржеву). Примечательно, что при этом названы и дети Ивана — Александр и Иван, которые должны были получить указанные владения вслед за отцом. Сыну Федору предназначены два городка Микулина с волостями. Сыну Василию и внуку Ивану Борисовичу — Кашин и Кснятин. Интересно, что Иван Борисович — это сын умершего к тому времени кашинского князя Бориса Михайловича. И чтобы была ясна вся линия наследования этих уделов, назван и сам Борис¹, таким образом, не возникает вопросов, о чьем сыне идет речь и чем владел

¹ Э. Клюг и А.Г. Тюльпин объясняли это тем, что завещанию 1399 года предшествовало завещание более раннее, которое до нас не дошло и могло быть составлено князем до 1395 г. (год смерти его сына Бориса) [1, с. 257; 20, с. 192]. Однако допущение, что летописец в статье под годом преставления князя использовал текст старого завещания при имеющемся и действовавшем окончательном, не представляется вероятным.

покойный [7, с. 324-325]. Такая форма завещания была призвана твердо закрепить наследование территорий и уделов за каждой линией потомков.

Уже вполне определено в завещании тверского великого князя устанавливается в его потомстве порядок наследования от отца к сыну. Михаил Александрович надеялся таким образом прекратить и не допустить в будущем острого соперничества между дядями и племянниками. При этом Михаил Александрович увещевает сыновей «брату брата чтити и любити, а старейшего брата всѣмъ слушати» [7, с. 387-388].

Но и такая предусмотрительность не обеспечила мир и бесконфликтность во взаимоотношениях великокняжеских потомков. Вскоре после смерти отца Иван Михайлович, новый великий тверской князь, «захотѣша свою братию обидети, и повелѣша бояром своим цѣлование сложити къ своєю братии ко князю Василию и ко князю Феодору Михайловичем, и ко князю Ивану Борисовичу». Те обратились с жалобой к великой княгине тверской Евдокии. Княгиня посылает к Ивану бояр — своих и обратившихся к ней князей — апеллируя именно к «грамоте» Михаила Александровича. Она апеллирует к душевной грамоте покойного супруга, утверждая, что поведение бояр великого князя неправомерно. Но положениям грамоты Иван противопоставил свою волю, сказав, что его бояре (повидимому, те из них, кто проживал на территории удельных князей) сложили к братьям крестное целование по его слову. Летопись говорит, что он начал на своих родственников «враждовати... и нелюбие дрѣжати» [8, стб. 176]. Конфликты великого тверского князя с удельными продолжались еще долгие годы.

Большинство завещаний последней трети XV — начала XVI вв.² следуют особому формуляру. В начале акта идут статьи, каждая из которых начинается формулой «Дати ми...» и далее — кому именно следует отдать долг. И лишь после исчерпания списка долгов начинается обычный текст завещаний — матери, братьям, племяннику, монастырям³. Завещание Ивана Борисовича Рузского даже названо не духовной грамотой, а «памятью»: «Памет(ь) кн(а)зю Ивану Борисович(ю), кому что дат(и) и оу ков(о) есми что взал» [17].

Характерно, что князья предполагали и предусматривали появление детей после составления завещания не только в случае, если супруга уже ждала рождения ребенка. В частности, так могло быть, если завещатель не был очевидно стар и болен, а составлял завещания, готовясь к участию в войне, в военном походе. Потенциальным детям в духовной предусматриваются отдельные «благословения». Федор Борисович, если родится сын, предназначает ему главные владения: Волок и Ржеву. Дочери он оставлял перешедшие к нему от его матери святыни и иные ценные вещи, а также территориальные владения: «даю своєю дочери на Волоце свою вотчину, волость Воиничи, а во Ржеве даю | своєю дочери свои села Федтково да Спаское и з деревнами». В случае же, если у княгини не будет «вѣрода», вотчина переходит к Ивану III [18].

² Это завещания Юрия Васильевича Дмитровского (1472 г.), Бориса Васильевича Волоцкого (1477 г.), Андрея Васильевича Вологодского (1479-1481 г.), Михаила Андреевича Верейского (1485 г.), вдовы Бориса Волоцкого Юлиании (1503 г.), Ивана Борисовича Рузского (1503 г.), Ивана III (1503 г.), Федора Борисовича Волоцкого (1506 г.).

³ Такая форма завещания с начальной фразой «что кому дати и у ково что взал» (или близкой к ней) регулярно встречается в духовных грамотах не княжеских — еще с XIV века, что в принципе отвечает требованию к формуляру завещания в Эклоге (см.: [19, с. 170]).

К этому времени значение «слова» княгини уже не было столь существенно, как ранее: о таком говорится лишь в завещании Бориса Васильевича: «А к(а)г(и)ни моѡ жи|вет с моим с(ы)н(о)мь⁴ зашдин, а мои с(ы)нъ из ее воли не вымаецса». В следующей статье упоминается роль будущей вдовы в устройении судьбы дочерей. Их нужно будет наделить приданным, когда те будут выходить замуж, и, пишет князь, «моѡ к(а)г(и)ни и мои с(ы)нъ» возьмут его «с отчины» [16].

Чаще же духовная грамота составлялась, когда князь предвидел близкую кончину. Интересно, что такие обстоятельства влияли и на формулы в договорных грамотах, где закладывались нормы, которые будут действовать в случае смерти одного из заключающих договор князей.

Показательны в этом смысле докончания Дмитрия Ивановича с его двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским. Первый договор они заключали еще юношами, в нем нет никаких упоминаний о возможной смерти кого-то из них, равно как и указаний на нормы для потомков. Во втором договоре 1372 года, сохранившемся фрагментарно, картина иная. Основные положения должны действовать «до живота», и то же касается детей: «...и твоим дѣтемъ под моими дѣтьми, и до живота» [11]. В третьем договоре, составленном в год смерти Дмитрия Ивановича, формулы «до живота» не встречаются, указаний на то, какие нормы установятся после смерти двоюродных братьев, нет, но неоднократно упоминаются дети князей, а о старшем сыне Дмитрия — Василии говорится особо, ибо он должен стать преемником Дмитрия на великокняжеском столе: «А на семь на всемъ целовали есмы кр(е)сть ѡзь, княз(ь) великыи Дмитр[еи] Иванович, и с(ы)нъ мои, княз(ь) Василеи, и за свои дѣти ко князю Володимеру Ондр[ѣвич]ю и къ его дѣ[тем]. А княз(ь) Володимеръ Ондр[ѣвич] целоваль кр(е)сть ко мнѣ, ко князю великому, и къ моему с(ы)н[у, ко] князю к Василью, и къ моимъ дѣтем, | и за свои дѣти, по любви, въ правду, безъ всакые х[ит]рости» [12]. Очевидно, что среди детей Владимира Андреевича не было совершеннолетних, за них крест целует он сам.

В завещании же Владимира Андреевича фигурируют 5 сыновей. И при том, что было отмечено повторение в завещании формулы «приказыаю дети свои княгине своєю», в начале грамоты читается иное: «Приказы[ваю] брату [с]во[е]му старѣишему, великому кн(а)зю Васил(и)ю Дмитриевичу, кна[г]иню с[в]о[ю] и дѣти свои на Б(о)зѣ и на тебѣ, брате ст[арѣ]ишой, кн(а)зѣ вел[ики], чтобы с[а] е[си] ими печаловал». Но далее оказывается, что великий князь являет лишь последнюю инстанцию – утверждающую решение княгини: «А что са оучинит межи моих дѣи⁵, ини отошлют своих боѡрь. А чемъ с[л]опрутса их боѡре, ини идут п[е]ред [м]ою [кн(а)г(и)ню, и кн(а)г(и)ни моѡ на которог(о) с(ы)на помолвит и вбвинит, и ты, б[р]ате старѣишей, кн(а)зѣ вел[ики], на том то доправи». Суд княгини и попечение великого князя должны обеспечить и гарантировать существование вотчин сыновей «без убытка» [13].

Часто договоры содержат статью, предусматривающую попечение о вдове и потомках. Так, в договоре великого князя Симеона Ивановича с братьями читается: «...ког(о) из нас Б(ог)ъ отвѣдет, печаловатиса кнагинею его и дѣтми» [10]. Подобные статьи содержат

⁴ Имеется в виду сын Федор, Иван к моменту составления завещания еще не родился.

⁵ Так в ркп, в других списках *детей*.

договоры великого князя Василия Васильевича с Михаилом Андреевичем Верейским, с Васином Ярославичем Серпуховским и др.

Таким образом, осознавая конечность земной жизни каждого, князья стремились сохранить бессмертие рода, чтобы, по словам Симеона Гордого, «не перестала память роди[те]лии нашихъ и наша, и свѣ|ча бы не оугасла» [4, с. 125].

Литература

1. Ключ Э. Княжество Тверское (1247-1485 гг.). 1994. Тверь: Антек. 431 с.
2. Кучкин В.А. Власть князей великих и власть князей удельных // Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть. XIX чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто: материалы конференции. 2007. М. С. 135-141.
3. Кучкин В.А. Издание завещаний московских князей XV в. — вторая душевная грамота великого князя Дмитрия Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3 (37). С. 93-100.
4. Кучкин В.А. Издание завещаний московских князей XV в. — душевная грамота великого князя Симеона Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33). С. 123-125.
5. Кучкин В.А. «Свой дядя» завещания Симеона Гордого // История СССР. 1988. № 4. С. 149-158.
6. ПСРЛ. Т. 2. 1908. СПб. 638 с.
7. ПСРЛ. Т. 4. Вып. 2. 1925. Л. 215 с.
8. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. 1922. Пг. 216 с.
9. ПСРЛ. Т. 18. 1913. СПб. 317 с.
10. РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 3.
11. РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 4.
12. РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 7.
13. РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Разд. I. № 12.
14. РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Разд. I. № 15.
15. РГАДА. Ф. 135. Отд. II. Разд. I. № 21.
16. РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 24.
17. РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 32.
18. РГАДА. Ф. 135. Оп. I. Рубр. I. № 33.
19. РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 37.
20. Семенченко Г.В. Византийское право и оформление русских завещаний XIV-XV вв. // Византийский временник. 1986. Т. 46. С. 164-173.
21. Тюльпин А.Г. Политическая история великого княжества Тверского в первой четверти XV в. // Великий князь Тверской и Владимирский Михаил Ярославич: личность, эпоха, наследие. 1997. Тверь. С. 162-1176.

References

1. Klyug E. Knyazhestvo Tverskoe (1247-1485 gg.). 1994. Tver': Antek. 431 p. (In Russ.).
2. Kuchkin V.A. Vlast' knyazei velikikh i vlast' knyazei udel'nykh // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Politicheskie instituty i verkhovnaya vlast'. XIX chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR V.T. Pashuto: materialy konferentsii. 2007. Moscow, pp. 135-141 (In Russ.).
3. Kuchkin V.A. Izdanie zaveshchaniy moskovskikh knyazei XV v. — vtoraya dushevnyaya gramota velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2009. № 3 (37),

pp. 93-100 (In Russ.).

4. Kuchkin V.A. Izdanie zaveshchaniy moskovskikh knyazei XV v. — dushevnyaya gramota velikogo knyazya Simeona Ivanovicha // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2008. № 3 (33), pp. 123-125 (In Russ.).

5. Kuchkin V.A. «Svoi dyadya» zaveshchaniya Simeona Gordogo // Istoriya SSSR. 1988. № 4, pp. 149-158 (In Russ.).

6. PSRL. T. 2. 1908. Saint Petersburg. 638 p. (In Russ.).

7. PSRL. T. 4. Vyp. 2. 1925. Leningrad. 215 p. (In Russ.).

8. PSRL. T. 15. Vyp. 1. 1922. Petrograd. 216 p. (In Russ.).

9. PSRL. T. 18. 1913. Saint Petersburg. 317 p. (In Russ.).

10. RGADA. F. 135. Otd. I. Rubr. I. № 3 (In Russ.).

11. RGADA. F. 135. Otd. I. Rubr. I. № 4 (In Russ.).

12. RGADA. F. 135. Otd. I. Rubr. II. № 7 (In Russ.).

13. RGADA. F. 135. Otd. I. Razd. I. № 12 (In Russ.).

14. RGADA. F. 135. Otd. I. Razd. I. № 15 (In Russ.).

15. RGADA. F. 135. Otd. II. Razd. I. № 21 (In Russ.).

16. RGADA. F. 135. Otd. I. Rubr. I. № 24 (In Russ.).

17. RGADA. F. 135. Otd. I. Rubr. I. № 32 (In Russ.).

18. RGADA. F. 135. Op. I. Rubr. I. № 33 (In Russ.).

19. RGADA. F. 135. Otd. I. Rubr. I. № 37 (In Russ.).

20. Semenchenko G.V. Vizantiiskoe pravo i oformlenie russkikh zaveshchaniy XIV-XV vv. // Vizantiiskii vremennik. 1986. T. 46, pp. 164-173 (In Russ.).

21. Tyul'pin A.G. Politicheskaya istoriya velikogo knyazhestva Tverskogo v pervoi chetverti XV v. // Velikii knyaz' Tverskoi i Vladimirskii Mikhail Yaroslavich: lichnost', epokha, nasledie. 1997. Tver', pp. 162-1176 (In Russ.).

Информация об авторах

Конявская Елена Леонидовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8960-9837>, e-mail: ekonyavskaya@gmail.com

Information about the authors

Elena L. Konyavskaya, Doctor in Philology, Leading Research Associate, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8960-9837>, e-mail: ekonyavskaya@gmail.com

Получена 01.12.2023

Принята в печать 15.12.2023

Received 01.12.2023

Accepted 15.12.2023

Краткая редакция «Чтения о Борисе и Глебе» Нестора и 6-я Распространенная редакция Обычного жития Владимира в Торжественнике XV в.

Милютенко Н.И.

Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8160-3609>, e-mail: spesmilu@mail.ru

В статье рассматриваются тексты, посвященные первым русским святым князьям-мученикам Борису и Глебу и их отцу Владимиру Крестителю. Краткая редакция «Чтения о Борисе и Глебе» Нестора и 6-я Распространенная редакция Обычного жития Владимира раньше известные, известные только в Торжественниках XVI в., нашлись в Торжественнике 1470-х гг. Тихонравовском 185, написанном в западнорусских землях. Оба текста были отредактированы для протографа Тихонравовского 185 и затем использованы в Торжественниках в Центральной и Западной Руси, свидетельствуя о взаимопроникновении традиций.

Ключевые слова: Торжественник, житие Владимира, жития Бориса и Глеба, ростовские жития.

Для цитаты: *Милютенко Н.И.* Краткая редакция «Чтения о Борисе и Глебе» Нестора и 6-я Распространенная редакция Обычного жития Владимира в Торжественнике XV в. [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 4. С. 107–117. DOI:10.17759/langt.2023100409

Abridged Version of the «Narration of Boris and Gleb» by Nestor and the 6th Version of St. Vladimir's Ordinary Vita in the Panegyrikon of the 15th Century

Nadezhda I. Milutenko

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8160-3609>, e-mail: spesmilu@mail.ru

Article deals with the texts devoted to the first Russian saints princes-martyrs Boris and Gleb and Vladimir the Baptizer, their father. Abridged version of the «Narration of Boris and Gleb» by Nestor and the 6th version of St. Vladimir's Ordinary Vita, known only in the Panegyrikons of the 16th century before, were found in the Panegyrikon Tikhonravovsky 185 written in the West Russian lands in the 1470s. Both texts were edited for the protograph of Tikhonravovsky 185 and then used in

the Panegyrikons of the Central Russian and West Russian origin, testifying the confluence of traditions.

Keywords: Panegyrikon, Vladimir's vita, Boris and Gleb's vitae, Rostov vitae.

For citation: Milutenko N.I. Abridged Version of the «Narration of Boris and Gleb» by Nestor and the 6th Version of St. Vladimir's Ordinary Vita in the Panegyrikon of the 15th Century. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 4, pp. 107–117. DOI:10.17759/langt.2023100409 (In Russ.).

Торжественники делятся на Триодные, состоящие из Великопостных и Пасхальных гомилий, и Минейные с житиями и гомилиями на неподвижные праздники. У славян они появились во времена Первого Болгарского царства (X в.). Русские списки известны с XII в., а за переходом со Студийского богослужебного устава на Иерусалимский последовали новые болгарские переводы XIV в. Триодный и Минейный Торжественники часто объединяли в Общий [26, с. 5-27; 27, с. 377].

В 2-ю редакцию Минейного Торжественника вошли русские памяти святых князей-мучеников Бориса и Глеба (перенесение мощей 2 мая, мучение 24 июля), а затем их отца равноап. крестителя Руси Владимира (15 июля). Как указал А.А. Шахматов, для этого было написано Обычное житие [28, с. 373-374], встречаются и Распространенные редакции (кроме 4 и 5). У них всех один инципит «Се бысть сынъ Свѣтославль отъ племени вар#жска кн#зь Володимиръ» (из Проложного жития 2-го вида, далее: ПрЖ-2), и он не характеризует текст¹. С.А. Бугославский среди редакций Анонимного сказания о Борисе и Глебе (АС) выделил сделанную для Торжественника, встречаются также Чудовская и Синодальная. Инципит рассказа о чудесах 2 мая «Бысть "ко мину по умертвии блаженнаго кн#зь# ѿрослава лѣтъ 20» местами серьезно расходится со старшей Успенской редакцией Сказания чудес [3, с. 1-17, 171-172; 4, с. 77-85, 121-123, 128-135].

Общий Торжественник 1470-х гг. РГБ, ОР, ф. 299 (Тих.), № 185 давно привлек внимание. Его состав расписан, он был предметом диссертационного исследования [2]. Минейная часть относится к 2-й русской редакции в древнейшем виде (памяти Бориса и Глеба, Владимира) [27, с. 375-381; 2, с. 128-145, 198-211]. Архаичность болгарских оригинальных текстов (Похвальное слово Климента Охридского на собор архангелов Михаила и Гавриила и др.) и переводов сочетается в Тих. 185 с модернизацией языка и западнорусскими чертами [19; 20]. Осталось незамеченным, что это старший список Чуда свв. Георгия и Николы, освободивших критского сарацина, с именем рассказчика Иосифа Сицилийца. Текст был извлечен из болгарского Сказания инока Христодула о чудесах св. Георгия X в. [23, с. 88-89; 14, с. 14-17]. Старшие списки 6 Распространенной редакции Обычного жития Владимира (Распр. 6) и Сокращенной Несторова «Чтения» Борису и Глебу (Сокр.) также никем не были отмечены.

Распр. 6 — искусная компиляция из Обычного Жития Владимира (ЖВ), его 4 Распространенной редакции, «Памяти и Похвалы» Иакова Мниха и ПРЖ-2. Серебрянский и Шахматов выделили ее по Общему Торжественнику РГБ, ОР, ф. 288 (Писк.), № 124 сер.

¹ Житие, отмеченное Черторицкой в №№ 66 (Тих. 185), 79 и 82 [20, с. 380], является Распространенной 6-й редакцией, а в № 10 Распространенным Проложным житием.

XVI в. [22, с. 65-66; 28, с. 66, 140-151]. Мной найден список БАН, ОР, 31. 6. 26 кон. XVI в., по которому приведены разночтения в издании [28, с. 72], и новые: РГАДА, ф. 188 (РС), оп. 1, № 1381 (раньше ОИДР № 320) 1540-х гг.² и ЛННБ, собр. Петрушевича, № 34, нач. XVII в. Все Торжественники по происхождению западнорусские, но Тих. 185 по составу отличается от практически идентичных Писк. 124, 31. 6. 26, ОИДР 320 и Петр. 34. Во всех одинакова Распр. 6 и редакция Чуда свв. Георгия и Николы.

В «Чтении о Борисе и Глебе» Нестора С.А. Бугославский выделил 3 редакции [4, с. 211-220]: Полную (Вступление о сотворении мира и о крещении Владимира, рассказ об убиении, история перенесений мощей и чудес [1, с. 1-26]), Сокращенную и Вторую сокращенную. Старший список Полной — Сильвестровский сборник XIV в., Второй сокращенной «Миней новым чудотворцам» 1494 г. РНБ, ОР, Сол. 518/537 [8, с. 173-179]. Сокр. выделена по спискам РНБ ОР, Соф. 1419 («Соборник Кирилова монастыря»), Ф. I. 257 (оба 1530-1540-х гг.), Пог. 804 и РГБ ОР, ф. 256 (Рум.), № 434 (оба 1520-1530-х гг.) [3, XVI, с. 195; 4, с. 216-217].

Заглавие Сокр.: «Слово о житии и о погублении св#тую мученику Бориса и Глѣба». Из рассказа о крещении Руси убраны евангельская притча о рабочих последнего 11 часа, видение Евстафия Плакиды и ряд мелких пассажей, но в отличие от Второй сокращенной редакции, сохранилось заключение Нестора и обещание написать о чудесах. Рум. 434, Соф. 1419, Ф. I. 257 и найденный Дж. Ревелли РГБ ОР, ф. 138 (Костр.), № 16, 1530-х гг. [22, с. 599] представляют отличный от Тих. 185 Минейный Торжественник характерного состава, к которому мы вернемся.

Рассмотрим сначала Торжественник 1470-х гг. Тих. 185. В первой четверти XVI в. он уже был в таком плохом состоянии, что его реставрировали и написали оглавление с учетом потерь. Однако дефектен был уже протограф Тих. 185, в минейной части которого были сбои и пропуски [2, с. 128-145]. Памяти Николая Мирликийского нет ни 6 декабря, ни 9 мая. За Чудом Георгия о змие 26 ноября следуют жития Гурия, Самоны и Авивы 17 декабря и муч. Варвары 4 декабря, причем все написаны в подбор. 2 мая стоит обычная статья на перенесение мощей Бориса и Глеба «Бысть "ко мину по умертвии ѿрослава», но без чуда с узниками. 15 июля на своем месте написано Распр. 6 Владимиру. За ним следуют житие Ильи-пророка с похвалой 20 июля (164а-167г) и сразу 29 августа память усекновения главы Иоанна Предтечи и Слово о грешнике (167г-176г). Пропущена не только память Бориса и Глеба 24 июля, но и главные праздники года: Преображение 6 августа и Успение Богородицы 15. Сначала дописали Сокр. «Чтение» Нестора (177а-186б) и Слова на Преображение (186б-193в) и на Успение Богородицы (194а-196г). Последнее в протографе было без начала, и писец Тих. 185 оставил пустым столбец 193г. За ним написаны похвала «Се наста, братие, свѣтлое празднство предивнаго отца нашего Николы» (лл. 197а — 199б) [20, с. 235–250] и 7 его чудес (лл. 199в-212а). Верх листа с началом похвалы был оторван, а на доклеенных верхних полях и в оглавлении поставили дату 6 августа. С середины столбца 212а Словом о мытаре и фарисее начинается Триодная часть.

Чудеса Николы в Тих. 185: 1. Об Агрикове сыне Василии, без номера (199в — 202в); 2. О Дмитриии, лист с началом вырван, но остался отпечаток киноварного инициала (203-204а); 3. «Чюд(о) гГ» о Симеоне-Николае (204а-г); 4. «Чюд(о) еГ-е. стГго Николы» о юноше Николе

² http://rgada.info/kueh/index2.php?str=188_1_1381

(204г — 206а); 5. О попе Христофоре, без номера (206а — 207а); 6. О Петре-чернеце, без номера (207а — 209б); 7. Чудо Николы и Георгия о сарацине (209б — 212а).

Торжественники Писк. 124 и БАН 31. 6. 26 имеют западнорусские черты, отмеченные в описаниях. Петр. 34 остался во Львове, а в ОИДР 320 есть многочисленные записи о событиях в Речи Посполитой XVII в. В нем Триодная часть была написана, в отличие от других, первой и оторвана с началом Минейной (нет 139 нумерованных листов до 24 сентября). В общем составе отмечу: 20 сентября Южнорусскую редакцию I перевода Жития Евстафия Плакиды³, апокрифы Первоевангелие Иакова 8 сентября и Деяния ап. Фомы 6 октября; 16 июля статью о Вселенских соборах [21, 208-210]⁴ и 20 спасение Ильей пророком в Нижнем Новгороде Григория Авксентьева в 1418 г., Слово Спасу и Богоматери 1 августа. Последнего и статьи 2 мая нет в 31. 6. 26, где много пропусков. В ОИДР 320 вырван лист между 278 и 279 с частью рассказа 2 мая об узниках. 6 декабря Житие Николая Мирликийского, 9 мая — перенесение мощей, обе памяти с чудесами. Чудо Николы и Георгия о сарацине под 9 мая третье. В 31. 6. 26 за ним следует чудо с ребенком в Киеве, которое в Писк. 124 и Петр. 34 под 6 декабря, а в ОИДР 320 под обеими датами с разными заглавиями. В Писк. 124 добавили 26 августа Сретение Владимирской иконы Богоматери, в ОИДР 320 в май — цикл житий ростовских святых и свт. Стефана Пермского (подробнее ниже). В отличие от Тих. 185, в этих Торжественниках 24 июля читается АС Чудовской редакции (старший список сборник XIV в. ГИМ, Чуд. 20 [29, 103]⁵, а авторский текст «Похвалы архангелам» Климента Охридского заменен на редакцию текста из того же Чуд. 20 [19: 56]. Отличается и Триодная часть.

В Тих. 185 инципит чуда о сарацине исправнее, чем в Писк. 124 [14, с. 14-17]⁶, ОИДР 320 (л. 292 об.) и 31. 6. 26 (л. 316): «Повѣда (поведаше) нам братъ (муж), ему же (бысть) им# Иосиф, жив#ше близ Мюрьска града и родумъ былъ сикилить (родомъ синклитикъ), идеже льжит честное тѣло великого и славного отца нашего Николы».

В протографе Тих. 185, судя по обычной статье 2 мая «Бысть "ко мину по умертвии срослава», 24 июля должно было быть АС редакции Торжественника. Таков родственник западнорусский Торжественник втор. пол. XV в. ГИМ, Увар. 613 (F) (определен Паниным, протограф 1390 г.), где добавлены русские памяти⁷, но нет Владимира. Вероятно, в протографе Тих. 185 вставка Распр. 6 и восполнение пропущенных памятней Николая Мирликийского и Бориса и Глеба были сделаны одновременно. Распр. 6, статья 2 мая и двойное чудо Георгия и Николы о сарацине вошли в западнорусский Торжественник XVI в. (РС 1381, Писк. 124, БАН 31. 6. 26 (без 2 мая) и Петр. 34), но Сокр. «Чтение» заменила Чудовская редакция АС.

³ У Гладковой [5, с. 62-65, 73-98, 105, 118-121, 224] Писк. 124 не учтен, а в ОИДР 320 нет начала. В Тих. 185 переработка Троицкой редакции I перевода (не учтена).

⁴ Писк. 124 (435 об. — 437), ОИДР 320 не учтены.

⁵ Петр. 34, ОИДР 320 не учтены.

⁶ Инципит издан по четырем спискам, кроме Тих. 185, БАН 31. 6. 26 и ОИДР 320.

⁷ Слово на Покров; жития кн. Михаила Черниговского (1 редакция), свт. Петра Московского (митр. Киприана) и Леонтия Ростовского. Чуда о сарацине нет.

Распр. 6 явно привлекла составителя протографа Тих. 185 большим объемом материала, но чем обусловлен выбор в пользу «Чтения» Нестора, хотя АС было популярнее?

Во вступительных частях обоих главных памятников Борисоглебского цикла [1; 22] говорится о Владимире и крещении Руси, но с диаметрально противоположных позиций. В АС помещен близкий летописной статье 6488 (980) г. перечень языческих жен и детей Владимира, сказано об убийстве им брата Ярополка, браке с его вдовой, расстриженной монахиней, и рождении «отъ двою отьцу» будущего братоубийцы Святополка. С одной стороны, это необходимо, иначе не понятны ни монолог Бориса, когда, отказываясь воевать со Святополком, он вспоминает захват власти отцом, ни размышления его брата-врага. С другой, крещение Руси и «добродѣтели» Владимира лишь упомянуты, а его бурная плотская жизнь описана очень подробно. Убийство Ярополка вспоминает кроме АС только Иаков Мних в «Памяти и похвале».

Нестор начинает «Чтение» (рис. 1) с общего вступления, где кратко излагает историю от сотворения мира до Воплощения, пишет об извечной борьбе дьявола с человеком, как в «Речи Философа» из «Повести временных лет» [17, с. 258-260], и о крещении Руси, сравнивая ее с работниками последнего 11 часа из Евангельской притчи. Христианство и спасение приходят с Владимиром, который подобен муч. Евстафию Плакиде, призванному самим Христом. Нестор особо подчеркивает его милосердие до крещения.

Рис. 1. «Чтение» Нестора

В Сокр. осталось сотворение мира, но нет Евангельской притчи и явления креста Плакиде [3, с. 175-176; 4, с. 82-83, 126-127], а эта параллель имеет ключевой смысл в «Чтении» [5, с. 334-345]. В Сокр. сделано лишь пояснение к уподоблению Владимира: «Сему Богъ спону нѣкаку наведе и створи быти ~му христь#ну, "ко же древле Плакидѣ "влени~мь Божиимъ». Эти сокращения понятны в Торжественнике, где уже был объемный рассказ о крещении Руси 15 июля. Бугославский отметил, что во Второй Сокращенной редакции «Чтения» остались притча и явление креста Плакиде, но нет заключения с обещанием рассказать о чудесах, которое есть в Сокр.⁸ Логично было его оставить в Торжественнике, где была статья о чудесах Бориса и Глеба 2 мая, хотя и не основанная на тексте Нестора.

Составитель протографа Тих. 185 хотел представить историю крещения Руси наиболее полно и, вероятно, его не устроил образ Владимира в АС. Поэтому он взял «Чтение» Нестора, а то, что повторяло в какой-то мере материал Распр. 6, сократил.

Сокр. «Чтение», отвергнутое в западнорусской традиции, в XVI в. появилось в центральной России в Минейном Торжественнике с большим пластом русских памятней и пристальным вниманием к ростовским святым, который мне известен в 4 списках: Рум. 434, «Соборник Кирилова монастыря» Соф. 1419, Костр. 16 и Ф. I. 257. Разница в составе невелика, в основном, это пропуски, больше всего их в Ф. I. 257 (частью восполнены в конце). В Соф. 1419 в конце дописан цикл о свв. Киприане и Устине и Житие преп. Саввы Сторожевского. Все остальные особенности состава совпадают, и они явно восходят к общему протографу.

В отличие от Тих. 185, здесь Владимиру положена Краткая редакция «Памяти и похвалы» Иакова Мниха (КрП). Это последняя часть текста в сокращении, хотя и сохранившая некоторые первоначальные чтения. Иаков Мних пишет, что Владимир взял Корсунь на третий год после крещения. Традиционный взгляд на крещение в этом городе представлен во 2-й редакции ПрЖ-2, которая всегда следует за КрП [16, с. 181]. Статьи 2 мая нет, только в Рум. 434 есть рассказ о чудесах Бориса и Глеба, составленный по разным источникам. [29, с. 474-475]. Эта же статья продолжает Сокр. в сборнике Пог. 804 (напечатана В.К. Зиборовым [10, с. 156-166]), а 2 мая в переработанном виде читается в отрывке Торжественника от Рождества Христова до дня Леонтия Ростовского 23 мая кон. XVI в. (РГАДА, ф. 187 (ЦГАЛИ), № 126).

В протографический Торжественник входил «Ростовский патерик» кон. XV в. по определению А.Г. Мельника [15, с. 46-47]: жития свт. Леонтия, Игнатия и канонизированного в 1474 г. Исаяи (Пространная ред.), юродивого Исидора († 1474, Полная ред.)⁹, преп. Авраамия (Краткая ред., вид 1-Б)¹⁰. Мельник не включил сюда житие кн. Федора Ярославского, чьи мощи обрели в 1463 г. Но вошедшее в Торжественник Проложное

⁸ Вторая Сокращенная в подавляющем большинстве списков входит в цикл с АС Сильвестровской редакции, к которому без предисловия и перехода присоединено отредактированное Сказание чудес.

⁹ Исидорова З.Н. О редакциях Жития святого Исидора Твердислова // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. Вып. 4. 2001. СПб. С. 100.

¹⁰ Никитина Т.Л. О краткой редакции Жития преподобного Авраамия Ростовского // 200 лет первому изданию Слова о полку Игореве. 2001. Ярославль. С. 142.

Пространное (нет в Костр.) известно, начиная с последней четверти XV в. [13, с. 139, 142-143].

Вторая большая группа текстов — сочинения Пахомия Логофета: Похвала Покрову, жития Варлаама Хутынского (полный цикл [11] в Рум. 434 и Ф. I. 257), Михаила Черниговского (Пахомиева 1-я редакция в сокращении), митр. Алексея (2-я редакция), Кирилла Белозерского (2-я редакция), Проложные Сергия Радонежского и свт. Стефана Пермского [7, с. 96]. От его дня 26 апреля до преп. Кирилла 9 июня в Торжественнике только славянские жития, в том числе Никиты Переяславского 23 мая (Основная ред., вид А, 3 группа [25, с. 312-313]) и муч. Иоанна Сочавского митр. Григория Цамблака 2 июня (нет в Соф. 1419). Вошли также Житие свт. Петра, написанное митр. Киприаном, Слово 1 августа Спасу и Богоматери с похвалой [12]. Феодосию Печерскому написаны два слова на перенесение мощей 14 августа. Самый поздний текст — второе «Похвальное слово о чудесах Димитрия Прилуцкого», написанное после взятия Казани в 1487 г. [24, с. 16-17, 39-53].

Ростовский патерик с Житием кн. Феодора Ярославского впервые виден в агиографическом «Голстом сборнике» кон. 1470-х гг. из Кирилло-Белозерского монастыря (Архив СПбИИ РАН, кол. 238 (Н. П. Лихачева), оп. 1, № 161 [9; 8]), возможно, из Ростова [14, с. 7-17]. Редакции ростовских текстов те же, кроме Пространного жития Исайи: в Лих. 161 нет вставок из Киево-Печерского Патерика и летописи [7, с. 28-32]. Общие протографы с Лих. 161 были у кирилловского конволюта РНБ, ОР, Георг. 2, причем ростовские жития со службами образуют компактную группу: I фрагмент, лл. 1-6, 1478-1481 гг., цикл Феодора Ярославского; II фрагмент, лл. 7-91, рубежа XV-XVI вв. остальные тексты. В Житии Исайи вставки сделаны на полях [18, с. 25-26; 13, с. 139-140]. Промежуточная редакция ростовского блока с тем же редким Житием Исайи без вставок дополнила май в западнорусском Торжественнике ОИДР 320. Житие Исайи 15 мая, 14 (sic!) Исидора с чудесами (295-303 об.), 23 мая Леонтия (308 об. — 315), 26 мая (вместо апреля) Проложное житие свт. Стефана Пермского, 28 мая Игнатия Ростовского (316-318). Редактор обращался не к Лих. 161, где полный текст Жития Стефана Епифания Премудрого, а к подготовительным материалам центральнорусского Торжественника.

Составитель «Голстого сборника» Лих. 161 при полном отсутствии греческой переводной основы Торжественника проявил большой интерес к святым князьям. Но ему пришлось взять чтения из Пролога Пространной редакции: кн. Людмиле и Вячеславу Чешским, «о проявлении крещения Руси» ап. Андреем, варягам-мученикам, кн. Ольге, ПрЖ-1 Владимира [9, с. 134, 146-148, 156]. Ему было положено еще и «Слово» Илариона 2-й редакции, а Борису и Глебу АС Чудовской [29, с. 67, 103-104]. Пахомий еще не написал Житие Михаила Черниговского, вошедшее в сокращении в Ростовский Торжественник, и в Лих. 161 взяли Житие 1-й редакции. От редакторов обоих Торжественников составителя Лих. 161 отличает особый интерес к монашеству: он поместил весь Киево-Печерский патерик Арсениевской редакции.

Таким образом, Распр. 6 Жития Владимира и Сокр. «Чтение» появились не позже 1470-х гг. в Западной Руси, так как к этому времени относится Торжественник Тих. 185, включивший оба текста. В последующее время Торжественники сохранили Распр. 6, но Сокр. «Чтение» уступило место Чудовской редакции АС. О тесном взаимодействии традиций всех русских земель рубежа XV-XVI вв. свидетельствует включение во все

западнорусские Торжественники чуда с нижегородцем Авксентием, а в ОИДР 320 еще и большей части «Ростовского патерика». В свою очередь, именно из западных русских земель вошло в группу центрально-русских Торжественников наряду с «Ростовским патериком» и сочинениями Пахомия Логофета Сокр. «Чтение» Нестора.

Литература

1. *Абрамович Д.И.* Жития свв. мучеников Бориса и Глеба и службы им. 1916. Пг.: Отделение рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук.
2. *Белоус А.А.* Динамические процессы в родственных списках Минеяного Торжественника XV в.: дисс. ... канд. филол. наук. 2009. Томск. 287 с.
3. *Бугославский С.А.* [Україно-руські] пам'ятки XI-XVIII вв. про князів Бориса та Гліба (Розвідка й тексти). 1928. Київ. Репринт: *Бугославский С.А.* Текстология Древней Руси. Т. 2 / сост. Ю.А. Артамонов. 2007. М.: Языки славянских культур. С. 361-601.
4. *Бугославский С.А.* Текстология Древней Руси. Т. 2 / сост. Ю.А. Артамонов. 2007. М.: Языки славянских культур. С. 7-359.
5. *Гладкова О.В.* Житие Евстафия Плакиды в русской и славянской книжности и литературе IX-XX вв. 2013. М.: Индрик. 912 с.
6. *Духанина А.В.* Атрибуция Пахомию Сербу старшего Проложного Жития Стефана Пермского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 4 (70). С. 93-106.
7. *Духанина А.В.* Проблемы рукописной традиции Жития Исая Ростовского: две проложные редакции XVI в. // Источники по истории русского Средневековья и Нового времени. 2022. М.: Издательство института истории РАН. 310 с.
8. *Духанина А.В.* «Толстый сборник» из Кирилло-Белозерского монастыря на Нижней Печоре // Книжные центры Древней Руси: Ростово-Ярославская земля. 2022. СПб. С. 463-480.
9. *Духанина А.В., Карбасова Т.Б., Баинин Н.В.* Агиографический сборник 70-х гг. XV в. СПбИИ РАН. Кол. Н.П. Лихачева. № 161: история создания // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 3 (81). С. 143-169.
10. *Зиборов В.К.* О летописи Нестора. Основной летописный свод в русском летописании XI в. 1995. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. 188 [3] с.
11. *Карбасова Т.Б.* Цикл текстов, посвященных Варлааму Хутынскому в Минея Софийского собрания № 191 // Очерки феодальной России. 2016. Вып. 19. С. 3-57.
12. *Конявская Е.Л.* К истории сложения проложной статьи на 1 августа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 1 (47). С. 5-14.
13. *Ленхофф Г.* Князь Феодор Черный в русской истории и культуре: исследование и тексты. 2019. М., СПб.: Альянс-Архео. 352 с.
14. *Макеева И.И.* Чудеса Николая Чудотворца о сарацине в русской письменности // Труды Отдела древнерусской литературы. 2009. Т. 60. С. 14-17.
15. *Мельник А.Г.* Ростов как центр книжности в последней трети XV в. // Книжные центры Древней Руси: Ростово-Ярославская земля. 2022. СПб. С. 15-17.
16. *Милютенко Н.И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. 2008. СПб.
17. *Милютенко Н.И.* Святые князья-мученики Борис и Глеб. 2006. СПб.
18. *Новикова О.Л.* «Георгиевский» конволют и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря // Вестник «Альянс-Архео». 2017. Вып. 19. С. 25-37.

19. Панин Л.Г. Некоторые результаты лингвотекстологического исследования Похвального слова на собор архангелов Михаила и Гавриила Климента Охридского в составе Минейного Торжественника // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. № 8. С. 54-58.
20. Панин Л.Г. Похвала свят. Николаю Мирликийскому в славяно-русских списках // Правило веры и образ кротости... 2004. М. С. 235-250.
21. Полонский Д.Г. Состав поучений о Вселенских соборах в славянских рукописных сборниках XII–XVII вв.: археографические аспекты исследования // Академическая археография в России XVIII–XXI вв. (Тихомировские чтения 2016 г.). 2017. М.
22. Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. 1915. М.
23. Турилов А.А. Византийский и славянский пласты в «Сказании инока Христодула» // Славяне и их соседи. Вып. 6 (Славянский и греческий мир в Средние века и раннее Новое время: сб. статей к 70-летию Г.Г. Литаврина). 1996. М. С. 88-89.
24. Украинская Т.Н. Житие Димитрия Прилуцкого — памятник вологодской агиографии // Древлехранилище Пушкинского Дома: материалы и исследования. 1990. Л.: Наука.
25. Федотова М.А. Житие Никиты Столпника Переяславского (рукописная традиция) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Polemika. 2005. СПб.
26. Черторицкая Т.В. К вопросу о литературной, истории древнерусского минейного Торжественника // Древнерусская рукописная книга и её бытование в Сибири. 1982. Новосибирск. С. 5-27.
27. Черторицкая Т.В. Торжественник и Златоуст в русской письменности XIV–XVII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. 1990. Вып. 3. Ч. 2. С. 329-381.
28. Шахматов А.А. Жития князя Владимира. 2014. СПб.
29. Revelli G. Monumenti letterari su Boris e Glev. 1993. Genova.

References

1. Abramovich D.I. Zhitiya svv. muchenikov Borisa i Gleba i sluzhby im. 1916. Petrograd: Otdelenie rus. yaz. i slovesnosti Imp. Akad. Nauk (In Russ.).
2. Belous A.A. Dinamicheskie protsessy v rodstvennykh spiskakh Mineinogo Torzhestvennika XV v.: diss. ... kand. filol. nauk. 2009. Tomsk. 287 p. (In Russ.).
3. Bugoslavskii S.A. [Ukraïno-rus'ki] pam'yatki XI-XVIII vv. pro knyaziv Borisa ta Gliba (Rozvidka i teksti). 1928. Kiïv. Reprint: Bugoslavskii S.A. Tekstologiya Drevnei Rusi. T. 2 / sost. Yu.A. Artamonov. 2007. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, pp. 361-601 (In Russ.).
4. Bugoslavskii S.A. Tekstologiya Drevnei Rusi. T. 2 / sost. Yu.A. Artamonov. 2007. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, pp. 7-359 (In Russ.).
5. Gladkova O.V. Zhitie Evstafiya Plakidy v russkoi i slavyanskoi knizhnosti i literature IX–XX vv. 2013. Moscow: Indrik. 912 p. (In Russ.).
6. Dukhanina A.V. Atributsiya Pakhomiya Serbu starshego Prolozhnogo Zhitiya Stefana Permskogo // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2017. № 4 (70), pp. 93-106 (In Russ.).
7. Dukhanina A.V. Problemy rukopisnoi traditsii Zhitiya Isaii Rostovskogo: dve prolozhnye redaktsii XVI v. // Istochniki po istorii russkogo Srednevekov'ya i Novogo vremeni. 2022. Moscow: Publ. instituta istorii RAN. 310 p. (In Russ.).
8. Dukhanina A.V. «Tolstyĭ sobornik» iz Kirillo-Belozerskogo monastyrya na Nizhnei Pechore // Knizhnye tsentry Drevnei Rusi: Rostovo-Yaroslavskaya zemlya. 2022. Saint Petersburg, pp. 463-

480 (In Russ.).

9. Dukhanina A.V., Karbasova T.B., Bashnin N.V. *Agiograficheskiy sbornik 70-kh gg. XV v. SPbII RAN. Kol. N.P. Likhacheva. № 161: istoriya sozdaniya // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2020. № 3 (81), pp. 143-169 (In Russ.).*

10. Ziborov V.K. *O letopisi Nestora. Osnovnoi letopisnyi svod v russkom letopisanii XI v. 1995. Saint Petersburg: Publ. Sankt-Peterburgskogo universiteta. 188 [3] p. (In Russ.).*

11. Karbasova T.B. *Tsiki tekstov, posvyashchennykh Varlaamu Khutynskomu v Minee Sofiiskogo sobraniya № 191 // Ocherki feodal'noi Rossii. 2016. Vyp. 19, pp. 3-57 (In Russ.).*

12. Konyavskaya E.L. *K istorii slozheniya prolozhnoi stat'i na 1 avgusta // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2012. № 1 (47), pp. 5-14 (In Russ.).*

13. Lenkhoff G. *Knyaz' Feodor Chernyi v russkoi istorii i kul'ture: issledovanie i teksty. 2019. Moscow, Saint Petersburg: Al'yans-Arkheo. 352 p. (In Russ.).*

14. Makeeva I.I. *Chudesa Nikolaya Chudotvortsya o saratsine v russkoi pis'mennosti // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. 2009. T. 60, pp. 14-17 (In Russ.).*

15. Mel'nik A.G. *Rostov kak tsentr knizhnosti v poslednei treti XV v. // Knizhnye tsentry Drevnei Rusi: Rostovo-Yaroslavskaya zemlya. 2022. Saint Petersburg, pp. 15-17 (In Russ.).*

16. Milyutenko N.I. *Svyatoi ravnoapostol'nyi knyaz' Vladimir i kreshchenie Rusi. 2008. Saint Petersburg (In Russ.).*

17. Milyutenko N.I. *Svyaty knyaz'ya-mucheniki Boris i Gleb. 2006. Saint Petersburg (In Russ.).*

18. Novikova O.L. *«Georgievskii» konvolyut i rukopisi Kirillo-Belozerskogo monastyrya // Vestnik «Al'yans-Arkheo». 2017. Vyp. 19, pp. 25-37 (In Russ.).*

19. Panin L.G. *Nekotorye rezultaty lingvotekstologicheskogo issledovaniya Pokhval'nogo slova na sobor arkhangelov Mikhaila i Gavriila Klimenta Okhridskogo v sostave Mineinogo Torzhestvennika // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2011. T. 10. № 8, pp. 54-58 (In Russ.).*

20. Panin L.G. *Pokhvala svyat. Nikolayu Mirlikiiskomu v slavyano-russkikh spiskakh // Pravilo very i obraz krotosti... 2004. Moscow, pp. 235-250 (In Russ.).*

21. Polonskii D.G. *Sostav pouchenii o Vselenskikh soborakh v slavyanskikh rukopisnykh sbornikakh XII–XVII vv.: arkhograficheskie aspekty issledovaniya // Akademicheskaya arkhografiya v Rossii XVIII-XXI vv. (Tikhomirovskie chteniya 2016 g.). 2017. Moscow (In Russ.).*

22. Serebryanskii N.I. *Drevnerusskie knyazheskie zhitiya. 1915. Moscow (In Russ.).*

23. Turilov A.A. *Vizantiiskii i slavyanskii plasty v «Skazanii inoka Khristodula» // Slavyane i ikh sosedi. Vyp. 6 (Slavyanskii i grecheskii mir v Srednie veka i rannee Novoe vremya: sb. statei k 70-letiyu G.G. Litavrina). 1996. Moscow, pp. 88-89 (In Russ.).*

24. Ukrainskaya T.N. *Zhitie Dimitriya Prilutskogo — pamyatnik vologodskoi agiografii // Drevlekhranilishche Pushkinskogo Doma: materialy i issledovaniya. 1990. Leningrad: Nauka (In Russ.).*

25. Fedotova M.A. *Zhitie Nikity Stolpnika Pereyaslavskogo (rukopisnaya traditsiya) // Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Publikatsii. Polemika. 2005. Saint Petersburg (In Russ.).*

26. Chertoritskaya T.V. *K voprosu o literaturnoi, istorii drevnerusskogo mineinogo Torzhestvennika // Drevnerusskaya rukopisnaya kniga i ee bytovanie v Sibiri. 1982. Novosibirsk, pp. 5-27 (In Russ.).*

27. Chertoritskaya T.V. *Torzhestvennik i Zlatoust v russkoi pis'mennosti XIV-XVII vv. //*

Милютенко Н.И.

Краткая редакция «Чтения о Борисе и Глебе» Нестора и 6-я Распространенная редакция Обычного жития Владимира в Торжественнике XV в.
Язык и текст. 2023. Том 10. № 4. С. 107–117.

Milutenko N.I.

Abridged Version of the «Narration of Boris and Gleb» by Nestor and the 6th Version of St. Vladimir's Ordinary Vita in the Panegyrikon of the 15th Century
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 4, pp. 107–117.

Metodicheskie rekomendatsii po opisaniyu slavyano-russkikh rukopisnykh knig. 1990. Vyp. 3. Ch. 2, pp. 329-381 (In Russ.).

28. Shakhmatov A.A. Zhitiya knyazya Vladimira. 2014. Saint Petersburg (In Russ.).

29. Revelli G. Monumenti letterari su Boris e Glev. 1993. Genova.

Информация об авторах

Милютенко Надежда Ильинична, кандидат филологических наук, доцент Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8160-3609>, e-mail: spesmilu@mail.ru

Information about the authors

Nadezhda I. Milutenko, PhD in Philology, Associate Professor, Institute of History, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8160-3609>, e-mail: spesmilu@mail.ru

Получена 01.12.2023

Принята в печать 15.12.2023

Received 01.12.2023

Accepted 15.12.2023

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И
КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING
LANGUAGES AND CULTURES

Рекомендации для русскоязычных учащихся по совершенствованию английского произношения

Бовшик А.С.

Московский государственный университет технологий и управления имени
К.Г. Разумовского (Первый казачий университет) (ФГБОУ ВО «МГУТУ им.
К.Г. Разумовского (ПКУ)»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9482-5449>, e-mail: alex.bovshik@gmail.com

В данной статье даются практические рекомендации как для преподавателей, так и для студентов, направленные на эффективное развитие произносительных навыков русскоязычных учащихся. Рассматриваются распространенные заблуждения («произносительный навык не подлежит деавтоматизации»; «правильное произношение — излишний перфекционизм»; «практическая необходимость в фонетических символах отсутствует» и т.п.), которые часто мешают правильному преподаванию и изучению английских звуков. Практические рекомендации, приводимые в данной статье, включают в себя использование игровых видов деятельности, невербальных средств обучения, таких как изображения и жесты, корректирующих вопросов учителя, а также открытых дискуссий или «мозговых штурмов». Традиционные ресурсы, такие как фонетические таблицы и словари с аудио произношением, также рекомендуются как эффективные средства изучения фонетики английского языка.

Ключевые слова: английский язык, русскоязычные учащиеся, фонетика, фонология, произношение, звук, акцент, качественный и количественный признаки гласных звуков, практические рекомендации, интуитивно понятные объяснения учителя, игровые формы обучения.

Для цитаты: Бовшик А.С. Рекомендации для русскоязычных учащихся по совершенствованию английского произношения [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 4. С. 118–126. DOI:10.17759/langt.2023100410

Mastering English Pronunciation: Insights for Russian-Speaking Learners

Aleksandr S. Bovshik

K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University), Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9482-5449>, e-mail: alex.bovshik@gmail.com

This article provides valuable insights and guidance for both teachers and students, with the aim of effectively enhancing Russian students' pronunciation skills. It challenges common misconceptions that often hinder the correct teaching and learning of English sounds, such as the belief that pronunciation mastery means indefinite retention, that correct pronunciation is excessive perfectionism, that phonetic symbols are unnecessary, etc. By addressing these misconceptions, the article seeks to foster a better understanding of the approach required to master the intricacies of English phonetics. This approach involves incorporating playful activities, utilizing non-verbal aids like images and gestures, implementing corrective questioning, and employing open discussions or brainstorming sessions. The goal is to encourage active participation and critical thinking among students, leading to improved phonetic skills in English language learning. Traditional resources such as phonetic charts and dictionaries with audio pronunciation are also recommended as part of this approach.

Keywords: the English language, Russian-speaking learners, phonetics, phonology, pronunciation, sound, accent, quantity and quality of the vowel sounds, practical recommendations, intuitive instructions, game-based learning.

For citation: Bovshik A.S. Mastering English Pronunciation: Insights for Russian-Speaking Learners. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 4, pp. 118–126. DOI:10.17759/langt.2023100410

The importance of studying the phonetics of a foreign language cannot be disputed, as it plays a crucial role in effective communication, especially in oral interactions. Both speaking and understanding speech require the ability to produce and perceive oral expressions that can be understood by the listener. To achieve this, a shared code, which is phonetics, is essential.

However, despite the availability of extensive reference material on the phonetics of foreign languages, it has been observed that the practice of pronunciation often receives insufficient attention, even within modern communicative approaches to language learning [11]. This lack of emphasis on pronunciation can lead to difficulties in listening comprehension for students [12].

One of the obstacles in successfully teaching phonetics is an excessive focus on theoretical aspects of the subject. Instead of overwhelming students with linguistic terms like fricative and alveolar, teachers should provide intuitive explanations that are simple and effective [4], [6].

To optimize the teaching of phonetics, it is important to identify the factors that hinder the quick and effective acquisition of phonetic knowledge. One significant barrier is the lack of seriousness among adult learners when it comes to studying phonetics. This lack of seriousness is particularly evident when students already possess basic language skills and view the study of phonetics at

advanced stages as a regression to elementary levels [4].

However, the problem runs deeper than just a lack of seriousness. In many cases, this lack of motivation to study phonetics stems from acquired insecurity («learned helplessness») [16]. Students may have had past unsuccessful experiences with phonetics, leading to a fear of criticism, a desire to avoid engaging with the subject, and various misconceptions about learning English phonetics due to students' psychological defense mechanisms.

The fear of playfully experimenting with sounds, present in adults but nearly absent in children, can hinder successful acquisition of the phonetic structures of the language [15]. As practicing English teachers, our task is to dispel these mythical notions about phonetics and create a positive emotional atmosphere through games and accentuating the importance of English pronunciation.

Myth 1: «After mastering your English pronunciation, you will retain this skill indefinitely».

The necessity of a specialized introductory phonetics course is undoubtedly justified. However, in this case, we cannot ignore the following factors:

- 1) The skill of pronunciation, unlike any other, is prone to de-automation [9]. With the complexity of vocabulary, grammar, and syntactical structures, students' attention shifts from how they speak to what they say. This means that while students may initially focus on pronunciation, as they progress in their language learning journey, their pronunciation skills may deteriorate or become less automatic. This is due to the increasing cognitive load on their language processing system, leading them to shift their attention to other aspects of language acquisition [15].
- 2) The nature of working on phonetics changes at different stages of language acquisition. Mastering phonetics is not just about pronouncing individual sounds and words correctly [10]. We are talking about phonetic difficulties that arise not on the level of an individual word but within phrases (such as the differentiating role of intonation, elision, additional sounds, assimilation, etc.) [8]. Therefore, it is crucial for students to understand the nuances and intricacies of how sounds and words interact or may interact within the context of a sentence or phrase. These aspects of phonetics are not always explicitly covered in introductory courses, making it necessary for students to continue refining both their pronunciation skills and listening skills even after completing such courses.

In order to illustrate the point above, the following examples will be provided [11]:

Table 1

What we write	What we say (when a word ends with -t or -d and the next word begins with a consonant, the sounds /t/ or /d/ are not pronounced; sometimes this occurs with the sounds /t/ and /d/ within a single word)
I don't know	I dunno
I want to	I wanna (<i>colloquial</i>)
Internet	Inernet
Lift going up	Lif going up
Second floor	Secon floor
It isn't coming	It isn coming
Politely	Polily (<i>ad hoc</i>)
Friends	Friens

Table 2

What we write	What we say (vowel sounds are occasionally omitted in unstressed syllables, particularly when speaking quickly)
For example	Frexample
Probably	Prob-ly
Accidentally	Accident-ly

Table 3

What we write	What we say (when a word ends with a vowel sound and the next word begins with a vowel sound, an epenthesis phenomenon is sometimes observed, resulting in the insertion of an additional sound)
I go out	I go /w/ out
Do it	Do /w/ it
Do a challenge	Do /w/ a challenge
The elevator	The /j/ elevator
The element	The /j/ element
I agree	I /j/ agree
Me and you	Me /j/ and you

From the teacher's perspective, there is a need to maintain the standards of pronunciation throughout different stages of learning. As students progress in their language acquisition, it becomes even more important for teachers to provide ongoing guidance and correction to ensure that students maintain and improve their pronunciation skills [3]. This involves identifying and addressing the specific areas of difficulty that students face as they move from pronunciation at the word level to the more complex challenges posed by phrases and sentences. By consistently focusing on pronunciation, teachers can help students develop a solid foundation in pronunciation that will serve them well in their language learning journey.

Myth 2: «Striving to pronounce words correctly is excessive perfectionism. Why waste time on it?»

This myth fails to recognize that correct pronunciation is not merely a superficial aspect of language, but rather a crucial element for effective communication. Pronouncing words correctly is not just about aesthetics; it is a mechanism that distinguishes meanings and ensures successful interaction [5].

To dispel this myth among students, an effective approach would be to engage them in the following exercise. They can be asked to think of a single-syllable English word and then provide other words that have similar phonetic compositions but are not identical. For example, they could consider words like «head», «had», «hard», «heart», «hut», «hot» and «hat». This exercise highlights how slight variations in pronunciation can lead to completely different words. The students might initially assume that even a mispronounced word can potentially be understood through context. However, it is important to note that relying solely on context may not always salvage understanding, especially in situations where multiple words sound unclear or are mispronounced [4].

Myth 3: «Why not use Russian sounds when speaking English? After all, some English words are included in the Russian language and are written in Russian [1]».

While it is true that there are certain sounds in English that are similar to Russian sounds in terms of articulation (such as [r], [b], [g], [s], [z], [m], etc.), it is crucial to discourage students from relying solely on familiar Russian phonemes or phonetic symbols. Although knowledge of certain Russian phonemes may help in reproducing English counterparts, the majority of English sounds do not have direct equivalents in the Russian language [9].

To debunk this third myth, it is important to highlight the quantitative disparity in vowel sounds between Russian and English. Russian has only six vowel sounds, while English has a staggering 20 vowel sounds. This significant difference illustrates the need to approach English pronunciation independently and not rely on Russian phonetics [4].

For instance, the English word «lady» has been assimilated into Russian as «леди» (ledi). However, a native English speaker may interpret «леди» as «lady» (паренек), which completely alters the intended meaning. Thus, it is crucial to emphasize that the focus should not be on imitating a specific variant of English speech (such as RP — Received Pronunciation), but rather on understanding the fundamental universal differences between phonemes.

Additionally, it is important to address the idea that there is no speech without an accent, as there are numerous accents in English [11]. This notion helps students overcome the fear of speaking and understand that there is no singular correct variant of English speech.

Myth 4: «There is no point in studying special phonetic symbols. Using the alphabet letters is enough».

Contrary to the belief that using the regular alphabet letters is sufficient for pronunciation, it is essential to study special phonetic symbols. Despite the fact that there are indeed some consistent patterns between sounds and their written representation, it is important to understand that English writing is not phonetic as opposed to Russian writing [4].

Understanding these special phonetic symbols allows us to accurately represent the various nuances and subtleties in pronunciation that cannot be adequately conveyed through regular alphabet letters alone [13]. These symbols provide a systematic way to represent sounds, making it easier for learners to grasp the intricacies of English pronunciation.

Myth 5: «The only difference between individual vowel sounds (а: - А, э: - э, u: - u, i: - I) is their length».

It seems that this misconception is widespread among students, teachers, and even authors of reputable English textbooks. However, it is important to realize that the length of a vowel sound is not the sole determining factor.

In English, there is a qualitative difference between vowel sounds, known as *tense* and *lax* [11]. While the quantitative aspect, which refers to the length of the sound, is relevant, it is not the primary distinguishing factor. This is evident from the fact that we use different symbols to denote long and short vowel sounds, rather than a simple colon sign.

Understanding the qualitative difference between tense and lax vowel sounds is crucial because it affects the way words are pronounced. Focusing solely on the duration of a sound can mislead students, even if the teacher or textbook provides flawless pronunciation examples.

With the advancement of technology, we now have access to modern electronic players that allow us to adjust the speech tempo [14]. This, in turn, enables us to vividly confirm that the same sound marked as long can have different durations in different words while maintaining the quality

of tenseness. For instance, when we listen to words like «food» and «juice» at various speeds, we can observe that the length of the vowel sound changes, but the quality of tenseness remains consistent.

To challenge the myth further, singing English songs can be an excellent exercise. By elongating both «long» and «short» sounds equally while maintaining their respective qualities, we can debunk the misconception that the length of a vowel sound is the only factor determining its pronunciation. For example, when we elongate the word «live», it does not transform into a different word like «leave», highlighting the importance of understanding the qualitative difference in vowel sounds [4].

Myth 6: «It is impossible to practice pronunciation without a coach».

Undoubtedly, having a teacher is a desirable factor in improving pronunciation, especially when it comes to adult learners. However, self-practice with sounds is also important for acquiring the necessary pronunciation skills, especially when modern teaching methods and internet technologies are utilized.

Some original game-based forms of phonetics learning can be suggested to supplement the role of a coach. One effective method is sound recording, where students record their own speech at different stages of language learning. For example, they can record themselves retelling a text and compare their pronunciation to that of native speakers. This allows them to identify areas for improvement and work on specific sounds [4].

Another fun approach is the *fictional biography* technique, where students pretend to be English-speaking characters and practice speaking in an English or American accent. This helps them understand the individual articulation mechanisms and develop a more natural pronunciation [17].

Tongue twisters are also beneficial in practicing specific sounds. Students can focus on tongue twisters that target the sounds they struggle with, helping them improve their pronunciation in a playful way [12].

Eliminating unnecessary words (or choosing correct ones) based on sound is another technique that can now be used with the help of mobile or online pronunciation applications. By focusing on the sound rather than the meaning, students can develop a better understanding of individual sounds and how they are produced [7].

When working independently, students can utilize phonetic charts (available in a smartphone app) as a reference to understand the different sounds in English [7]. Today, there are also dictionaries with audio pronunciation that allow students to listen to the correct pronunciation of particular words.

In addition to the above techniques, learners should be encouraged to use tablet and smartphone applications which offer interactive games and tutorials that make learning phonetics enjoyable. For example, there are some applications that provide video lessons from high-quality accent coaches, including the chance to practice speaking and receive immediate, accurate feedback on your pronunciation using advanced speech recognition technology [14].

A more natural way to master English pronunciation would be watching English-language films both with and without English subtitles, which can significantly help learners to improve their pronunciation by observing how native speakers articulate words [14]. This is well supplemented and reinforced by the speech shadowing technique which involves listening to a native speaker or audio recording and repeating the words or phrases immediately after them. The purpose is to closely mimic the rhythm, intonation, and overall pronunciation of the native speaker [7].

Watching videos at home and reproducing not only the speech intonation pattern but also the

gestures and facial expressions of characters can also enhance pronunciation skills [6]. This helps students connect the auditory and visual aspects of language learning, leading to better pronunciation. It is worth noting that nonverbal (visual) support is also desirable when working on certain sounds with the teacher's assistance. For example, teachers can use images or gestures to reinforce the practice of specific sounds. Hand gestures can be used to illustrate the difference between narrow and wide sounds, helping students visualize the correct articulation [4].

In conclusion, optimizing the process of teaching English phonetics can be achieved through dispelling mythical beliefs and incorporating game-based activities. It may be advisable for teachers to indirectly address students' misconceptions by guiding them through corrective questions and vivid illustrations during open discussions or «brainstorming sessions». By utilizing these methods and resources, students can practice pronunciation effectively, even without constant guidance from a coach.

Литература

1. Бовшик А.С., Гайворонская С.О. Крижж по-русски: англицизмы в ментальном лексиконе билингов [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Т. 9. № 2. С. 91-100. DOI: 10.17759/langt.2022090210
2. Бовшик А.С., Гайворонская С.О. Инклюзивный потенциал сторителлинга при обучении иностранному языку // Филологические науки в МГИМО. 2022. Т. 8. № 1 (30). С. 80-93.
3. Бовшик А.С. Проблема исправления ошибок в устной речи обучающихся в условиях реализации принципов теории свободного воспитания // Высшее образование для XXI века: проблемы воспитания. XIV Международная научная конференция: в 2-х частях. 2017. С. 519-522.
4. Бовшик А.С. Факторы успешного освоения практической фонетики английского языка // Высшее образование для 21 века. XIII Международная научная конференция: доклады и материалы. 2016. С. 3-7.
5. Acton W. Changing Fossilized Pronunciation // TESOL Quarterly. March 1984. Vol. 18, no. 1, pp. 71-85.
6. Allen V. Teaching Intonation, from Theory to Practice // TESOL Quarterly. March 1971. Vol. 5, no. 1, pp. 73-81.
7. Almihmadi M. Teaching English Phonetics to Non-Native Speakers of English: An Innovative Constructivist Paradigm // Frontiers of Language and Teaching. 2012. № 3, pp. 41-48.
8. Anderson-Hsieh J. Teaching Suprasegmentals to International Teaching Assistants Using Field-Specific Materials // English for Specific Purposes. 1990. Vol. 9. Issue 3, pp. 195-214.
9. Beebe L. Myths about Interlanguage Phonology // Theoretical Issues in Contrastive Phonology (Studies in Descriptive Linguistics). 1984. No. 13. Heidelberg: Julius Groos Verlag, pp. 51-61.
10. Bolinger D. Around the Edge of Language: Intonation // Harvard Educational Review. 1964. Vol. 34, pp. 282-293.
11. Brown A. Pronunciation and Phonetics: A Practical Guide for English Teachers. 2014. London and New York: Routledge. 324 p.
12. Brown A. Teaching Pronunciation: A Book of Readings. 1991. London and New York: Routledge. 304 p.
13. Jabbarova L. Methods of Teaching English Phonetics to University Students // Conference Zone. 2022, pp. 28-29.
14. Jing X. Application of Mobile Learning System in Phonetics Teaching // Proceedings of the 8th International Conference on E-education, E-business, E-management and E-learning. 2017. pp. 19-23.
15. Kissling E. Teaching Pronunciation: Is Explicit Phonetics Instruction Beneficial for FL

Learners? // *The Modern Language Journal*. 2013. № 97 (3), pp. 720-744.

16. Lekha Swarna Priya M., Kumar P. Teaching Phonetics to Enhance Pronunciation in an ESL Classroom // *Journal of Critical Reviews*. 2020. Vol. 7, no. 2, pp. 669-672.

17. Toshpulatova F. Teaching English Phonetics Using Modern Methods // *Web of Scientist. International Scientific Research Journal*. 2021. Vol. 2, no. 6, pp. 8-14.

References

1. Bovshik A.S., Gaivoronskaya S.O. Runglish in Action: Anglicisms in the Bilingual Mental Lexicon [Elektronnyi resurs]. *Áзык i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 2, pp. 91-100. DOI: 10.17759/langt.2022090210 (In Russ.).

2. Bovshik A.S., Gaivoronskaya S.O. Inklyuzivnyi potentsial storitellinga pri obuchenii inostrannomu yazyku // *Filologicheskie nauki v MGIMO*. 2022. T. 8. № 1 (30), pp. 80-93. DOI: 10.24833/2410-2423-2022-1-30-80-93 (In Russ.).

3. Bovshik A.S. Problema ispravleniya oshibok v ustnoi rechi obuchayushchikhsya v usloviyakh realizatsii printsipov teorii svobodnogo vospitaniya // *Vysshee obrazovanie dlya XXI veka: problemy vospitaniya. XIV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya: v 2-kh chastyakh*. 2017, pp. 519-522 (In Russ.).

4. Bovshik A.S. Faktory uspehnogo osvoeniya prakticheskoi fonetiki angliiskogo yazyka // *Vysshee obrazovanie dlya 21 veka. XIII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya: doklady i materialy*. 2016, pp. 3-7 (In Russ.).

5. Acton W. Changing Fossilized Pronunciation // *TESOL Quarterly*. March 1984. Vol. 18, no. 1, pp. 71-85.

6. Allen V. Teaching Intonation, from Theory to Practice // *TESOL Quarterly*. March 1971. Vol. 5, no. 1, pp. 73-81.

7. Almihmadi M. Teaching English Phonetics to Non-Native Speakers of English: An Innovative Constructivist Paradigm // *Frontiers of Language and Teaching*. 2012. № 3, pp. 41-48.

8. Anderson-Hsieh J. Teaching Suprasegmentals to International Teaching Assistants Using Field-Specific Materials // *English for Specific Purposes*. 1990. Vol. 9. Issue 3, pp. 195-214.

9. Beebe L. Myths about Interlanguage Phonology // *Theoretical Issues in Contrastive Phonology (Studies in Descriptive Linguistics)*. 1984. No. 13. Heidelberg: Julius Groos Verlag, pp. 51-61.

10. Bolinger D. Around the Edge of Language: Intonation // *Harvard Educational Review*. 1964. Vol. 34, pp. 282-293.

11. Brown A. *Pronunciation and Phonetics: A Practical Guide for English Teachers*. 2014. London and New York: Routledge. 324 p.

12. Brown A. *Teaching Pronunciation: A Book of Readings*. 1991. London and New York: Routledge. 304 p.

13. Jabbarova L. Methods of Teaching English Phonetics to University Students // *Conference Zone*. 2022, pp. 28-29.

14. Jing X. Application of Mobile Learning System in Phonetics Teaching // *Proceedings of the 8th International Conference on E-education, E-business, E-management and E-learning*. 2017. pp. 19-23.

15. Kissling E. Teaching Pronunciation: Is Explicit Phonetics Instruction Beneficial for FL Learners? // *The Modern Language Journal*. 2013. № 97 (3), pp. 720-744.

16. Lekha Swarna Priya M., Kumar P. Teaching Phonetics to Enhance Pronunciation in an ESL Classroom // *Journal of Critical Reviews*. 2020. Vol. 7, no. 2, pp. 669-672.

17. Toshpulatova F. Teaching English Phonetics Using Modern Methods // *Web of Scientist. International Scientific Research Journal*. 2021. Vol. 2, no. 6, pp. 8-14.

Бовшик А.С.
Рекомендации для русскоязычных учащихся по
совершенствованию английского произношения
Язык и текст. 2023. Том 10. № 4. С. 118–126.

Bovshik A.S.
Mastering English Pronunciation: Insights for Russian-
Speaking Learners
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 4, pp. 118–126.

Информация об авторах

Бовшик Александр Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет) (ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9482-5449>, e-mail: alex.bovshik@gmail.com

Information about the authors

Aleksandr S. Bovshik, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9482-5449>, e-mail: alex.bovshik@gmail.com

Получена 01.12.2023
Принята в печать 15.12.2023

Received 01.12.2023
Accepted 15.12.2023